

"A tantalizing, suspenseful, exceptionally
clever novel." — *The Horn Book*

THE THIEF

MEGAN WHALEN TURNER

Annotation

Вор, королевский чародей, два его ученика (Никчемный Старший и Никчемный Младший) и бравый солдат отправляются в королевство Аттолия за мифическим сокровищем маленькой страны Эддис. Первый роман фантастической серии «Царский Вор».

Меган Уолен Тернер

Вор

Глава 1

Я уже не помнил, сколько пробыл в тюрьме. Дни ничем не отличались один от другого, разве что с окончанием каждого из них я становился все грязнее. Каждое утро колеблющийся рыжий свет факелов за моей дверью сменялся тусклым отблеском солнечный лучей, проникающих в центральный двор. Вечером солнечный свет исчезал, и я утешал себя мыслью, что приблизился к свободе еще на один день. Чтобы убить время, я старался сосредоточиться на приятных воспоминаниях, тщательно сортировал их в своей памяти и внимательно рассматривал одно за другим. Я также до мельчайших деталей разобрал все планы побега, которые казались такими простыми, пока я не очутился в тюрьме на самом деле и не поклялся себе и каждому известному мне богу, что никогда больше не допущу подобной катастрофической глупости.

За время, прошедшее со дня ареста, я сильно исхудал. Толстое железное кольцо, когда-то плотно охватывавшее мою талию, теперь свободно болталось на бедрах, но все же не настолько свободно, чтобы я мог протолкнуть через него мой тощий зад. Всего несколько заключенных сидели в своих камерах на цепи, и только те, кто особенно не нравился нашему царю: пара казначеев, генерал и министр финансов, заявившие царю, что в казне не осталось больше денег на военные расходы.

Конечно, я ничего подобного и в мыслях не имел, но мог с полной уверенностью сказать, что царь не любит и меня тоже. Даже если он не помнил моего имени и не смог бы узнать под слоем грязи, он все же не хотел, чтобы я ускользнул от него. Именно поэтому цепи сковывали мои лодыжки, тянулись от железного пояса на талии, и даже болтались на запястьях, прикрепленные к совершенно бесполезным наручникам.

Руки я, конечно, освободил первым делом, но так как иногда кандалы нужно было в спешном порядке надевать снова, я сильно ободрал кожу на тыльной стороне ладоней. Через некоторое время боль прошла, но я решил больше не снимать железные кольца. Чтобы не терять навыков, я практиковался в бесшумном передвижении, и научился управляться с цепями без единого лязга.

Моя цепь позволяла мне перемещаться по дуге от переднего угла камеры до ее середины и обратно. В этом углу стояла моя, так сказать, кровать, представляющая из себя каменную скамью с тонким мешком опилок в головах. И еще горшок. Больше в камере не было ничего, так что моим единственным развлечением были упражнения с цепями и подаваемая два раза в день еда.

Время от времени дверь открывалась, и проходящие мимо охранники заглядывали внутрь, отдавая дань моей репутации. Ошалев от чувства собственного величия, я бесстыдно хвастался своим мастерством в каждом винном погребе города. Я желал, чтобы все вокруг знали, что пьют с лучшим из всех смертных воров, который вот-вот достигнет вершины своей карьеры. Посмотреть на мой суд собрались огромные толпы людей. Как оказалось, там присутствовала и большая часть тюремной охраны, так что теперь я был намертво прикован к железному кольцу над моей постелью, хотя другим заключенным иногда позволяли

погреться на солнышке во внутреннем дворе тюрьмы.

Один из охранников, похоже, надеялся застукать меня с собственной головой под мышкой.

— Что? Ты еще не сбежал? — смеялся он.

И каждый раз в ответ на его смех я с видом оскорбленного достоинства плевал в его сторону. Это было невежливо, но мне не всегда удавалось сдержать обиду. Что бы я ни сделал, охранник смеялся еще больше.

От холода я часто болел. Когда меня арестовали и вытащили из винного погребка, стояла ранняя весна. Потом за пределы тюремных стен пришло жаркое и пыльное лето, и весь город словно вымирал в часы дневного сна, но солнечные лучи не проникали в тюремную камеру, и она оставалась такой же сырой и промозглой, как в первый день моего появления здесь. Я часами мечтал о солнце, представляя, как оно нагревает городские стены, заставляя желтые камни излучать тепло даже через несколько часов после заката, как оно высушивает лужи воды вокруг колодцев и капли вина на пороге кабаков — редкие возлияния богам от забывчивых пьяниц.

Иногда я перемещался на всю длину цепи и рассматривал сквозь решетку в двери длинную галерею, отделявшую темные камеры от залитого солнечным светом двора. Тюрьма представляла из себя два этажа камер-клеток, поставленных друг на друга; я находился на верхнем уровне. Каждая камера выходила на галерею, а галерея отделялась от двора каменной стеной без единого окошка. Наружные стены тюрьмы были фута в три или четыре толщиной^[1] и сложены из таких огромных камней, что и десять человек не смогли бы сдвинуть их. Легенда гласила, что древние боги сложили эти стены за один день.

Тюрьма была видна практически из любой точки города, потому что город был построен на склонах холма, а тюрьма располагалась на самой его вершине. К тюрьме примыкало большое здание — дом царя, его Мегарон. Раньше здесь еще стоял храм древних богов, но его разрушили; базилику новым богам построили чуть ниже по склону. Мегарон с его большим тронным залом и огромным домашним очагом всегда был царской резиденцией, а вот нынешнюю тюрьму переделали из агоры,^[2] здесь когда-то встречались горожане, а купцы навязывали им свое барахло. В маленьких лавочках вдоль галереи торговали вином и одеждой или свечами и ювелирными изделиями, привозимыми с островов. Выдающиеся граждане города имели обыкновение забираться на высокие каменные блоки и обращаться оттуда к народу с речами.

Потом со стороны моря к нам явились оккупанты со своими баркасами и собственными представлениями о коммерции; они организовали торговлю на открытых рынках рядом с кораблями. В царском Мегароне поселился их губернатор, а крепкое каменное здание агоры приспособили под тюрьму. Выдающихся граждан приковали к камням, на которых они в прежние времена так любили стоять.

Старые захватчики были вытеснены новыми, но через некоторое время граждане Суниса восстали и вернули милую их сердцу монархию. Тем не менее, люди продолжали вести торговлю на набережной, это стало привычкой, а новый царь продолжал использовать агору в качестве тюрьмы. Так ему было намного удобнее, потому что новый царь не состоял в родстве ни с одной из семей, которые правили городом в прошлом. К тому времени, как я попал за решетку, большинство горожан уже не помнило, что тюрьма некогда была чем-то иным, а совсем не загоном для злостных неплательщиков налогов и прочих преступных элементов.

Я лежал в своей камере на спине, задрав ноги в воздух и обмотав вокруг них цепь, которая тянулась от моей талии к железному кольцу на стене. Был поздний вечер, солнце уже несколько часов как скрылось за горизонтом, и на стене галереи всюду чадили факелы. Я лениво взвешивал преимущества свежей пищи против чистой одежды, и не обратил внимания на топот ног за дверью камеры. В конце галереи находилась окованная железом дверь, которая вела в караулку, так что стражники проходили мимо моей камеры много раз в день. Если бы в мою дверь постучали, я бы успел приготовиться прежде, чем широкая полоса оранжевого света упала на грязные каменные плиты около моей лежанки. Я повернулся и сел, стараясь двигаться, как грациозное хищное животное. Но, застигнутый врасплох и почти ослепленный, я зацепился за цепь, все еще обернутую вокруг ноги, и чуть не свалился на пол.

— Это он?

Неудивительно, что в голосе моего гостя не прозвучало восторга. Я привел себя в вертикальное положение, слепо щурясь на свет лампы и почти ничего не видя. Охранник заверил кого-то, что я действительно тот самый узник, которого он желает видеть.

— Ну, что ж, берите его.

Охранник ответил:

— Да, халдей, — и начал ковыряться в замке моего железного пояса.

Теперь мне стало понятно, кто навел на меня этим поздним вечером: один из главных советников царя. Халдеи служили царям еще до прихода захватчиков, но этот был не просто гадателем и магом. Он был настоящим ученым. Он читал книги и свитки на всех известным языках и знал абсолютно все, что было или не было записано. Когда царю нужно было узнать, сколько колосков вырастет на акре земли, халдей мог сказать ему это, не сверяясь с налоговыми записями. Когда царь желал выяснить, сколько крестьян будет голодать, если акр поля будет сожжен, халдей мог сообщить и это тоже. Его знания, в сочетании с умением убеждать, давали ему значительную власть над царем и сделали весьма влиятельной фигурой при дворе. Кстати, он был на моем суде. Я видел, как он сидит на галерее за спинами судей, положив ногу на ногу и скрестив руки на груди.

После того, как я распутал цепи на ногах, стражник расстегнул кандалы на моих щиколотках толстым, как мой палец, ключом. Он оставил наручники, но отстегнул тяжелую цепь с кольца на поясе. Затем меня потащили вон из камеры. Халдей оглядел меня снизу вверх и сморщил нос, вероятно, от запаха.

Он захотел узнать мое имя.

Я сказал:

— Ген, — однако, он не был расположен к дальнейшей беседе.

— Ведите его за мной, — сказал он, повернулся ко мне спиной и пошел прочь.

Все мои попытки идти самому, казалось, шли вразрез с намерениями охранников, поэтому меня рывками потащили вниз по лестнице. Два потных солдафона подпирали меня с обеих сторон, а я болтался между ними, изящный, как больная кошка. Мы прошли через караульное помещение, к воротам в тюремной стене, а потом по каменной лестнице поднялись во двор между тюрьмой и южным крылом царского Мегарона. Со всех сторон нас окружали высокие древние стены. Со времен захватчиков царский дворец превратился в

настоящую твердыню.

Следуя за охранником с фонарем, мы пересекли двор и по короткой лестнице поднялись к двери в стене Мегарона. По другую сторону двери белоснежные стены коридора отражали свет стольких ламп, что казалось, опять наступил день. Я повернул голову в сторону и выдернул из лап охранника руку, чтобы прикрыть глаза. Лучи света пронзали мою голову, словно копья. Оба стражника остановились, и один из них попытался снова ухватить меня за руку, но я опять отнял ее. Халдей остановился на звук нашей возни.

— Дайте ему время, пусть глаза привыкнут, — сказал он.

Минуты мне вполне хватило, я сморгнул с глаз непрошенные слезы, и мы пошли дальше по коридору. Я низко опустил голову и почти закрыл глаза, так что мало что успел разглядеть. Полы были мраморные, между прочим, а стены кое-где украшены изображениями лилий, птиц и черепах. Потом мы поднялись по лестнице, вдоль которой была нарисована свора охотничьих собак, преследующих льва; лев опирался на косяк двери, перед которой мы и остановились. Халдей постучал и вошел. Охранники вместе со мной втиснулись в узкий дверной проем. Я огляделся, чтобы посмотреть, кто мог наблюдать за моим неуклюжим появлением, но комната была пуста.

Я был взволнован, моя кровь бурлила, как вино, но вместе с тем я смертельно устал. Подъем по лестнице измотал меня, словно восхождение на гору. Колени мои подгибались, и я теперь был рад, что стражники держат меня под локти. Когда они отпустили меня, я потерял равновесие и некоторое время под звон цепей махал руками, чтобы не свалиться на пол.

— Можете идти, — сказал халдей охранникам. — Приходите за ним через полчаса.

Полчаса? Мои было воспарившие надежды несколько увяли. Солдаты вышли, а я оглядел комнату. Это был небольшой кабинет с письменным столом и несколькими удобными креслами вокруг него. Халдей стоял около стола. Окно рядом с ним должно было выходить на большой двор Мегарона, но маленькие стекла отражали только свет горящих внутри ламп. Я снова поглядел на кресла. Выбрав самое красивое, я со вздохом облегчения уселся. Халдей напрягся, его брови вытянулись в одну линию над колючими глазами. Брови были совсем черные, хотя волосы на голове из-за обильной седины казались серыми.

— Встань, — приказал он.

Я поглубже уселся на пуховой подушке сиденья и откинулся на спинку. Сидеть в кресле было почти так же приятно, как носить чистую одежду и есть свежую пищу, и я не смог бы встать, даже если бы захотел. Мои колени совсем ослабели, а желудок сводило судорогой, угрожая вытолкнуть наружу те крохи пищи, которые я недавно проглотил. Спинка кресла находилась на уровне моих ушей, так что я просто откинул голову и смотрел вверх носа на халдея, все еще стоявшего возле стола.

Халдей дал мне несколько минут, чтобы освоиться, прежде чем подошел ближе. Он стал медленно наклоняться, пока кончик его носа не замер в нескольких дюймах напротив моего. Никогда раньше я не видел его так близко. Нос у него был крупный, как у большинства наших горожан, но глаза были светло-серыми, а не карими. Обветренный лоб изрыт глубокими морщинами то ли под частым воздействием солнца, то ли из-за привычки хмуриться. Я подумал, что он немало поработал на свежем воздухе, прежде чем уселся за свои книги. Потом я перестал размышлять о его лице и перевел взгляд обратно к глазам.

— Со временем мы могли бы прийти ко взаимному уважению, — тихо сказал он. «Не раньше, чем рак на горе свистнет», подумал я. Он продолжал: — Но для начала мне будет

достаточно твоего послушания.

Его способность передать зловещую угрозу таким коротким набором слов была поистине замечательной. Я сглотнул и мои руки задрожали на подлокотниках кресла. Цепи звякнули, но я не попытался встать. Ноги не послушались бы меня. Должно быть, он понял это и принял к сведению, потому что отступил, оперся на письменный стол и раздраженно махнул рукой.

— Ладно, оставайся там. Потом подушки почистят. Или сожгут.

Я почувствовал, что мое лицо краснеет, но, в конце концов, не моя вина была в том, что от меня воняло. Посидел бы сам в тюрьме несколько месяцев, а потом мы бы посмотрели, сохранил бы он запах старых книг и душистого мыла?

Он еще некоторое время рассматривал меня и, кажется, оказался не впечатлен увиденным.

— Я видел тебя в суде, — наконец сказал он.

Я не стал говорить, что тоже заметил его.

— Ты похудел.

Я пожал плечами.

— Скажи мне, — продолжал халдей, — почему ты до сих пор не отказался от нашего гостеприимства? В суде ты заявил, что даже стены царской тюрьмы не удержат тебя в неволе; я был удивлен, что ты до сих пор не сбежал.

Похоже, он наслаждался ситуацией. Я скрестил ноги и уселся поудобнее. Он поморщился. Пожалуй, мне пора заговорить.

— Некоторые вещи требуют времени на подготовку.

— Надо же, как верно подмечено, — сказал халдей. — И сколько же времени тебе понадобится?

Еще полчаса, подумал я, но не произнес ни слова.

— Думаю, это займет много времени, — продолжал халдей. — Всю твою оставшуюся жизнь. В конце концов, — пошутил он, — когда ты умрешь, в тюрьме тебя не оставят, не так ли?

— Полагаю, нет.

Глупая шутка, совсем не смешно.

— Ты многими вещами хвастался в суде. И будешь продолжать хвастаться, я полагаю?

— Я могу украсть что угодно.

— Таков твой род занятий. И глупое пари с братьями по профессии привело тебя в тюрьму. — он взял со стола перо и несколько секунд вертел его в руках. — Печально, что такой талант, как у тебя, часто достается дуракам; но твое счастье в том, что я заинтересован в твоём мастерстве, а не в мозгах. Конечно, если ты действительно так хорош, как говоришь.

— Я могу украсть что угодно и откуда угодно, — повторил я.

— Кроме себя самого из царской тюрьмы? — спросил халдей, скептически приподняв одну бровь.

Я снова пожал плечами. Я и это мог бы сделать, но такая кража займет некоторое время. Она может занять много времени, так что я надеялся, что царский халдей предложит мне более быстрый способ.

— Ну, по крайней мере, теперь ты знаешь, как полезно бывает держать язык за зубами, — сказал халдей.

Он оттолкнулся от стола и сделал несколько шагов по комнате. Когда он повернулся ко

мне спиной, я откинул волосы со лба и еще раз быстро огляделся. Я уже понял, что это был его кабинет. На полках лежали книги и старые свитки. Широкая скамья была заставлена небольшими амфорами и всяческой глиняной посудой. Среди них стояли даже стеклянные бутылки.^[3] Ниша в конце комнаты была задернута занавеской... и из-под нее торчали носки кожаных сандалий. Мой желудок сжался, и я быстро отвернулся.

— Ты мог бы сократить свой тюремный срок, не сокращая жизнь, — сказал халдей.

Я тупо глядел на него. Я потерял нить разговора. Сейчас он пытался вернуть меня к нашему спору, и я понял, что он тоже нервничает. Значит, я могу расслабиться.

— Продолжайте.

— Я хочу, чтобы ты кое-что украл для меня.

Я улыбнулся.

— Может быть, царскую печать? Могу устроить.

— На твоём месте я бы не наглел, — напомнил халдей.

Его голос звучал хрипло. Я широко улыбнулся. Золотое кольцо с резным рубином находилось у него на сохранении, когда я выкрал его. Пропажа печати, я был уверен, сильно поколебала его престиж при дворе. Он невольно оглянулся на занавешенную нишу, стало быть, я попал в точку.

— Нужно украсть одну вещь. Сделай это для меня, и я прослежу, чтобы ты не вернулся в тюрьму. Если ты не сможешь это сделать, я опять же прослежу, чтобы в тюрьму ты не вернулся.

Заклученных часто забирали из тюрьмы. Каменщик, плотник, кузнец, любой ремесленник знал, что он проживет свой тюремный срок, работая на благо царя. Неквалифицированную рабочую силу собирали несколько раз в год и отправляли на серебряный рудник к югу от города. Редко кто из них возвращался, большинство заключенных просто исчезали. Халдей достаточно ясно дал понять, что он имеет в виду, поэтому я просто кивнул.

— Что я должен украсть?

Вот все, что меня интересовало. Халдей уклонился от ответа.

— Подробности узнаешь позже. Сейчас мне достаточно просто знать, что ты сможешь.

То есть я не заболел, не был искалечен или доведен голодом до полусмерти, находясь в тюрьме.

— Я смогу, — заверил я. — Но мне надо знать, что я краду.

— Тебе скажут. Но сейчас это не твоё дело.

— Что будем делать, если я не смогу?

— Я думал, что ты можешь украсть что угодно, — издевательски возразил он.

— Кроме самого себя из царской тюрьмы, — согласился я.

— Не умничай, — покачал головой халдей. — Даже не пытайся. — я открыл было рот, чтобы заверить его в своей серьезности, но он продолжал. — Нам придется совершить небольшое путешествие. Так что у тебя будет достаточно времени, чтобы узнать о цели поездки.

Я откинулся на спинку кресла, успокоился и молча радовался услышанному. Если я выберусь за ворота Суниса, никто не сможет вернуть меня назад. Должно быть, халдей прочитал мои мысли, потому что снова наклонился ко мне.

— Не принимай меня за дурака.

Что правда, то правда, дураком он не был. Но ему нечем было удержать меня. Он

вернулся к столу, а я сидел в кресле и думал, что боги, должно быть, услышали мои молитвы. Внезапно до меня донеслось, как кольца занавески скользнули по пруту, и вспомнил о сандалиях в нише. Мой желудок снова начал подпрыгивать под ребрами.

Сандалии отпечатали быстрые шаги по комнате, и крепкая рука ухватила меня за волосы. Хозяин руки обошел вокруг кресла, приподнял меня и держал перед собой, внимательно рассматривая.

— Меня тоже за дурака не держи, — предупредил он.

Он был так же невысок, как и его отец: коренастый и крепкий, как мул. Волосы цвета темного золота лежали кольцами над ушами. Возможно, мать так причесывала его в детстве, но сейчас от того милого ребенка не осталось и следа. Он безжалостно тянул мои волосы вверх, а я стоял на кончиках пальцев, чтобы уменьшить боль. Я положил обе ладони ему на плечо, пытаясь толкнуть его руку вниз, но в тот же миг оказался висящим в воздухе.

Он разжал пальцы, ноги подо мной подогнулись, и я упал на пол со звуком, сотрясшим все мое тело. Первым делом я ощупал макушку, проверяя, не обзавелся ли ранней лысиной. Когда я осмелился поднять голову, царь стоял надо мной, вытирая руку об одежду.

— Вставай, — сказал он.

Я поднялся, по-прежнему потирая голову.

Царь Суниса стоял неподвижно. Он чем-то очень напоминал медведя из сказок моей матери. Наш царь был слишком низеньким и жирным, чтобы выглядеть элегантно даже в лучших одеждах, так что рядом со своими придворными смотрелся не слишком представительно, но он был умен и проницателен.

Он дважды в год аккуратно взимал налоги со своих подданных и содержал большое войско, чтобы удержать их от восстания. Налоги поддерживали армию, а когда сама армия становилась угрозой, он отправлял ее на войну с соседями. Военные победы регулярно пополняли его сокровищницу. Царство Суниса расширилось, как никогда, потому что дорогие подарки превращали многих противников царя в союзников. Царь даже согнал аттолийцев с их исконных земель по эту сторону гор Гестии, заставив их пробираться через горные перевалы вдоль границы Эддиса в оставшуюся не завоеванной часть Аттолии на противоположной стороне хребта. Ходили слухи, что новые земли оказались настолько хороши, что царь готовился к новой войне в Аттолией.

Не обращая внимание на халдея, Сунис подошел к полке рядом с моим креслом, взял с нее шкатулку и отнес ее к столу. Он опрокинул шкатулку над столешницей, и из нее высыпался и раскатился по бумагам каскад тяжелых золотых монет. Любой из них было бы достаточно, чтобы купить ферму для семьи со всей необходимой в хозяйстве скотиной. Несколько золотых дисков упало и зазвенело на каменном полу. Один из них приземлился на носок моего сапога, и лежал, подмигивая мне, как желтый глаз.

Я потянулся, чтобы поднять его, но успел остановиться и сказал:

— Мой дядя хранил свое золото под кроватью и пересчитывал каждую ночь.

— Лжец, — возразил царь. — Ты никогда в жизни не видел столько золота.

Он не мог знать, что однажды ночью я просочился в его Мегарон через канализационную трубу и спрятался в сокровищнице. Я целый день проспал в душной темноте на окованных железом сундуках с его казной.

Сунис постучал пустой шкатулкой по лежащим перед ним монетам.

— Если ты не вернешься, я предложу это золото в качестве награды любому, кто сможет доставить тебя обратно. — он перевернул ящичек и с треском захлопнул крышку. Я снова

почувствовал, как мой желудок сжимается в комок. Ради такой награды меня будут гонять, как зайца, с одного конца света до другого. — Конечно, мне было бы приятнее получить тебя живым, — сказал царь и подробно перечислил те ужасные вещи, которые со мной проделают по возвращении на родину.

Я попытался остановить этот неприятный разговор после нескольких первых примеров, но он все говорил и говорил, так что через две минуты я уже замороженно смотрел на него, как суслик на змею, и почти не дышал. Халдей стоял у него за спиной, сложив руки на груди, и слушал так же внимательно. Похоже, он больше не волновался. Он был вполне удовлетворен тем, что царь согласился с его планом и своими угрозами решил помочь нашему общему делу. Мне становилось все хуже и хуже.

* * *

Меня вернули в камеру, теперь она казалась такой уютной и безопасной по сравнению с кабинетом халдея. Как только стражники вышли, я лег на каменную скамью и без излишних церемоний выбросил из головы нашего дорогого царя и его грозное предупреждение. Это были слишком неприятные воспоминания, чтобы останавливаться на них. Я постарался сосредоточиться на чудесном моменте расставания с тюрьмой. Обретя через некоторое время душевное равновесие, я закрыл глаза и заснул.

Глава 2

Я был удивлен во второй раз, когда на следующее утро за мной снова явились двое охранников. Я ожидал, что подготовка путешествия, о котором упоминал халдей, займет некоторое время. Но все говорило в пользу того, что царь одобрил его планы только прошлой ночью. Мои надежды снова обрели крылья, как только до меня дошло, какое долгое путешествие нам предстоит. Халдей как-то позабыл об этом упомянуть.

Еще больше я приободрился, когда меня освободили от цепей. На этот раз тюремщики сняли не только железный пояс и кольца с ног, но и наручники. Железный лязг больше не сопровождал наш проход мимо тюремных камер до двери в караулку. Только звук наших шагов, сопение охранников да скрип кожаных курток, которые они носили под стальными нагрудниками.

Мы снова прошли через казарму к двери во двор между тюрьмой и Мегароном. Когда дверь распахнулась, я понял, как глупо было сравнивать свет ночных ламп с сиянием солнца. Солнечный диск стоял почти в зените, и его лучи падали прямо во двор, не оставляя ни клочка тени. Бледно-золотистые камни стен многократно отражали свет со всех сторон. Я успел только взвыть и выругаться, прежде чем, согнувшись от боли, закрыл голову руками. Хуже могло быть только сожжение на костре. Интересный факт: новые боги, привезенные оккупантами, вполне прижились в Сунисе, но когда человеку требовалась по-настоящему убедительное ругательство, ему приходилось призывать проклятие старых богов. Я перечислил их всех одного за другим, используя выражения, которых поднабрался в нижней части города.

— Срань Господня, — завывал я, пока стражники волокли меня, совершенно ослепшего вниз по лестнице. — Мазафака-а-а-а...

Я крепко прижимал ладони к глазам, поэтому они держали меня за локти. Мои ноги почти не касались камней, да я и не пытался идти самостоятельно. Внизу нас ждал халдей. Тонем святоши он предложил мне взять себя в руки.

— И тебя черт побери тоже, — ответил я сквозь слезы.

Один из охранников встряхнул меня, как старую тряпку, и я собрался было и его послать к дьяволу в задницу, но передумал и решил сконцентрироваться на своих больных глазах. Через пару минут мне стало немного легче и тогда, опустив голову и поставив ладони «домиком» над бровями, я смог разглядеть под ногами широкие плиты конного двора. Я принялся и вытер слезы. Как только мне удалось отнять руки от лица, я попытался разглядеть, что происходит вокруг. Времени у меня было достаточно.

Во дворе перед конюшнями царил невероятный шум и гвалт, лошади шарахались в стороны, люди металась между ними, халдей с воодушевлением орал на всех пробегающих мимо. Рядом со мной кто-то неловко дернул завязки седельной сумы, и ее содержимое вывалилось под ноги особо нервной лошади. Лошадь поднялась на дыбы и потащила по камням конюха, повисшего у нее на уздечке. Похоже, в суме чего-то не хватало. Халдей послал слугу за недостающим скарбом.

— Посмотри на скамье рядом с ретортами, — кричал он вдогонку быстро удаляющейся спине. — Он лежал там, когда я приказывал упаковать его в первый раз, идиот, — пробормотал он, переводя дыхание.

Через некоторое время идиот вернулся с небольшим кожаным мешком, который он опустил в седельную суму. Затем он заново уложил все вещи и завязал ремни. Шум во дворе утих, халдей перестал орать, и лошади успокоились.

Я по-прежнему смотрел на мир сквозь узкие щели между распухшими веками и пытался пересчитать туманные фигуры, мечущиеся передо мной. Наш отряд не был похож на большой караван, всего пять лошадей, но все с солидным багажом, прикрученным к седлу. Стало быть, нам предстоит долгая поездка. Я удовлетворенно усмехнулся. Рядом со мной халдей посмотрел на небо и сказал, ни к кому лично не обращаясь:

— А ведь я собирался выехать на рассвете. Пол, — крикнул он. — Командуй мальчикам садиться на лошадей. Я погружу вора.

Мне не очень понравилось, что обо мне говорят, как о вещи, которую можно засунуть в седельный мешок или привязать к седлу. Он подошел к лошади, я видел, как он знаком предложил мне присоединиться к нему, но не двинулся с места. Я терпеть не мог лошадей. Я знаю, что у людей принято считать их грациозными и благородными животными, но, независимо от того, как лошадь выглядит со стороны, вблизи она может больно тяпнуть вас за руку или лягнуть копытом.

— Что? — я попытался схитрить.

— Лезь на лошадь, ты, идиот.

— Я?

— Конечно ты, дебил.

Я не двигался, и халдей устал ждать. Он шагнул в мою сторону, ухватил меня за загривок и толкнул к конскому боку. Я уперся пятками и отчаянно сопротивлялся. Если бы мне предстояло залезть на животное в два раза выше меня, я предпочел бы сначала научиться на нем ездить. К сожалению, халдей оказался сильнее меня. Схватив меня за шиворот обеими руками, он несколько раз встряхнул меня; опять закружилась голова, и я безвольно обмяк. Раздался треск ткани, но он только сильнее сжал мою шею.

— Поставь левую ногу в стремя, — сказал он. — Левую, тебе говорят.

Я сделал, как было велено, и два конюха подбросили меня в седло. Наконец, я решился откинуть волосы с глаз; я затолкал грязные пряди за уши и осторожно огляделся. Надо же, оказалось, что положение в шести футах над землей дает некоторое ощущение превосходства над двуногими. Я пожал плечами и скрестил руки на груди, но глупое животное подо мной сделало шаг в сторону, и я был вынужден ухватиться за луку седла. Я крепко держался за нее, пока остальные мои спутники забирались в седла.

Когда все уселись, халдей направил своего коня к арке в дальней стороне двора. Моя лошадь послушно пошла за ним, другие последовали за мной, и мы въехали в туннель, который я не заметил прошлым вечером. Мои глаза внимательно обшаривали каждый дюйм внутреннего пространства, пока мы не достигли дворцовых ворот. Нас никто не провожал, ни тебе медных фанфар, ни толп горожан, выкрикивающих добрые напутствия. Впрочем, так даже лучше. Единственным мероприятием, когда толпа кричала в мою честь, был мой собственный суд, и всеобщее внимание не доставило мне ни малейшего удовольствия.

Мы уезжали не через главные ворота Мегарона, поэтому сначала нам пришлось ехать узкой улочкой, шириной чуть больше лошадиной задницы. Мои ноги по обеим сторонам

конской спины касались побеленных стен. Мы несколько раз свернули в такие же узкие проходы и наконец выбрались к воротам старого города, выведшим нас на Священный путь. Ворота были сложены из огромных каменных глыб в мой рост высотой. Наверное, они тоже были построены старыми богами и увенчаны широкой каменной перемычкой с вырезанными на ней фигурами двух львиц, которые по преданию должны были реветь, когда под ними проходил враг царя или города. По крайней мере, их называли львицами. Камень сильно выветрился за долгие века, и только расплывчатые силуэты двух чудовищ, стоящих мордами друг к другу, угадывались в вышине. Они молчали, когда мы проехали сквозь ворота.

Царская дорога была широкой и прямой, извилистый Священный путь дважды пересекал ее, пока мы ехали к докам. Когда-то эта дорога, защищенная каменными стенами, соединяла город с его гаванью и кораблями. Позже Длинные стены были разобраны, чтобы обеспечить камнем строительство двух новых крыльев Мегарона, превратившегося из крепости с одним-единственным залом в четырехэтажный дворец.

Мы ехали по мощеной камнем улице, и стук копыт наших лошадей сливался с прочими звуками города. Наша компания выехала незадолго до полудня и попала в самый разгар торговой суеты, прежде чем люди разойдутся по домам, чтобы переждать дневную жару. По дороге двигалось еще несколько всадников и множество ослов. Люди передвигались на своих двоих или в паланкинах, которые тащили потные рабы. Торговцы доставляли свои товары до Царской дороги в телегах, а потом нагружали ослов и вели их вниз по узким улочкам к задним дверям богатых домов в надежде продать свежие овощи кухаркам, полотно экономкам и вина дворецким. Здесь стоял шум и гам, как в обезьяньей клетке, но я наслаждался им после глухой тюремной тишины.

Мы пробирались сквозь людской водоворот, не обращая внимания на любопытные взгляды. Все мои спутники были одеты в крепкую и практичную одежду путешественников, я один ехал в своих тюремных лохмотьях. Моя туника в начале своей жизни была веселенькой желтой расцветки, и я считал, что буду выглядеть в ней настоящим щеголем, когда торговался за нее с купцом из нижнего города. Теперь она сплошь была покрыта жирными бурыми пятнами, расплзлась на локтях и, благодаря стараниям царского халдея, зияла огромной дырой на плече, бедная моя рубашечка. Интересно, он думал, что я могу остаться голым, когда тряс меня за шиворот?

Мы проехали верхний перекресток Священного пути, а затем нижний, где располагались самые элегантные лавки города. Глядя по обе стороны пересечения дорог, я видел портшезы и модные экипажи, ожидающие у подъездов, пока их хозяева сделают покупки. Один из магазинов на углу торговал исключительно серьгами, и я с тоской посмотрел на него, проезжая мимо. Здесь было слишкомлюдно, а мы были слишком далеко, чтобы я мог хоть мельком взглянуть на товары, выставленные в витрине.

Ко времени, когда мы добрались до нижней части города, толпа заметно поредела, и люди разошлись по домам. Напрасно я оглядывался в поисках знакомого лица. Мне очень хотелось рассказать кому-нибудь, что я свободен, но тем немногим, кто еще бродил по улицам после полудня, это было совершенно безразлично. Добравшись до доков, мы повернули направо и поехали вдоль набережной к северным воротам. Мы миновали пристани торговых судов и пирсы, забитые рыбацкими и прогулочными лодками, а затем царские военные корабли, выстроившиеся по стойке «смирно» у своих причалов. Я развлекался подсчетом пушек, прикрученных к палубам большими болтами, и чуть не

прозевал проходившего мимо Филоникса.

— Филоникс! — закричал я, свешиваясь с седла. — Эй, Филоникс!

Не успел я закрыть рот, как халдей схватил поводья моей лошади и потащил прочь. Он пнул своего коня, и мы рысью выскочили на соседнюю улочку. Я оглянулся, чтобы помахать исчезнувшему за углом Филониксу, но не был уверен, узнал ли он меня. Халдей свернул за следующий угол, а потом мы замедлили шаг, чтобы дождаться остальных трех наших спутников.

— Черт побери! — сказал халдей. — Ты вообще думаешь, что делаешь?

Я махнул рукой назад и с недоумением посмотрел на него.

— Филон мой друг. Я хотел поздороваться.

— Думаешь, всему городу надо знать, что ты выполняешь работу для царя?

— Почему бы нет?

— Ты что, объявляешь всем и каждому, что собираешься украсть, прежде чем начать дело? — он на секунду задумался. — Впрочем, ты так и делаешь. Ну, я не знаю...

— Так почему нельзя? — снова спросил я.

— Не твое дело. Просто держи рот на замке, понял?

— Конечно. — я пожал плечами.

Затор из лошадей и всадников, который мы создали посреди улицы, распался, и мы продолжили наше путешествие. Я опустил голову, чтобы скрыть улыбку, пока моя лошадь трусила вслед халдееву жеребчику.

* * *

Из северных ворот мы снова въехали в прохладный туннель, на этот раз более длинный, чем тот, что вывел нас из Мегарона. Он проходил под земляным валом и новой городской стеной. Затем мы снова оказались на раскаленной солнцем дороге. Надо сказать, что город не заканчивался за пределами его стен. Захватчики со своим разумным способом ведения торговли принесли процветание в Сунис, и он никогда не переставал расти, выплескиваясь за кольцо городских стен.

Мы ехали мимо прекрасных загородных домов тех купцов, которым претило ютиться в городской тесноте. Над верхним краем садовых стен виднелись макушки апельсиновых, фиговых и миндальных деревьев, в просветах ворот иногда мелькал край веранды или цветочная клумба. Лошадь оказалась отличным движущимся насестом, с которого можно было мимоходом заглянуть в жизнь других людей, хотя я предпочел бы забраться на стену и насмотреться досыта. Мне не нравилось, что заинтересовавшие меня картины быстро исчезают за завесой темно-зеленой листвы.

Дальше начинались возделанные земли. Поля раскинулись идеально гладкой поверхностью на многие мили вдоль дороги. Казалось, на скатерти земли нет ни одной морщинки вплоть до самой подошвы Гефестиной горы. Где-то справа от нас, между морем и дорогой, должно было пролегать русло Сеперхи, но я не мог разглядеть его даже из седла. Я даже привстал на стремянах, но мог только догадываться, что быстрые воды скрыты от нас линией деревьев, растущих вдоль берега. После этого усилия мои колени задрожали и я с маху хлопнулся обратно в седло. Лошадь коротко и протестующе всхрапнула.

— Не дергай поводья, — сказал человек справа от меня.

Я посмотрел на кожаные ремни, которые держал в руках и отбросил их прочь. Было очевидно, что животное вполне может обойтись без моего руководства. Поля, засеянные луком, сменялись огуречными грядками и арбузными бахчами. Арбузы были большими, размером с мою голову, значит, уже конец лета, подумал я. Мне потребовалось немало времени, чтобы выбраться из тюрьмы.

Деревья закончились, дальше мы ехали по жаре. Время осеннего суховея еще не пришло, поэтому на всем пространстве, куда достигал взгляд, не колебалась ни единая травинка. Даже поднятая нами пыль ложилась на свое прежнее место. Мы миновали оливковую рощу, растущую перед маленькой фермой. Маленькие серебристые листья казались вырезанными из камня. В городе мне хотелось обхватить потоки солнечного света, завернуться в него, как в одеяло. Я готов был расползтись по конской спине, чтобы впитать в себя как можно больше тепла.

Сначала воздействие прямых солнечных лучей было приятно, но к тому времени, когда город превратился в один золотистый слиток у нас за спиной, мне уже казалось, что покрывающий меня кокон из грязи и пота сократился почти вдвое. Я весь чесался. Тюремная вонь тянулась за мной густым шлейфом, и, кажется, даже лошадь подо мной брезгливо морщила нос. Я заметил, что по мере усиления жары оба моих спутника, едущих справа и слева, отдаляются от меня все дальше и дальше.

Я посмотрел на них внимательнее. Халдея я уже успел рассмотреть раньше. Человек, ехавший справа от меня и предупредивший не дергать поводья, явно был солдатом. На его профессию красноречиво указывал меч, рукоять которого торчала из-под крышки седельной сумки. Должно быть, это был тот самый Пол, к которому халдей обращался в конном дворе; два других члена экспедиции были просто мальчишками. Один на несколько лет старше другого, догадался я. Но почему они ехали с нами, я понять не мог. У старшего тоже был при себе меч в ножнах, и он был вполне способен порубить в капусту соломенное чучело на тренировочной площадке, но младший казался совершенно бесполезным. Совершенно очевидно, что они оба были хорошо воспитаны и не являлись рабами; может быть, они даже были братьями, подумал я.

Оба мальчика, как и халдей, были одеты в темно-синие туники, перетянутые на талии тонким ремешком. Темноволосый старший казался посимпатичнее. Кажется, он и сам считал себя красавчиком. Он иногда морщил нос, когда с моей стороны на него наплывало вонючее облако, но ни разу не повернул головы. Младший ехал сзади, и каждый раз, оглянувшись назад, я встречал его любопытный взгляд. Про себя я решил звать их Старшим Никчемным и Никчемным Младшим.

Жара становилась невыносимой, и мои силы начали убывать. После нескольких часов покачивания в седле, я понял, что неизбежно свалюсь под ноги лошадям, если мы сейчас же не остановимся.

— Я устал, — сказал я. — Сил моих больше нет.

Ответа не последовало, халдей даже не повернул головы, так что я решил действовать самостоятельно. Я скользнул вниз вдоль лошадиного бока, полагая, что моя нога сама последует за мной. Так и получилось, но не сразу: лошадь продолжала идти, когда одна моя нога коснулась земли, и мне пришлось немного попрыгать по дороге, пока вторая нога выпутывалась из стремени. Когда обе мои ступни твердо встали в дорожную пыль, я направился к полоске травы на обочине. Затем я шагнул в канаву и, выбравшись из нее, упал на колени, на локти и, наконец, на живот. Солдат, должно быть, шел за мной по пятам.

Падая, я почувствовал, как его пальцы ухватили ворот моей рубашки. Все остальные спешили, перепрыгнули через канаву и выстроились вокруг меня. Я на мгновение открыл глаза, чтобы посмотреть на их башмаки, и закрыл снова.

— Что с ним случилось, халдей? — должно быть, это спросил Младший.

— Карамба! Мы еще на полпути к Метане, а я надеялся к вечеру добраться до Матинеи. Он выдохся, вот и все. Он плохо питался, и у него больше нет сил. Нет, нет, оставь его! — чей-то ботинок ткнулся мне в ребра.

Большое спасибо, подумал я. Меня собираются оставить здесь. Все, о чем я мечтал, это лежать среди колючей травы с ногами, свешивающимися в канаву. Я отлично мог бы послужить вместо верстового столба. Вор, спящий на полпути в Метану. Где, черт возьми, находится эта Метана?

Но они не собирались покинуть меня. Мои спутники дружно расседлали лошадей, достали провизию и пообедали, пока я спал. Когда солнце прошло половину пути к горизонту, Пол начал аккуратно подталкивать меня ногой, пока я не проснулся. Я широко открыл глаза, не понимая, где нахожусь. Я не лежал на каменной скамье. Я не видел стен камеры. Машинально я сдержал первый порыв вскочить на ноги, чтобы кандалы не содрали корку с подживших ссадин, и тут же вспомнил, что на мне нет цепей. Я положил ладонь на лоб и замычал. Я чувствовал себя на удивление хорошо. Есть хотелось ужасно, но голова была ясной. Я сел и потер щеку, на которой отпечатались стебли травы.

Продолжая стонать и жаловаться, я шел к своей лошади, а Пол подгонял меня мягкими толчками в спину. Через пару минут мы снова ехали по дороге; халдей поравнялся со мной и вручил кружок сыра и кусок хлеба, который отломил от большого белого каравая. Я держал их в руках и с наслаждением откусывал по очереди. Все-таки лошади — самый ужасный вид транспорта. Я хотел спросить, почему они не взяли какой-нибудь тарантас, но был слишком занят едой. До Метаны мы добрались, когда солнце начало спускаться к горизонту. Это была крошечная деревушка — всего несколько домов с таверной на перекрестке двух дорог. Мы не остановились и продолжали ехать, пока на дорогу не опустилась кромешная тьма.

Тонкий серп Луны почти не излучал света, солдат спешился и повел коня в поводу. Он шел медленно, чтобы не свалиться в канаву на обочине, остальные лошади цепочкой двигались за ним. Ночной воздух был прохладен, и я опять начал клевать носом. Я балансировал на узкой спине лошади, сожалея, что седло не оборудовано спинкой и подлокотниками. Моя голова клонилась вперед, а потом резко откидывалась обратно. Должно быть, халдей видел в темноте, как вор или кошка, потому что попросил Пола остановиться, а затем сошел с коня и пошел рядом со мной, положив мне руку чуть выше колена, готовый ущипнуть меня, как только я засну. Пальцы у него были жесткими, и щипался он больно.

Наконец мы добрались до Матинеи. Она была не больше Метаны, но там сходились целых три дороги. Двухэтажная гостиница была обнесена стеной, ворота вели в закрытый двор. Пока мы спускались с седел и отвязывали мешки, подошли два конюха, чтобы забрать лошадей. Пока я сползал на землю, Пол оказался рядом со мной, его рука тяжело легла на мое плечо. Ему легко было справиться со мной, мое плечо находилось на уровне его груди. Иногда меня огорчало, что я такой малорослый. Сейчас меня это разозлило, я раздраженно дернулся, но его рука не сдвинулась ни на дюйм.

Халдей представился путешествующим помещиком и сказал, что послал вперед человека, чтобы договориться о ночлеге. Трактирщик был рад видеть его, и мы направились

в сторону двери. Когда я проходил мимо жены трактирщика, она сморщила нос; когда я поставил ногу на порог, она громко запротестовала.

— Он воняет, — она навела на меня указующий перст. — Я не могу впустить такого вонючего гостя в мой винный погребок и посадить на мой чистый стул. — Ее муж в отчаянии замахал руками. — Нет, я этого не потерплю. Даже если это сын его светлости, — она кивнула на халдея. — Хотя я надеюсь, что не сын.

Я почувствовал, что краснею, кровь прилила даже к моим ушам. Халдей вступил в переговоры с женщиной, не обращавшей внимание на протесты мужа. Халдей говорил: нет, он не может спать в сарае, но он поспит на полу. Он выдал ей одну серебряную монету сверх условленного и пообещал, что я вымоюсь немедленно. Она показала в сторону насоса во дворе, и Пол повел меня туда.

Насос стоял как раз посередине двора. С двух сторон тянулись конюшни, кирпичная стена сзади и побеленная стена гостиницы впереди замыкали двор. Не слишком уединенное место для приема ванны. Подойдя к насосу, Пол схватил меня за рубашку на поясе и дернул вверх. Я быстро опустил руки вниз, чтобы помешать ему сдернуть с меня одежду. В его руках остались два лоскута ткани. Он снова потянулся ко мне, но я быстро отскочил назад, вся сонливость исчезла, я был бодр и готов сопротивляться.

— Вот это, — я выставил вперед ладонь, — Я могу сделать без твоей помощи.

— Просто хотел помочь, — сказал он, прежде чем начал качать.

Из трубы хлынула вода, я поспешно скинул рубашку и бросил ее на сухие камни в стороне, потом снял сапоги. Чулок на мне не было, поэтому штаны последовали сразу вслед за сапогами. Когда холодная вода плеснула на землю и обрызгала мои ноги, кожа под слоем грязи покрылась гусиными пупырышками. Я вздрогнул, выругался и наклонился к воде.

Пока я мылся под струей, подошел Никчемный Младший, он старался держаться подальше от разлетающихся во все стороны брызг.

— Положи на сухое место, — сказал Пол, — И принеси из конюшни пару мешков.

Когда Младший вернулся, Пол оторвал большой лоскут от одного из мешков и передал его мне вместе с квадратным куском мыла. Я осторожно намочил тряпку и провел по ней мылом. На тряпке сразу образовалась пышная пена, я вдохнул ее запах и засмеялся от удовольствия. Это было ароматическое мыло «Магия красоты». Должно быть, Никчемный Младший добыл его из одной из седельных сумок. Я с наслаждением намылился и смыл пену, чувствуя, как грязь стекает с меня на землю. Я прополоскал тряпку и намылился снова, пока Пол не перестал качать воду. Я снова и снова тер шею, плечи и спину там, где мог достать; несколько раз намылил лицо, думая, что могу напрочь стереть нос, но, по крайней мере, то, что от него останется, будет чистым.

Младший Никчемный стоял рядом и смотрел, и я понял, что он рассматривает меня. Железный пояс оставил цепочку черных синяков вокруг моей талии, я весь был покрыт блошиными укусами и язвами, но хуже всего выглядели мои запястья. Там, где наручники натирали кожу, она была покрыта едва поджившей коркой. Старые раны, покрытые тюремной грязью, казались темными пятнами.

Смыв с себя большую часть грязи и кое-как промыв волосы, я присел на корточки и постарался пристроить мои запястья под струю таким образом, чтобы вода не била непосредственно в раны. Некоторые язвы были воспалены, и надо было их очистить, но это было очень больно. Все мое тело тряслось от холода, но я стиснул зубы, чтобы они не стучали, и наклонился к воде.

Пол обошел насос и наклонился надо мной, чтобы лучше разглядеть раны. Поток воды ослабел.

— Оставь, — сказал он. — Я обработаю их в таверне.

Он дал мне второй мешок, чтобы вытереться, и когда я закончил, протянул мне стопку чистой одежды: штаны, рубашку, куртку и пару крепких башмаков. Я огляделся в поисках собственной одежды и увидел, как Никчемный Младший направляется с ней к дверям конюшни.

— Эй, — закричал я. — А ну, вернись!

Он неуверенно повернулся.

— Халдей приказал мне все сжечь, — сообщил он.

— Все, кроме моих сапог! Верни их обратно! Прекрасно, прекрасно, — сказал я, когда допрыгал до него босиком по мокрой брусчатке и забрал свою обувь у него из рук.

Остальную одежду я отправлял в огонь без сожаления, но сапоги были сшиты на заказ. Это были простые на вид сапоги, голенища доходили только до середины голеней, но толстая подошва была достаточно гибкой, чтобы позволить мне совершенно бесшумно гулять по чужим домам и почти не скользила на мокрой черепице крыш. Я вручил их Полу, а потом перешел на сухое место, чтобы одеться. Штаны, сшитые из толстого хлопка, были слишком широки на щиколотках, но я заправил их в голенища. В поясе они были тоже широковаты, но ремня мне не полагалось. Рубашка тоже из хлопка, но мягкая. Ощущение прикосновения чистой ткани к чистому телу было на редкость приятным. Я улыбался, надевая куртку; она была темно-синей с короткими рукавами, доходила мне до бедер и была достаточно широкой, чтобы не связывать движений. Для проверки я обхватил себя руками.

— А халдей-то у нас предусмотрительный, он все продумал, да? — сказал я Полу.

Он хмыкнул и махнул рукой в сторону задней двери таверны. Мы вошли в общий зал, где нас уже ждал халдей с обоими Никчемными. Перед ними на столе стояли глубокие миски с тушеным мясом, но Пол не дал мне даже дотронуться до них, он хотел сначала посмотреть мои руки.

Халдей заглянул через плечо и послал Никчемного Старшего в свою комнату за дорожной аптечкой и маленьким горшочком мази. Пол снял со стены один из фонарей и поставил на стол перед нами. Хозяйка принесла тазик с теплой водой, лоскут чистой ткани и мыло.

Пол начал обрабатывать мое правое запястье, а я с сожалением смотрел на мой ужин. После того, как он промыл язвы в мыльной теплой воде, он втер немного мази в болячки на моем костлявом запястье. Затем аккуратно забинтовал чистой тканью. Это была хорошая работа, я оценил его мастерство, но напрягся, когда он взял мою левую руку. На ней была только одна язва, но она тянулась до середины запястья. Она не заживала и представляла из себя пятна стертой до мяса кожи и цепочку волдырей с мутной жидкостью внутри. Без всякого предупреждения Пол полоснул ножом по одному из них и вскрыл нарыв. Я заорал во всю силу легких. Все в комнате подпрыгнули, даже Пол; хорошо, что он успел убрать нож подальше от моей руки. Я изо всех сил пытался выдернуть руку, но он вцепился в предплечье и держал ее как в тисках. Я попытался свободной правой рукой отогнуть его пальцы, но не смог сдвинуть ни один из них. Пока я орал и дергал его пальцы, Пол, не говоря ни слова, положил нож на стол и полез в аптечку.

То, что он достал, при ближайшем рассмотрении оказалось деревянным кляпом, который во время операции вставляют в рот какому-нибудь бедолаге, прежде чем отрезать

ему ногу. Он повертел им перед моим носом.

— Предлагаешь воспользоваться? — спросил он.

Я собирался объяснить, что волдыри мучают меня уже целую неделю, я был очень внимателен и всячески оберегал их от соприкосновения с наручниками, так что он мог бы предупредить меня, прежде чем тыкать ножиком в самый большой из них. Но я посмотрел на кляп в его руке и закрыл рот. Я ограничился тем, что шевелил пальцами и тихо поскуливал, когда он один за другим вскрыл все волдыри и натер их мазью. Когда последний узелок на бинтах был завязан, я шмыгнул носом и повернулся к своему ужину.

Никчемный Старший с удивлением рассматривал меня.

— А ты сначала казался выше, — сказал он.

Я объяснил, куда он может засунуть свое мнение и получил от Пола тычок локтем под ребро. Надувшись, я проглотил несколько ложек тушенки, прежде чем заметил, какая она вкусная. Я смаковал мясо с овощами и прислушивался к разговорам моих спутников. Оказалось, что Никчемного Старшего зовут Амбиадесом, а младшего Софосом. Они не братья и вообще не родственники, просто ученики халдея. Я ел, пил и слушал, пока не почувствовал себя слишком измученным, чтобы держать глаза открытыми; моя голова отяжелела и упала на столешницу, я заснул с последним недоеденным куском во рту.

Глава 3

Утром я проснулся на полу одной из комнат верхнего этажа таверны. Со своего места мне были хорошо видны провисшие ремни кровати, на которой лежал Пол. Должно быть, это он принес меня сюда и положил на коврик. Я с завистью посмотрел на его кровать, но по крайней мере, я лежал на деревянном полу, а не на камнях. Подо мной был постелен половичок, а сверху меня накрыли одеялом.

Я высвободил из-под одеяла одну руку и откинул волосы с лица. Обычно я носил волосы достаточно длинными, чтобы завязать их ремешком на затылке, но в тюрьме они отросли еще больше. При аресте я потерял свою ленту, и теперь они свисали вдоль щек спутанными прядями. Вчера мне удалось более менее промыть волосы, но расчесать их было нечем. Я подумал о том, чтобы позаимствовать нож у Пола, и обрезать волосы покороче, но отказался от этой идеи. Пол не доверит мне нож, а пострижет меня сам, вряд ли у него получится красиво.

Кроме того, мне нравились длинные волосы. Чисто вымытые и расчесанные, они красиво лежали на голове, и мне нравилось думать, что такая прическа придает мне аристократический вид. Кроме того, длинные волосы были полезны в моем ремесле. Я иногда прятал мелкие золотые побрякушки под лентой в косе.

Но сейчас, отросшие и спутанные, волосы не прибавляли мне аристократизма. Поэтому я откинул их со лба и сел. Глаза Пола открылись при первом же моем движении и я отбросил мысль вылезти в окно, еще прежде, чем обнаружил, что прикован к кровати. Моя лодыжка была обернута чьей-то запасной рубашкой и заключена в железный манжет, от которого к ножке кровати тянулась недлинная цепь. Освободить ногу можно было, только приподняв кровать вместе с Полом. Я попытался догадаться, кому принадлежала идея о рубашке и одеяле. Пол не выглядел человеком, чувствительным к комфорту.

Мне предстояло еще одно омовение, на этот раз теплой водой в туалетной комнате в конце коридора. Халдей с обоими учениками уже были там; они разделись до пояса и вовсю брызгались водой, получая от этого несомненное удовольствие. Они оглянулись на нас с Полом, явно ожидая, что я начну возражать против мыла и воды.

— Я мылся вчера вечером, — сообщил я халдею. — Смотри, — я поднял руки. — Я очень чистый. Зачем мне снова мыться?

Халдей отошел от своего тазика, отложил кисточку для бритья и поймал одну из моих рук. Он был достаточно осторожен и ухватил меня выше полосы чистых белых бинтов, прежде чем повернуть мою ладонь и поднести ее к моему лицу так, чтобы я мог внимательно разглядеть черную грязь, укоренившуюся в складках кожи.

— Мойся, неряха, — приказал он, и, прежде чем я успел возразить, Пол обхватил меня сзади и подтолкнул к пустому тазу, стоявшему на скамье около стены.

Положив мне одну руку на затылок, другой рукой он поднял кувшин и налил в таз горячей воды.

— Я могу вымыться сам. — никакого эффекта.

Он взял мочалку и мыло и начал обрабатывать мое лицо. Открыв рот, чтобы выразить свое возмущение, я получил порцию пены и больше не спорил. Я молча пытался вывернуться, но не мог — рука Пола словно приклеилась к моей шее. Он был беспощаден к моим синякам, и я в отместку попытался отдавить ему пальцы на ногах. Он больнее сжал мою шею, так что мне пришлось прекратить сопротивление. Он намылил мои плечи и нагнул меня, чтобы заняться спиной. Стоя согнувшись в три погибели, я заметил, что его колено находится в пределах моей досягаемости. Я мог бы схватить его и опрокинуть на пол, но решил не пытаться. Момент для демонстрации моих талантов был не совсем подходящим. Кроме того, пропустив захват, я выглядел бы глупо, так что хватит об этом.

Вторым кувшином воды Пол смыл с меня мыло. Я выпрямился и попытался придать себе пренебрежительный вид, но ванна еще не была закончена. Пол провел меня через всю комнату к деревянной бадье с водой, и окунул туда мою голову, не обращая внимания на мой возмущенный вой. Потом он поднял меня и, пока я откашливался, намылил мне голову и снова окунул.

Когда хватка железный пальцев на моей шее ослабела, я отскочил от кадки и с капающей с волос водой поплелся в другой конец туалетной. С опаской наблюдая за Полом, я выкашливал воду из легких. Он терпеливо ждал, пока я выжму воду из волос. Когда я прохрипел, что вполне мог вымыться сам, он бросил мне полотенце, а потом поднял руку и неторопливым жестом указал в сторону двери. Его лицо было совершенно бесстрастным, но уголок рта пару раз дернулся.

Выдвинув вперед челюсть, чтобы скрыть выражение моего собственного лица, я проследовал по коридору и забрал свою рубашку и куртку из спальни.

— Ты намочил мне штаны, — ворчливо заметил я, натягивая рубашку. — Пояс промок насквозь.

Пол не отвечал. Куртку я одел уже на лестнице, спускаясь в зал, где к тому времени подали завтрак. Халдей с учениками улыбались в свои миски. Я упал на край скамьи и решил не обращать на них внимания.

Съев миску овсянки, я расчесал волосы пальцами и кое-как привел их в порядок. Разорвав несколько колтунов, я разделил волосы на три пряди и заплел короткую косу. Держа конец косы в руке, я в поисках вдохновения оглядел комнату. За прилавком стояла молодая женщина. Я улыбнулся ей и покрутил пальцем вокруг кончика косы, показывая, что мне нужно. Она улыбнулась и кивнула в ответ, тогда я повернулся к столу и наткнулся на свирепый взгляд Никчемного Старшего, которого, как я вспомнил, звали Амбиадесом.

Я не понял, что именно его разозлило, поэтому переадресовал свое удивление миске с кашей. Через некоторое время девушка подошла к нам с новой порцией завтрака для всех и куском шпагата для меня. Уходя, она взглянула на Никчемного Старшего и неуважительно фыркнула, так что мне уже не надо было объяснять причину его злости. Ни один из них не смог добиться внимания, которое получил я, но я не собирался сочувствовать никому из этой компании, тем более, что этот молокосос слишком часто усмехался. Я заметил, что люди, усмехающиеся слишком часто, как правило смеются надо мной.

Пол, халдей и Никчемный Младший, Софос, трудолюбиво копались ложками в своих мисках.

— Кажется, она славная девушка, — сказал я и получил в ответ сердитые взгляды от Амбиадеса и его хозяина. Вряд ли халдей пытался приударить за служанкой, поэтому я предположил, что он не желает, чтобы я ссорился с его учеником. — Очень дружелюбная, —

добавил я и потянулся за второй миской овсянки.

Она немного остыла, но на ее поверхности лежал приличный кусок масла и немного меда. Нам также подали миску цацики,^[4] густого и свежего, так что я ел с большим аппетитом. Перед Софосом еще стояла полупустая миска каши, и, когда халдей отвернулся, я выдернул ее у него из-под ложки и поставил взамен свою пустую. Софос выглядел ошеломленным, а Амбиадес издал приглушенный смешок, но ни один из них не пожаловался халдею.

Посреди стола стояла большая миска с апельсинами, я потянулся к ним и заметил сердитый взгляд халдея.

— Я есть хочу, — защищаясь, сказал я и взял три штуки.

Два оказались в карманах куртки, а третий я очистил и ел, когда к нашему столу подошла хозяйка. Она подошла спросить, не надо ли нам собрать обед с собой, но в удивлении замерла, увидев меня. Я наградил ее моей самой ослепительной мальчишеской улыбкой.

— Я хорошо вымылся, не правда ли? — спросил я.

Она ласково улыбнулась в ответ.

— Да уж. Где ты так перепачкался?

— В тюрьме, — ответил я.

— Ах, — сказала она. Люди часто попадали в тюрьму. — Ты, наверное, рад-радешенек, что выбрался оттуда?

— Да, особенно потому, что на свободе так хорошо кормят.

Она рассмеялась и повернулась к мрачному халдею.

— Вам еще что-нибудь нужно?

— Нет, мы пообедаем в Эвизе, спасибо.

Все, кроме нас с халдеем вышли седлать лошадей. Мы все еще сидели за столом, когда Пол прислал Софоса сказать, что все готово. Во дворе стояла скамейка, так что я почти без труда смог залезть в седло, хотя Пол повернулся и внимательно наблюдал за процессом, а Софос держал стремя и давал мне советы.

— Не торопись, — сказал он. — Она не собирается убегать от тебя.

— От этой скотины всего можно ожидать, — кисло ответил я.

Когда мы уже сидели верхом на наших лошадях, из дверей таверны вышла хозяйка со свертком в руках. Она протянула руку, чтобы остановить мою лошадь, и бесстрашно подошла к самому стремя, хотя, думаю, никто, кроме меня, не считал, что она чем-то рискует.

— Вот вам кое-что перекусить в дороге. Путь до Эвизы не близкий. — она вручила мне сверток и неожиданно добавила. — Мой младшенький тоже сидит в тюрьме.

— О, — ответил я, нисколько не удивленный. Уклонение от уплаты налогов, скорее всего. — Не беспокойтесь, в тюрьме не так уж и плохо.

Я настолько забылся, что улыбнулся ей совершенно искренне, но не пожалел об этом, когда ее лицо расцвело в ответ.

* * *

— Я называю это «ложью во спасение», — пробормотал я себе под нос, когда таверна осталась позади.

Дорога петляла между рядов оливковых деревьев. Как только деревушка скрылась из глаз, халдей придержал свою лошадь и поравнялся со мной. Он наклонился с седла и больно ударил меня по голове, а затем выдернул сверток, который я аккуратно подвесил к пряжке седла.

— Эй! — закричал я в ярости. — Это мое!

— Я не хочу, чтобы ты распускал язык в каждом дорожном трактире.

— Я ни слова ей не сказал, — заметил я оскорбленным тоном, потирая шишку от тяжелого перстня халдея. — Ни слова. Я всего лишь хотел быть вежливым с хозяйкой.

Халдей поднял руку, чтобы снова ударить меня, но я успел увернуться.

— Оставь свою вежливость при себе, — рявкнул он. — Тебе нельзя ни с кем разговаривать, понял?

— Ладно, ладно. Могу я получить обратно свой обед?

Обед мне не отдали. Халдей сказал, что мы съедем его позже. Я надулся и весь следующий час смотрел на лошадиную шею перед собой и не обращал внимания на окружающий пейзаж. Впрочем, поля, засаженные луком, не представляли для меня никакого интереса. Но сладкий и острый запах разбудил мой аппетит.

— Эй, — крикнул я халдею. — Я есть хочу.

Он не обращал на меня внимания, но я решил, что сердиться дальше не имеет смысла. Ранний завтрак уже был забыт, а шея болела после умывания в обществе Пола. Я достал из кармана апельсин и начал чистить его, бросая корки на дорогу. За пределами города я чувствовал себя, как клоп на ладони. Теперь мне еще и говорить запретили.

Дорога плавно поднялась на небольшой холм, с которого уже можно было разглядеть горы на севере страны. Поля здесь были меньше, они лежали в окружении оливковых деревьев, которые росли там, где не приживались другие культуры. Рощи сливались в единую массу серебристо-серого цвета. Я задумался, как крестьяне понимают, где заканчивается их земля и начинается чужая?

* * *

Софос слева от меня решил подать голос:

— Там действительно не так уж плохо?

— Где «там»?

— В тюрьме.

Я вспомнил свою ложь. Некоторое время я рассматривал Софоса, удобно откинувшегося в седле на спине послушной кобылы.

— Эта тюрьма, — ответил я сердечным и искренним тоном, — была самым ужасным, что мне случилось пережить за всю мою жизнь.

По тому взгляду, которым он окинул меня, я понял, что он всю мою жизнь считает нескончаемым потоком кромешного ужаса.

— О, — ответил он и ударил свою лошадь пятками, чтобы увеличить расстояние между нами.

Пол продолжал ехать рядом со мной, я посмотрел на него через плечо и получил в ответ взгляд, не более выразительный, чем у каменного истукана. Я съел второй апельсин и от скуки стал прислушиваться к разговору халдея с Софосом и Амбиадесом. Он задавал им

вопросы. Софос должен был описать свойства эвкалипта. Мальчишка отчитался довольно бодро, добавив, что это дерево не приносит плодов. Я не расслышал половину его слов, но халдей, кажется, остался доволен. У Амбиадеса было больше проблем с оливковым деревом, и халдей нахмурился. Амбиадес отъехал чуть в сторону, и я догадался, что шишки на голове от перстня с большим камнем — дело привычное. Халдей задал тот же вопрос Софосу, и тот ответил, испытывая некоторую неловкость перед Амбиадесом.

— Софос, объясни Амбиадесу, для чего могут понадобиться эти знания? Или он сам рискнет угадать, зачем человеку надо знать свойства растений?

— Не уверен, — сказал Амбиадес.

— А ты попробайся, — предложил халдей.

— Наверное, для того, чтобы знать, где какие деревья можно сажать...

— Продолжай.

Но Амбиадес больше ничего придумать не мог. Софос решил прийти ему на помощь.

— Если вы найдете новое дерево, вы сможете понять можно ли есть его плоды, если оно похоже на оливу.

— Если оно будет похоже на оливу, то оно и будет называться оливой, — отрезал Амбиадес.

Я перенес свой вес на одно стремя и наклонился в сторону. Мне хотелось увидеть, покраснел ли Софос. Да, покраснел.

— Конечно, — язвительно ответил халдей. — Но если ты не можешь перечислить признаки оливы, как ты ее узнаешь, Амбиадес?

Я наклонился в другую сторону. Теперь покраснел Амбиадес. А еще нахмурился.

— Давай попробуем с фиговым деревом, — сказал маг.

На этот раз Амбиадес справился вполне сносно, и я потерял интерес к их беседе. Я устал. Больше апельсинов у меня, к сожалению, не было.

Задолго до Эвизы я вымотался окончательно. Я, не переставая, жаловался на усталость, но, казалось, меня никто не слышал. Я также проголодался. После того, как я заявил халдею, что прямо сейчас сдохну от голода в седле, он неохотно распаковал сверток с моим обедом. Правда, он разделил пищу между мной, Софосом и Амбиадесом, хотя я справедливо указал, что они не могут быть такими голодными, как я. Амбиадес благородно отдал мне половину своей порции, но то, с каким видом он это сделал, заставило меня оцетиниться от обиды.

День клонился к вечеру, когда мы достигли Эвизы. Халдей был недоволен нашей медлительностью. Он явно не оценил моих выдающихся способностей к конному спорту. Гостиницы в Эвизе не было, но женщины накрывали столы для путешественников прямо под деревьями около городской площади. Амбиадес с Софосом с одинаковым отвращением посмотрели на сморщенные оливки и твердый сыр, но хлеб был свежим и душистым, а в цацики положили достаточно чеснока, чтобы уморить всех вампиров в стране. В результате я съел почти все, что нам подали. Трудно остаться придиричивым гурманом после жизни в нижнем городе и совсем невозможно после царской тюрьмы.

— Я же сказал тебе, что они не голодные, — заметил я халдею. — Не понимаю, почему ты не отдал мне все пирожки с мясом.

Пока я ворчал, он выдернул у меня из рук миску с оливками.

— Заработаешь понос, — сказал он.

Я успел выхватить парочку ягод из миски, но, пожалуй, он был прав. Если я попробую проглотить еще пару кусков, мой живот взбунтуется. Я отвалился от стола и направился к

клочку травы у корней дерева, где лег и мгновенно уснул.

Казалось, прошло всего несколько минут, а Пол снова толкал меня в бок носком башмака.

— Вставай.

— Отстань.

— Я тебя проучу, — предупредил он.

— Я не хочу вставать. Иди отсюда.

Когда он разбудил меня своим привычным способом, я сообщил ему, что от всей души надеюсь, что его покусает такой же ядовитый гад, как он сам. Потом я поплелся к одному из столов и посмотрел на Амбиадеса, стоявшего рядом с лошадьми.

— Веди ее сюда, — сказал я ему. — Я не смогу притащить стол к лошади.

Но этот наглый гаденыш не собирался помогать мне. Я уже понял, что Амбиадес относится к тому сорту людей, которые оценивают всех окружающих по степени важности, и он явно желал показать, что я нахожусь в самой конце пищевой цепочки. Он вынужден был относиться ко мне вежливо, несмотря на мое подчиненное положение, а я должен был быть ему за это благодарен. Такова была его картина мира.

Со своей стороны я хотел показать Амбиадесу, что плевать хотел на его представления об иерархии. Я мог смириться с физическим превосходством Пола или халдея, но не собирался кланяться мальчишке. Ни один из нас не двигался с места. Пол с халдеем внимательно осматривали лошадиные ноги, оставив нам с Амбиадесом самостоятельно разрешить наши разногласия. Он был выше меня ростом, но если попытался бы силой подвести меня к лошади, исход драки был бы непредсказуем.

Похоже, Софос пожалел его, когда взял поводья и подвел лошадь к столу. Амбиадес наградил его презрительным взглядом, не подозревая, что Никчемный Младший только что спас его честь.

— Почему ты не взял таратайку? — проворчал я халдею, когда мы выехали из городка.

— Что?

— Ну, телегу, повозку, большой деревянный ящик на колесах, в который запрягают лошадей.

— Зачем он нам? — насмешливо спросил халдей.

— Чтобы я мог в дороге спать в нем.

— Эта поездка затеяна не для твоего удобства, — кисло ответил он.

— Ну и хрен с вами со всеми.

* * *

Еще около часа лошади шли по холмам. Солнце уже коснулось горизонта, когда халдей обернулся и с раздражением спросил меня, смогу ли я удержаться на спине лошади, если она побежит.

— Наверняка нет, — честно ответил я.

Я к тому времени слишком устал, чтобы строить из себя бодрячка.

— Все равно придется научиться рано или поздно. Мы не можем пройти весь путь шагом. Амбиадес, — крикнул он, — Езжай сюда и покажи, как надо скакать рысью.

Амбиадес, ехавший в нескольких сотнях ярдов впереди, повернул коня и поскакал

прямо на нас.

— Хорошая посадка, — произнес Пол за моей спиной, и я немного удивился, что он решил заговорить. Халдей пропустил комплимент мимо ушей, сердито нахмурившись. Кажется, его система обучения не предусматривала похвалу учеников.

— Теперь ты, Софос, — сказал халдей.

Софос повиновался. Даже я заметил, что он ездит хуже Амбиадеса. Я посмотрел на Пола, чтобы узнать его мнение. Тот поморщился. Халдей посетовал:

— Жаль, что я не могу отправить Амбиадеса домой, чтобы он стал князем, а Софоса оставить для обучения.

— Софос станет князем? — я был поражен.

Князья обычно не отдают своих наследников в обучение. Я не ожидал ответа, но халдей решил оставить последнее слово за собой:

— Если отец не придушит его сначала, — сказал он.

* * *

Софос разделил со мной мой первый урок верховой езды. Мы втроем остались тренироваться на дороге, а халдей с Амбиадесом ускакали вперед.

— Пол считает, что ты сидишь на лошади, как собака на заборе, — сказал Амбиадес Софосу на прощание.

Софос покраснел, а Пол велел Амбиадесу проваливать подобру-поздорову. Чуть позже до нас донеслись обрывки лекции по классификации растений, которую халдей читал Амбиадесу. Я попытался одновременно запоминать и лекцию и инструкцию Пола по верховой езде, но вскоре сдался и слушал только Пола. Он объяснял, что плечо лошади поднимается не тогда, когда она поднимает ногу, а когда ставит ее на землю.

— А теперь, — сказал Пол, — Подними руку вот так.

Он поднял ладонь, словно благословляя окрестные поля. Софос повторил его жест, а Пол ударил его кулаком в центр ладони. Когда Пол приказал снова поднять руку, Софос отдернул ее назад, и кулак Пола на этот раз едва коснулся ладони мальчика. Это был простой трюк, которому отец научил меня много лет назад. Если ты знаешь, что тебя собираются ударить, ты обязательно попробуешь увернуться. Только мой отец учил меня плоской стороной меча.

Пол объяснил Софосу и мне заодно, что если подниматься на стременах, когда лошадь подбрасывает зад, то ехать будет намного удобнее. Потом мы попытались проехать рысью вперед по дороге, приподнимая свои зады одновременно с лошадиными и передвигаясь гораздо быстрее, чем раньше. Очень скоро у меня уже не осталось сил подпрыгивать в седле, и мой мозг бился о свод черепа весь оставшийся день.

Мы часто переходили на шаг, чтобы дать отдохнуть и мне и лошадям, но к вечеру я был полумертв от усталости, и почти не видел деревни, где мы остановились. Но гостиница здесь имелась. Мы вошли внутрь, и я даже успел что-то съесть, прежде чем снова заснул на столе.

* * *

Я опять проснулся на полу, только на этот раз напротив койки Пола стояла вторая кровать, на которой вдвоем спали Софос с Амбиадесом. Некоторое время я созерцал недостойных представителей рода человеческого, которые, вероятно, доставили меня наверх, потом поморщился. Пол открыл глаза с первым звоном моей цепи, и я подумал, неужели он всю ночь просыпался, как только я поворачивался? Ведь я не мог спать неподвижно.

Заметив, что я смотрю на него, он опустил с кровати ноги и оттолкнул меня в сторону, чтобы освободить для них место на полу.

— Па-а-адьем! — крикнул он парочке на второй кровати.

Амбиадес выпутался из одеяла и выполз из постели. Зевая, он подошел к стулу, на котором была сложена одежда. Я спал одетым. Софос не шевелился. Я сел и заглянул за край кровати. Его веки были плотно сомкнуты.

— Пссст! — прошипел Амбиадес, но было поздно.

Пол протянул руку над моей головой и разбудил мальчика так же решительно, как и меня прошлым днем, так что Софос мешком свалился с кровати.

Встав, мы все вышли во двор, чтобы умыться на свежем воздухе. Солнце только-только поднималось над холмами, небо было голубое и ясное, без единого облачка, но ни в одном из окон деревни свет еще не горел. Вода оказалась ледяной, но жаловался на холод я один. Я предупредил Пола, что укушу его, если он снова попытается меня вымыть.

— Он наверняка ядовитый, — заявил Амбиадес, дразня меня более язвительным тоном, чем он использовал при обращении к Софосу.

Пол молча протянул мне мочалку и наблюдал, как я смываю последние пятна тюремной грязи с колен и лодыжек. Халдеево мыло пахло жимолостью.

Внутри нас ждал завтрак: овсянка и цацики. Апельсинов сегодня не было.

— Что там за шум у вас был сегодня утром? — спросил халдей Пола, когда мы уселись за стол.

Он с подозрением посмотрел на меня.

— Из-за него, — ответил солдат, указывая ложкой на Софоса. — Его и пушкой не разбудишь. Однажды утром мне придется плюнуть ему на женилку, чтобы разбудить наконец.

Софос покраснел.

— Чуткий сон есть необходимая добродетель солдата, — наставительно указал халдей.

— А кто здесь хочет стать солдатом? — проворчал Софос над своей овсянкой.

— Ну уж не я, — сказал я.

Все за столом с удивлением повернулись ко мне, как будто позабыли, что я умею разговаривать.

— А тебя кто спрашивал? — усмехнулся Амбиадес.

— Он, — я ложкой указал на Софоса, — А у тебя еще молоко на губах не обсохло, чтобы смеяться надо мной.

Рука Амбиадеса метнулась ко рту, он вытер губы и мрачно спросил:

— Что такая подзаборная шваль знает о солдатской службе?

— Про шваль ничего не знаю. Но мой отец был военным, и эта кровавое, неблагодарное и бесполезное занятие подходит только ленивым тупицам, ни на что другое непригодным.

Даже если бы мы с отцом лучше понимали друг друга, не думаю, что я больше уважал бы выбранную им профессию, просто не стал бы упоминать его имя всеу. Моя

«дипломатичность» порой изумляла даже меня самого. За столом воцарилась полная тишина, и все посмотрели на Пола, чтобы увидеть, как он отнесется к моей оценке его интеллекта и манер. Он остался бесстрастным, но халдей приказал мне в дальнейшем не вступать в разговоры и держать рот закрытым, пока ко мне не обратятся специально. Я вспомнил, что меня взяли с собой в качестве своего рода инструмента, а не обычного человека.

Свой завтрак я доел в полном молчании. Когда халдей поднялся и сказал:

— Пора седлать лошадей, — я продолжал сидеть и смотреть в пустую миску, пока он не хлопнул меня по спине. — Шевелись!

— Что такое? — спросил я. — Ты обращаешься специально ко мне? Неужели?

— У меня в сумке есть хлыст, — сообщил он. — Хочешь, чтобы я опробовал его специально на тебе?

Он стоял, склонившись к моему уху, его голос звучал тихо. Не уверен, что нас слышал кто-либо еще, но я понял его намек. Я перебросил ногу через скамью и встал.

— Идем, — сказал я.

* * *

Перед отъездом к нашему багажу было добавлено несколько дополнительный пакетов. Мы с Софосом и Амбиадесом наблюдали, как халдей с Полом тщательно взвесили и распределили новую ношу, чтобы равномерно нагрузить всех лошадей. Меня интересовал Пол. Он не был похож на простого солдата. Софос и даже Амбиадес относились к нему с явным почтением, а халдей любил и уважал его, полностью доверив ему заботу обо мне. Он точно не постесняется воспользоваться хлыстом, если я засну в седле.

Когда мы выехали из города, стало понятно, почему халдей решил отказаться от повозки. Ее невозможно было использовать за пределами этого безымянного городка, потому что за его околицей заканчивалось то, что цивилизованный человек, привыкший к жизни в городе, называл дорогой. Тщательно поддерживаемая дорога, по которой мы ехали до Эвизы, в этой маленькой деревне раздваивалась: один ее рукав сворачивал на восток и тянулся до самых предгорий, второй шел на запад до пересечения с главной дорогой, ведущей к перевалу через Гефестины горы.

Наш путь лежал по заросшей травой проселочной дороге. Мы миновали несколько ферм, прежде чем она сузилась до узкой тропы, виляющей между низкорослыми дубами, растущими по обе стороны от нее иногда так близко, что жесткие листья хлестали меня по коленям. Тропа резко пошла в гору. Лошади, тяжело дыша, взбирались вверх. Их сопение смешивалось с шорохом осыпающихся из-под копыт мелких камешков. Я ухватился за луку седла и как можно крепче сжал конские бока коленями, опасаясь, что в любой момент могу сползти с лошадиной задницы под копыта едущих следом. Мои руки и ноги после тюрьмы были не в лучшей форме, так что к полудню все мышцы уже гудели от напряжения.

— Эй, почему бы нам не остановиться на обед?

Халдей посмотрел на меня с отвращением, но когда мы в следующий раз выехали на поляну, он направил свою лошадь в высокую траву на обочине, а моя послушно последовала за ним. Я попытался убедить ее пройти еще несколько шагов до тени, падающей от высокого кустарника, но она встала рядом с халдейской лошадью и не двигалась с места.

— Почему эта проклятая лошадь не идет туда, куда я хочу? — раздраженно спросил я.

— Потяни поводья вот так. Тогда она повернет, — сказал мне маг.

— Это я уже делал, — ответил я, соскальзывая на землю. — Похоже, она больше слушается твою лошадь, чем меня.

Софос услышал мои причитания и рассмеялся.

— Это же вьючная лошадь, — пояснил он. — Она обучена останавливаться рядом с вожакom.

— В самом деле? — я с удивлением уставился на стоящих рядышком лошадок. — Неужели они такие умные?

— Не глупее тебя, — сказал Амбиадес, подходя к нам.

— Неужели? Что-то я не слышал о лошади, укравшей царскую печать, — с ухмылкой ответил я.

— Вот именно, — согласился Амбиадес. — Странно еще, что ты мыла не ешь.

Я подошел к Полу, достававшему из сумки провизию. Софос задумчиво смотрел мне вслед.

— Чего тебе? — набросился я на него, и он отвернулся.

Амбиадес решил ответить за него.

— Он хотел узнать, действительно ли ты был так глуп, что украл царскую печать, а потом показывал ее всем желающим в винном погребке?

Это был профессиональный риск, но не имело смысла объяснять подобные вещи этим мальчикам, поэтому я повернулся спиной к ним обоим.

На обед были оливки, хлеб и сыр. Когда я попросил добавки, халдей сказал, что с меня хватит.

— Я не могу быть уверен, что нам хватит запасов, пока мы не перевалим через горы.

Я посмотрел на пакеты, по-прежнему привязанные к седлам.

— Этого может оказаться недостаточно.

— Сегодня вечером мы купим еще немного. Голодать тебе не придется.

— Во всяком случае ты всегда можешь отдать мне часть доли Амбиадеса, — посоветовал я.

Халдей поморщился.

— Ты получишь свою долю и ни крошки больше. Никто не будет голодать.

— А почему бы нет? — возразил я, укладываясь в траву поспать. Ее стебли за лето пересохли и покалывали мне руки и шею. — Я намного полезнее любого из вас, — сказал я голубому небу над головой.

Никто мне не ответил, и через несколько минут я уже спал.

Глава 4

Мы остановились на привал ранним вечером. Раньше, чем хотел халдей. Он ворчал, конечно, но разрешил поискать место для лагеря после того, как я чуть не сполз с седла на одном особенно крутом подъеме. Как только место для лагеря было выбрано, я спешился и рухнул в колючую траву. Я лежал, не двигаясь, пока халдей с Полом расседывали лошадей, и слушал, как Амбиадес снисходительно поучал Софоса, пытавшегося развести костер. Я даже повернул голову, чтобы посмотреть.

— Ты что, никогда не ночевал в лесу во время охоты? — спросил Амбиадес, глядя на плотно уложенные ветки.

Софос смущенно посмотрел в землю.

— Только со старшими, — сказал он.

— Ну, Ваше Высочество, — поддразнил Амбиадес, — если вы навалите все куски дерева друг на друга, костер гореть не будет. Огонь задохнется. Представь, как бы ты себя чувствовал, если бы тебя завалили поленьями? Вот, смотри. — он разобрал кучу и построил из хвороста нечто вроде островерхой хижины. Его ловкость указывала на достаточную практику. — Построй дом, и огонь будет жить в нем, сделай могилу, и огонь погаснет. Понятно?

— Да, — смиренно ответил Софос и отошел в сторону, чтобы освободить Полу место для приготовления ужина.

Я ни разу не пошевелился, пока еда не была готова, и Амбиадес не подошел, чтобы подтолкнуть меня носком сапога.

— Халдей приказал идти ужинать, шваль подзаборная.

— Слышал, не глухой, — ответил я, перевернулся на живот и поднялся на ноги. — Скажи-ка мне, о мудрейший из мудрейших, — я оглянулся через плечо, — В чем заключается разница между смоковницей и оливой?

Он покраснел, а я, довольный, что последнее слово осталось за мной, пошел есть свой ужин.

После ужина, довольно скудного, кстати, халдей указал на одно одеяло и сказал, что я могу его взять. Солнце стояло в небе еще довольно высоко, оно уйдет за горизонт через несколько часов, но я постелил одеяло и лег.

Пока я спал, меня накрыли тяжелым плащом. Я провел рукой по тонко спряденной шерсти. Он был темно-синим, как вечернее небо, на золотистой, как ячменной поле, подкладке. Вышивки и украшений на нем не было, но сшит он был отменно. Мне он оказался очень кстати, потому что после заката стало заметно прохладнее. Краем глаза я заметил, что халдей наблюдает за мной. Может быть, он видит во мне небогатого горожанина, оценивающего качество дорогой одежды, или тоже считает подзаборной швалью, недостойной даже прикоснуться к такому плащу? Я повернулся к нему спиной, пусть думает, что хочет.

Все четверо продолжали сидеть около костра. Халдей опять затеял классификацию

растений, и под монотонные голоса его учеников я снова заснул.

* * *

До полудня следующего дня мы успели доехать до небольшого дома в конце тропы. Его побелка посерела, штукатурка осыпалась кусками, обнажая шероховатые каменные стены. Какой-то человек вышел из-за двери, когда мы въехали в заросший травой двор.

— Я ждал вас вчера вечером, — сказал он халдею.

Тот взглянул на меня.

— Мы ехали медленнее, чем я ожидал, — сказал он. — Ты выполнил мое поручение?

— Все готово, — ответил незнакомец. — Корма в сарае лошадям хватит на две недели.

Если к тому времени вы не вернетесь, я отведу их обратно в город.

— Хорошо, — согласился халдей.

Он открыл одну из седельных сумок и встал на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь. Он извлек оттуда цепь, на которой я спал в гостиницах, а затем велел Амбиадесу и Софосу заняться лошадьми. Мы с Полом последовали за ним в дом, затем через пустой холл в заднюю комнату с тремя окнами, под которыми стояли узкие кровати.

— Сегодня уже слишком поздно начинать подъем на гору, — сказал халдей, когда мы с Полом вошли внутрь. — Мы переночуем здесь и пойдем завтра утром. Ты, — он показал пальцем на меня, — Должен отдохнуть, чтобы набраться сил.

Он заставил меня сесть на одну из кроватей и опустил на колени, чтобы застегнуть железный браслет на моей лодыжке. Он подсунул под него два пальца, проверяя, не слишком ли туго затянут замок.

— Забыл взять прокладку, — сказал он. — Тебе придется пока обойтись без нее, пока мальчики не принесут дорожные мешки.

Халдей закрепил второе кольцо на ножке кровати, потом убедился, что ножка прикручена к полу. Наконец они с Полом вышли. Я передвинул браслет поудобнее и спросил себя, не останутся ли следы кандалов со мной навечно?

В комнате было прохладно, ни одно из окон не выходило на юг, и к тому времени, когда халдей вернулся с одной из рубашек Пола, чтобы обернуть ею мою ногу, я крепко спал.

Весь день я провел в полудреме. Иногда я просыпался и смотрел на солнечный свет, льющийся из окна над моей кроватью, такой яркий и горячий. Потом я увидел, как Пол обучает Софоса с Амбиадесом фехтовать деревянными мечами, но это вполне могло быть сном, потому что когда я в следующий раз выглянул из окна, их уже не было.

После ужина я лежал и прислушивался к голосам в соседней комнате. Небо потемнело и взошли звезды. Я заснул прежде, чем появилась луна, и проснулся только тогда, когда Софос сказал у меня над ухом, что завтрак готов.

Нас ожидали полные миски овсянки, гигантская порция цацики, хлеб, сыр, маслины и несколько апельсинов — небольших и зеленоватых, с плохо отходящей кожурой, но сочных и сладких.

— Приятного аппетита, — сказал халдей, наблюдая, как я торопливо работаю ложкой. — Некоторое время нам придется прожить на сухом пайке.

Я ел, что дают, и ни на что не жаловался. Когда халдей попросил меня по возможности не жевать с открытым ртом, я с видимым усилием выполнил его просьбу. Все-таки в

открытый рот помещается больше еды.

Пол осмотрел мои запястья, выкинул покрытые бурыми пятнами бинты и намазал мазью подсохшие раны. Я не дергался и, хотя у меня в запасе было еще довольно разнообразных проклятий, терпеливо молчал. Язвы теперь выглядели намного лучше, и я согласился больше не бинтовать их, хотя видел, что мое согласие или отказ Полу одинаково по барабану.

Вообще-то, им очень повезло, что я не заболел в тюрьме. Тогда для восстановления моих сил понадобилось бы больше времени, чем три дня на свежем воздухе с хорошим питанием.

Пока халдей занимался укладкой заплечных мешков, которые должны были нести все, кроме меня, я разминался на солнышке, наклоняясь к носкам сапог и выгибая спину, чтобы проверить, вернулись ли ко мне силы после отдыха, а так же гадая, как скоро халдею понадобятся мои услуги. Потом я присел на каменный порог дома и ждал, пока мои спутники пристроят на плечи свой груз.

* * *

Теперь перед нами возвышались настоящие горы. Они круто вздымались от подножия вверх, их каменистые склоны поросли цепким кустарником, сумевшими закрепиться в сланце. Твердые обнажения известняка и мрамора казались торчащими наружу костями локтей и коленей. Потoki сыпучего щебня на крутых склонах делали горы почти неприступными идеальными стенами Эддиса, страны, скрытой в высокогорных долинах над облаками. Кое-где вода прорезала в горах глубокие ущелья, наверное, где-то были и впадины для горных озер, но я не мог точно определить, где нахожусь, потому что мы довольно далеко удалились от Сеперхи, единственной знакомой мне реки.

Халдей позвал меня и повел нас цепочкой через узкую щель, начинавшуюся около дома и направленную в сторону горы. Тропинка была не шире той, по которой шли лошади прошлым утром, и едва заметной. Мы поднимались по старому руслу, вероятно, сухому большую часть года. По весне разбухший от зимних дождей поток пробивал себе здесь путь сквозь пласты сланца и, с большим трудом, но с той же неотвратимостью, через гранит и мрамор. Оливы пустили корни там, где вода подходила ближе к поверхности земли. Горные стены возвышались по обе стороны нашей тропы, иногда достигая нескольких сотен футов. Красный хвостовик и зеленый черенок росли густыми пучками из трещин в камне и оставляли сухие царапины на коже, когда мы проходили мимо.

Иногда тропа упиралась в небольшую скалу, которая превращалась в водопад в сезон дождей; тогда халдей искал точки опоры по обе стороны русла и всегда находил их. Нам не пришлось столкнуться с непреодолимыми препятствиями, хотя случалось перелезть через стволы упавших деревьев, а иногда подтягиваться на камень. Я был рад, что сохранил свои старые сапоги на гибкой подошве.

Мы остановились на обед, прежде чем были исчерпаны мои последние силы, но я все равно был рад отдохнуть. Ясно было, что халдей будет вести нас по старому руслу, пока мы не покинем Сунис и не войдем в Эддис, горную страну. А, может быть, мы уже перешли границу? Я не решался задать вопрос халдею, и был рад, когда это сделал Амбиадес.

— Где мы?

— После этого подъема начнется Эддис.

— Что нам там делать?

Мои брови поползли на лоб. Стало быть, халдей не сказал ученикам, куда мы направляемся. Интересно, Пол в курсе? Халдей повернулся к Софосу, чтобы спросить:

— Что твой учитель рассказывал об Эддесе?

Пока мы ели наш ужин, Софос излагал нам основные сведения о соседях. Эддисом правила царица и Совет одиннадцати министров, включая премьер-министра. Основными статьями экспорта являлись древесина и серебро из горных шахт. Страна импортировала большую часть потребляемого зерна, вина и оливок. Эддис представлял из себя узкую полосу земель в горных долинах к югу и юго-востоку от Суниса. Рассказ своим простодушным напоминал статью из детской энциклопедии.

Когда Софос закончил, халдей повернулся к своему старшему ученику:

— Теперь ты перечисли наиболее значимые факты об Эддесе.

Амбиадес справился блестяще. Мне кажется, он имел хорошие способности к учебе, хотя у меня возникло подозрение, что мальчик относится к своему ученичеству, как к чему-то не слишком нужному. Может быть, его раздражало постоянное ощущение собственной ничтожности в присутствия княжеского сына?

— Эддис контролирует единственный удобный путь через горы между Сунисом и Аттолией, двумя богатыми торговыми странами. Он единственный располагает лесной промышленностью по эту сторону гор. Наши леса все вырублены. Горы не располагают другими большими природными ресурсами, поэтому большую часть своих богатств эддисийцы получают от международной торговли. Эддис взимает налоги с караванов, проходящих через горы, и продает пиломатериалы для кораблей в Аттолию и Сунис. Так как это царство очень зависит от торговли, оно всегда сохраняло нейтралитет и пыталось сохранить мир между Сунисом и Аттолией. После изгнания захватчиков мы вторглись в Аттолию и намеревались захватить ее целиком, но эддисийцы не пропустили нас.

— Очень хорошо, — похвалил халдей.

Он повернулся к Софосу и спросил, знает ли он, каким образом Эддис остановил войну.

— Это когда они разобрали мост через Сеперхи? — догадался Софос.

— Да, — сказал халдей. — Он был перекинут через ущелье, и только по этому мосту армия могла пройти к перевалу, ведущему в Аттолию.

— Они были трусами, и знали, что в горах им ничего не угрожает, — заявил Амбиадес.

Он уверенно повторил мнение, которого придерживалось большинство сунисийцев.

— Тогда почему Сунис решил напасть на Аттолию, если торговля выгоднее войны? — спросил я, забыв, что рискую получить выговор за вмешательство в беседу с учениками.

Даже Софос знал ответ.

— Потому что аттолийцы лжецы. Эддис пропустил армию Аттолии через перевал, потому что они должны были сражаться на нашей стороне, когда пришли захватчики. Но вместо этого их армия помогла захватчикам победить нас при осаде Суниса.

— Значит, Сунис после стольких лет начал войну просто из мести?

Несколько сотен лет казались мне слишком долгим сроком, чтобы лелеять обиду.

— Большинство людей считает, что потерю свободы невозможно стереть из памяти, Ген, — сухо заметил халдей.

Это замечание прошло мимо ушей Софоса, но Амбиадес рассмеялся. Я сказал:

— Да, но Эддис не потерял свободы, не так ли? Захватчики не победили их?

— Нет, — согласился халдей. — Оккупанты в конечном итоге захватили Аттолию, так же, как и Сунис, но законы Эддиса никогда не менялись под давлением внешних сил.

На этом закончился и обед и наша беседа. Мы снова отправились в путь.

* * *

Сумерки застали нас на краю глубокого оврага. Наше движение замедлилось, поскольку мы уже не могли хорошо разглядеть опору под ногами. Пол помогал идти мне, а я в свою очередь должен был взять за руку Амбиадеса. Наконец мы добрались до расширения тропы, плоской площадки, которая успела послужить лагерем многим путешественникам. Кто-то построил у стены оврага каменный очаг, и гранитная плита над ним почернела от дыма многих костров.

После ужина, когда наши одеяла были расстелены на земле у нас за спиной, а мы все еще сидели у огня, Амбиадес снова спросил, зачем мы идем в Эддис. Халдей задал ему новый вопрос, на который Амбиадес ответил терпеливо, видимо, привыкнув к манерам учителя.

— Что ты знаешь о правилах престолонаследования в Эддисе?

— Ну, сейчас у них есть царица, как в Аттолии, потому что трон может передаваться не только по мужской линии. Я предполагаю, что корона передается от родителей к ребенку, как в Сунисе.

— Всегда ли это было так?

Амбиадес пожал плечами.

— Со времен захватчиков.

— А что было раньше?

— Вы говорите о Даре Хамиатеса? — быстро спросил Амбиадес.

— Вот именно, — сказал халдей и повернулся к Софосу. — Что ты знаешь о Даре?

Софос не знал ничего, так что халдей решил объяснить сам.

— Это неудивительно. Сунис и Аттолия давно приняли религию захватчиков, и мы поклоняемся новым богам в городской Базилике, но когда-то мы все верили в богов горной страны. У них существует почти бесконечный пантеон с божествами каждого озера и реки, горы и леса, но есть так же круг более могущественных богов, который возглавляет Гефестия, богиня огня и молнии. Она управляет всеми богами, кроме своей матери Геи, богини земли, и отца Урана, бога неба. По легенде царский род Эддиса возник, когда Гефест подарил некоему Хамиатесу камень, найденный на дне источника бессмертия. Камень освобождал его владельца от смерти, но, прожив отведенный человеку срок, царь добровольно передал Дар своему сыну и умер. Сын в свою очередь передал его своему сыну, и обладание камнем стало символом полномочий на управление страной. Однажды узурпатор украл камень, но после его скорой смерти стало понятно, что камень теряет свои свойства в руках недостойного человека. Таким образом, возникла традиция, позволяющая передавать престол Эддиса из рук в руки мирным путем, в то время, как другие страны страдали от гражданских войн. Был также случай, когда вор украл камень, а потом вернул его; этого вора выбрали кандидатом на престол, а затем он стал законным королем.

— Но ведь это просто сказка, — запротестовал Амбиадес.

Я молча согласился с ним.

— Иногда трудно отличить вымысел от реальности, — сказал халдей. — Возможно, когда-то существовал царь Хамиатес, который мог стать зачинателем этой традиции. Мы знаем только, что существовал камень, называемый Даром Хамиатеса, и что во времена захватчиков люди еще верили в его власть и силу. И верили настолько, что даже напали на Эддис, чтобы захватить и страну и сам камень, который по слухам являлся необыкновенной драгоценностью. Когда Дар исчез, захватчики были сброшены с гор и обратили свое внимание на Сунис и Аттолию, более легкую добычу.

— А что же случилось с камнем? — спросил Софос.

— Он был спрятан царем Эддиса, который умер, не передав его сыну и не открыв местонахождения тайника. Он остается скрытым до сих пор.

— Как вы думаете, его можно найти?

Халдей кивнул. Последовало недолгое молчание.

— Вы думаете, что сможете найти его? — спросил Амбиадес, его лицо вспыхнуло от азарта и, вероятно, от жадности.

Так мне показалось.

Халдей кивнул.

— То есть вы хотите сказать, — едко заметил я, — Что мы таскаемся по горам, потому что верим всяким сказкам?

Халдей посмотрел на меня. Наверное, он вспомнил, как внимательно я слушал его лекцию ученикам.

— Со времен, предшествующих оккупации, сохранились надежные документы, в них говорится о камне.

— И вы знаете, где он лежит? — вмешался Амбиадес.

— Да.

— Где? — спросил он, когда я в недоумении покачал головой.

— Если он действительно существует, — спросил я, — Почему же за несколько веков не нашлось человека, чтобы прочесть эти документы и забрать камень?

— Потому что я не боюсь. — ответ халдея удивил меня. — Судя по найденным записям, некоторые люди уходили искать камень, но те, кто смог приблизиться к месту, где он спрятан, уже не вернулись. Это заставляет меня думать, что они были плохо подготовлены. — он милостиво улыбнулся мне через огонь. — В легенде исключительно талантливый вор смог унести камень, вот почему ты был приглашен, чтобы разделить нашу прогулку.

— Неужели те записи уцелели со времен захватчиков?

Я бы предпочел увидеть те документы, прежде чем поверить в них.

— Да, — ответил халдей, положив ногу на ногу и покачиваясь взад и вперед с подозрительно самодовольным видом, — Хотя их больше не существует. Я получил из них нужную информацию и уничтожил, чтобы никто больше не пытался идти этим путем.

Я поморщился. Было бы лучше, если бы эти записи не обнаружили вообще. Амбиадес снова решил узнать, куда мы направляемся.

— Увидишь, когда придем, — сказал его хозяин.

— А зачем мы вообще идем? — насмешливо спросил я. — Наш царь решил стать государем Эддиса, задрипанной деревни, населенной умственно отсталыми лесорубами?

Это было наиболее мягкое описание Эддиса, которое я слышал в нижнем городе.

— Конечно, я отдам камень Сунису. Он станет царем. А я буду Царским Вором.

А вот это уже было ущемлением моей профессиональной гордости. Я должен был совершить подвиг, а он собирался прикарманить мою славу. Его имя будет высечено в камне на стене Базилики, а мое напишут пальцем на песке. Я напомнил, что должность Царского Вора по праву принадлежит мне.

— Или вы ожидаете, что я буду рад вручить вам Дар Хамиатеса, а в награду получить ножик в спину? Вот для чего вам понадобился Пол?

Халдей не клюнул на мою приманку, а Пол по другую сторону костра задумчиво почесал нос. У меня по спине пробежал холодок.

— В этом не будет необходимости, — хладнокровно ответил халдей. — Никто не перепутает демиурга с инструментом его воли. Если генерал будет доволен своим мечом, разве он понесет его кузнецу, чтобы перековать? Разве ты можешь оказаться умнее молотка, например, если щеголяешь доказательством своего преступления в винном погребке?

Я покраснел, а он рассмеялся. Странно, его смех не казался недобрый, но я все равно был очень зол.

— Что ты будешь делать, когда станешь Царским Вором, Ген? Жевать с открытым ртом за царским столом? Болтать с придворными дамами о своих подвигах? В тебе все выдает твое низкое рождение. Тебе будет слишком неудобно при дворе.

— Я бы прославился.

— Ты это уже сделал, Ген, — со снисходительным сожалением заметил он.

Я был бы удивлен, если бы Амбиадес не захихикал в ладошку. Пожалуй, пора было сменить тему.

— А Сунис верит, что вы принесете камень ему?

— Конечно, — отрезал халдей.

Кажется, я наступил на большую мозоль. Он обеспечил себе доверие царя, уничтожив документы, чтобы никто, кроме него, не смог найти камень.

— Ты уверен? — подколот я. — Так вот для чего нужен Пол. Может быть, ножика получишь ты?

Его брови сошлись над переносицей. Халдей разозлился всерьез.

— Не будь идиотом, — сказал он.

— А зачем Сунису становиться царем Эддиса, а? У него уже есть одно царство, — поинтересовался я. — Там же нет ничего интересного. Только деревья, много деревьев. Он хочет строить корабли?

— Нет, — халдей решил не злиться на такое ничтожество, как я. — Он хочет королеву. — я замер с открытым ртом. — Мы сделаем так, чтобы он смог жениться на ней. До сих пор Эддис отказывал ему, но им придется согласиться, если царь докажет, что является законным правителем страны. Мы предупредили царицу, что в следующий раз она увидит его с Даром Хамиатеса на шее.

Так вот почему мы блуждаем по этим диким местам.

— А что, если никто больше не верит в эти дурацкие сказки? — спросил я. — Что, если мы найдем камень, а все вокруг скажут: «Ну и что? Ну и гордись до смерти»?

— Она не будет чувствовать себя в безопасности на троне, если посмеет оскорбить богов своего народа. Эта женщина не посмеет.

Я посмотрел в огонь. Какое-то время вокруг костра было тихо.

— Ему не нужна царица, — сказал я, когда правда наконец пробила себе путь. — Ему даже не нужна ее страна. Он хочет пройти через горы и вторгнуться в Аттолию.

Пол с Амбиадесом согласно кивнули головами по другую сторону костра. Для тех, кто знал нашего Суниса, это объяснение имело гораздо больше смысла, чем теория халдея. Он пожал плечами.

— Не так важно, зачем ему нужен Дар. Важно, чтобы мы нашли его. А теперь, я думаю, нам пора отдохнуть.

Как и полагается хорошему инструменту, послушному молотку, например, я отвернулся от огня и пошел спать.

* * *

На следующее утро солнце медленно взошло над краем ущелья; я хорошо отдохнул к началу дня, но вчерашний разговор все еще раздражал меня, поэтому я методично жевал свой завтрак с открытым ртом, пока халдей не поморщился и не отвернулся. Ущелье расширилось, а оливковые деревья исчезли. Мы шли мимо кустов красного можжевельника и дикого шиповника, иногда замечая на крутых каменных склонах скрученные стволы низкорослого самшита. Ближе к вечеру ущелье расширилось еще больше, и мы вышли в узкую долину, заросшую лесом. Острые камни под ногами сменились вязкой грязью, а затем густым слоем сухой хвои. Мы молча вошли в казавшийся необъятным лес.

— Я же говорил вам, что здесь нет ничего, кроме деревьев, — сказал я, оглядываясь, чтобы посмотреть куда мы пришли. Ущелье было почти прямым, и между гор извилистой чертой лежал почти весь наш путь до равнины. Дорога, которой мы приехали к предгорьям, не была видна, город затерялся за горизонтом, но далеко впереди по равнине извивалась блестящая лента Сеперхи, а на горизонте яркой полосой блестело море.

— Мы можем остановиться? — поинтересовался я. — Ноги устали.

— Нет, — покачал головой халдей. — Двигай дальше.

Тропа петляла между деревьями. Мы шли и шли, не издавая ни звука. Я посмотрел вверх на ветви горной ели, закрывавшей небо над головой; шишки уже начали раскрываться, чтобы развеять семена по ветру. Я сказал:

— Как здесь скучно. Может быть, я устал от скуки?

Не дождавшись ни от кого ответа, я спросил снова:

— Когда мы сможем остановиться?

Халдей замедлил шаг и посмотрел на меня через плечо.

— Заткнись.

— Я просто спросил.

Пол, как всегда, шел позади меня. Он наклонился вперед и подбодрил меня тычком между лопаток.

* * *

Почти стемнело, когда мы вышли к проложенной через лес дороге; она была выстлана огромными каменными плитами совершенно одинакового размера. Мы подождали под деревьями, пока халдей не убедился, что дорога пуста, а потом быстро перебежали в лес на другой стороне.

— Куда ведет эта дорога? — спросил Амбиадес халдея.

— Из столицы Эддиса к главному перевалу через горы.

— Как они ее построили? — хотел узнать Софос.

Халдей пожал плечами.

— Это было слишком давно, никто уже не помнит. Она была заложена в те же времена, что и Старая Стена нашего города. Никто не знает, кем она была построена.

— Полифемусом, — сказал Амбиадес.

— Кем? — переспросил Софос.

— Наверное, они верят, что это сделал Полифемус. Говорят, что этот одноглазый гигант построил Стену старого города и царскую тюрьму. Ты никогда не слышал этих историй?

Софос покачал головой.

— Мой отец считает, что нам надо забыть старых богов. Он говорит, что две веры в одной стране, все равно что два царя. Нельзя понять, кому хранить верность.

* * *

Тропинка продолжалась на противоположной стороне каменной дороги. Мы шли между деревьями, пока солнце не село за вершину горы. Лагерь пришлось разбивать уже в сумерках немного в стороне от тропы. Пол приготовил ужин на маленьком костре. Сосновые иглы горели, почти не давая дыма.

За ужином я продолжал изводить халдея. Мне нравилось наблюдать, как он теряет самообладание, а потом восстанавливает его, вспомнив о моем ничтожестве. Когда они с Полом начали обсуждать, как нам наверстать день, потерянный за время отдыха в доме под горой, я назидательно заметил, что для более быстрого перемещения нам следовало воспользоваться повозкой в первые два дня пути. Прежде, чем приняться за ужин, я посетовал, что нам следовало захватить больше пищи. Естественно, я говорил с набитым ртом.

— Надо было нагрузить этого осла, — заметил Амбиадес.

— Да, — согласился халдей. — Может быть, завтра понесешь свою провизию сам?

— О, нет, только не я, — сказал я. — Я и себя-то еле несу.

С этими словами я лег на одеяло и поерзал, устраиваясь поудобнее. Пристроив ноги на ствол поваленного дерева, я готов был продолжать беседу.

— Почему вы не захватили что-нибудь поудобнее для ночлега?

Халдей начал было отвечать, но Софос прервал его. Он попросил подробнее рассказать о старых богах Эддиса.

— Я думал, твой отец не хотел, чтобы ты знал о них, — сказал Амбиадес.

Софос не секунду задумался.

— Не думаю, чтобы он возражал против академического интереса.

— Нет? — Амбиадес рассмеялся. — По-моему, как раз против твоего академического интереса он и возражал. Разве он не обещал бросить тебя в реку с энциклопедией на шее?

Даже Пол рассмеялся, а Софос покраснел.

— Он не хотел, чтобы я тратил слишком много времени на книги, но считал, что другим учиться можно.

У огня воцарилась непонятная мне тишина. Судя по выражению лица Амбиадеса, все

его тревоги нахлынули на него с удвоенной силой. Чтобы прервать молчание, халдей сказал, что расскажет несколько историй про старых богов. Он начал с сотворения мира и рождения богов, и неплохо справился, надо сказать. Я лежал у него за спиной и прислушивался.

Создание Земли и рождение богов

Гея была одинока. У нее совсем никого не было. Тогда она взяла часть себя из середины и создала Гелиоса, он стал первым богом. Но со временем он покинул Гею. Он обещал посылать ей свой свет в течение дня, но ночью она оставалась одна. Тогда она взяла часть со своего края и создала Селену, которая стала первой богиней. Через некоторое время Селена тоже покинула Гею. Она обещала посылать матери свой свет по ночам, но обещания Селены ничего не стоят, и она посылала вниз только часть своего света, а иногда и совсем забывала.

Когда Селена забывала о своем обещании, Гея снова становилась одинокой. Однажды выдохнула воздух и создала Урана. Уран обнял ее и стал ее спутником. Он обещал остаться с Геей навсегда, и она была счастлива. Первыми детьми Геи и Урана стали горные хребты, и Гефестия была старшей из них.

Они создали новый детей, старшие из которых стали великим Океаном и Срединным морем, а младшие реками Сеперхи и Скандерой. Однажды Уран захотел увидеть себя, и Гея породила тысячи богинь и разослала их по всему миру, чтобы они стали озерами — зеркалами для Урана. Уран посмотрел на себя в зеркало. Он был синим с белыми облаками, а иногда черным, усыпанным звездами, особенно красив он был на закате. Он очень возгордился собой.

Он посмотрел на пустую и серую Гею, и подумал, что она не так уж и хороша. — Я такой красивый, — сказал он Гее, — а ты совсем скучная. У тебя есть только одна красивая вещь — твои озера.

И он стал все время глядеться в зеркала и совсем перестал разговаривать с Геей. Тогда Гея собрала пыль с гор и создала белый снег, а пыль долин она превратила в темный чернозем. Она разбросала повсюду семена деревьев и цветов и покрылась лесами и полянами, и тогда Уран сказал, что она так же прекрасна, как он. Но он продолжал смотреть в озера, которые отражали его славу. Тогда Гея рассердилась и вырастила высокие деревья вокруг озер, скрыв их от глаз Урана. Уран рассердился. Он смешал снег с горных вершин с черноземом долин, подул и рассеял частицы по всему миру. Каждая пылинка превратилась в человека, белого, как снег, или темного, как земная почва.

Вот почему, хотя мы и живем на земле, мы должны благодарить небо, нашего творца, за то, что создал нас. Но он был нетерпелив и сделал свою работу кое-как. Человек получился маленьким и слабым, лишенным божественных даров. Когда Уран послал людей очистить пространство вокруг озер, он увидел, что они были слишком слабы, чтобы повалить деревья.

Гея посмотрела, как люди пробираются сквозь леса и спросила Урана:

— Зачем ты создал их?

Урану стало стыдно, и он признался, что хотел увидеть озера. Тогда Гее тоже стало стыдно, и она призналась, что желала, чтобы Уран говорил только с ней. Уран пообещал, что будет смотреть в озера только иногда, а Гея обещала скрыть под деревьями только часть озер. И они стали счастливы.

Но Гея посмотрела на людей, созданных Ураном, и пожалела их. Они мерзли и голодали. Поэтому она дала им огонь, чтобы согреться, и семена злаков, чтобы посадить их в землю. Она даже создала животных, чтобы люди могли есть мясо и пить молоко, но несмотря на все ее щедрые дары, люди оказались неблагодарными. Они благодарили только своего создателя Урана. Гея рассердилась и задрожала от гнева, и тогда построенные людьми дома разрушились, а прирученные животные разбежались. Вот тогда-то люди и поняли, что совершили ужасную ошибку. С тех люди поделились на тех, кто благодарил Урана за свое создание, и тех, кто молился Гее, за ее дары.

* * *

Когда халдей закончил, люди, сидевшие у костра, еще некоторое время молчали. Затем Софос спросил:

— Так люди в Эддисе действительно в это верят?

Я прыснул со смеху, и все дружно оглянулись на меня.

— А в Сунисе люди действительно верят, что девять богов выиграли Землю в битве с титанами? Что первый из богов ел собственных детей за здорово живешь, а его жена провела его, как последнего лоха? — я приподнял затылок и подложил под него скрещенные руки. — Нет, Софос, на самом деле они не верят. Это просто религия. Им нравится в праздничные дни приходить в храм и делать вид, что существует некий бог, ради которого надо зарезать корову, потому что ему нужна бесполезная жертвенная кровь, и чтобы люди могли съесть все остальное. Это просто повод зарезать корову.

— Ген, ты говоришь, как еретик. Что ты вообще знаешь о богах? — спросил халдей.

Прежде чем ответить я поднялся и пересел к огню.

— Моя мать была родом из горной страны. Там все было точно так же. Все ходили в храм, слушали старые сказки после ужина, но не верили, что боги придут на их порог.

— Да?

— Да, — сказал я, позволяя моему языку болтать без умолку. — И ты наделал много ошибок. Ты даже неправильно произносишь название страны. Горные люди называют свое царство Эйдисом, а не Эддисом. И ты не рассказал, как Гея заплакала, когда Уран отвернулся от нее, вот почему Океан стал соленым.

— Неужели?

— Да, в детстве моя мать рассказывала мне эти старые истории. Я знаю их все, и знаю, что их страна называется Эйдисом.

— Что касается названия, Ген, могу сказать тебе, что Эйдис является старым названием, принятым еще до оккупации. Со времен захватчиков мы изменили произношение многих слов, а эддисийцы привыкли веками ничего не менять. Так что теперь мы называем Эйдис Эддисом, в соответствии с требованиями прогресса.

— Это их страна, — проворчал я. — Им лучше знать, как она называется.

— Ген, я не говорю, что Эйдис является неправильным названием. Оно правильное, просто устарелое. Но весь цивилизованный мир использует новое. Какие еще ошибки я сделал?

Я перечислил все, что запомнил. Большинство недочетов были пропусками истории. Когда я закончил, он сказал:

— Всегда интересно послушать местное изложение народного фольклора. Но ты, Ген, не должен считать истории твоей матери единственно верными и правильными. Я изучал их много лет, и уверен, что обладаю самыми точными знаниями. Часто случается так, что эмигранты, вроде твоей матери, не могут вспомнить детали оригинального повествования и заменяют их выдуманными. Многие из этих мифов были созданы великим поэтом много веков назад, но простые люди неизбежно искажают их первоначальный смысл.

— Моя мать ни словечка не исказила за всю свою жизнь, — горячо возразил я.

— О, не обижайся, — миролюбиво сказал халдей. — Я уверен, она не хотела лгать, просто она не была образованным человеком. Необразованные люди зачастую не понимают подлинного смысла вещей, о которых говорят каждый день. Может быть, она даже не знала, что твое имя Ген происходит от имени Евгенидес.

— Она очень даже знала, — настаивал я. — Это вы ничего не знаете. Тем более о моей матери.

— Не глупи. Конечно, я знаю о твоей матери. Она упала из окна четвертого этажа и умерла, когда тебе было десять лет.

Ветер вздохнул в сосновых ветках над моей головой. Я забыл, что это было записано в моем личном деле. Царские суды имеют обыкновение собирать подробное досье на карманников, так что вся история моей жизни уже была записана мелким почерком на стопке листков, хранящихся в тюремной канцелярии.

Халдей заметил, что попал в цель и решил развить свой успех. В его голосе сочилось снисходительность.

— Но, может быть, я ошибаюсь. Может быть, Ген — это фамилия? Должность Царского Вора в Эддесе, например, передается по наследству. Вполне возможно, что нынешнего Вора зовут Евгенидесом. Может быть, он твой родственник? Кузен, например, или кто-то еще.

Он усмехнулся. Я чувствовал, как пылает все мое лицо, даже лоб.

— Евгенидес, — я почти заикался, — Был богом воров. Мы все носим свое имя в его честь.

Я отскочил от огня и бросился на свое одеяло. Ночь была прохладной, поэтому я плотнее завернулся в шерстяной плащ и признался себе, что халдей обошел меня в этом споре. Кажется, все остальные, согласились с ним.

* * *

На следующий день халдей выглядел довольным, как сытый кот. Пол приготовил завтрак, а затем мы свернули лагерь, стараясь не оставлять следов нашего пребывания вблизи тропы. Софос с Амбиадесом набрали сухих игл и засыпали ими остывшее кострище.

К полудню мы перевалили через горный хребет и стояли перед крутым спуском с перевала.

— Я не пойду вниз, пока не пообедаю, — объявил я. — Не собираюсь умирать на пустой желудок.

Я не блефовал и говорил совершенно серьезно, так что, когда халдей попытался заставить меня, я просто сел на землю. Он пару раз стукнул меня своим дурацким кольцом, но я не двигался с места. Затем мы пообедали.

После обеда начался спуск по склону. Я хотел, конечно, идти последним, но Пол не позволил. Поэтому я встал предпоследним и беспокоился только о камнях, которые сыпались из-под ног Пола. В халдея, шедшего первым, летели камни, обрушенные Полом. Софосом и Амбиадесом. Я специально для него послал вниз пару камешков, но мне стало не по себе, когда один, вылетев из-под ботинка Пола, угодил прямо в затылок Софосу. Мы не могли остановиться и посмотреть, тяжело ли он ранен, пока не закончили спуск. Нам пришлось преодолеть еще семьдесят пять футов, и как только мы благополучно достигли твердой скалы, Пол проверил голову мальчика.

— А ну-ка, повернись, — сказал он.

— Все в порядке, — ответил Софос, в глазах которого все еще стояли слезы. — Крови нет.

Он для убедительности показал свои руки. Пол потер шишку на затылке и согласился, что Софос, вероятно, жить будет.

— Извини, парень, — кажется, он всерьез переживал свою оплошность. — Может, тебе нужно отдохнуть?

— Мы могли бы еще раз пообедать, — с надеждой предложил я и получил в ответ сердитый взгляд от халдея.

Софос сказал, что чувствует себя хорошо, и мы продолжили наш путь. Русла реки здесь не было, так что идти было нелегко. Мы пробирались по склону горы козьей тропой между скал. Я чувствовал себя каким-то незащищенным и беспокоился, что нас могут увидеть сверху. Меньше всего мне хотелось быть пойманным во время тайной вылазки в Эддис в компании царского халдея из Суниса, и лучше этого горного склона, по колена заросшего травой, места для нашей поимки было не найти. Я спросил халдея, почему мы идем среди белого дня через открытое пространство, когда нас может увидеть любой встречный.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не любой, — поправил он меня. — А только тот, кто идет по той же тропе. Ею очень редко пользуются. Пока мы не оставляем следов нашего присутствия, никто не узнает, что мы здесь прошли. В Аттолию ходят другой дорогой.

Я посмотрел на вершины гор и сказал:

— И все же здесь кто-то есть. Разве нас не могут увидеть из леса?

— Маловероятно, что там кто-то бродит.

Я фыркнул.

— Успешный вор никогда не полагается на вероятность, — сообщил я.

— Успешный вор? — переспросил халдей. — Знаешь такого?

2:0. Я огорчился и выбыл из соревнования.

* * *

Через четверть мили, преодолев отрезок особенно крутого склона, мы спустились к

небольшой площадке, вымощенной каменными плитами и обсаженной старыми оливами. В задней части площадки, представлявшей из себя всего лишь более глубокий уступ, угадывалось широкое отверстие, ведущее вглубь горы. Растущее из расщелины скалы фиговое дерево наполовину скрывало вход в пещеру. Начинаясь где-то в темноте, по выдолбленному в плитах желобу бежал ручеек. К скале был пристроен маленький храм, не больше девяти футов высотой, сложенный из мраморных блоков с миниатюрной колоннадой под фронтоном.

— Вот, — халдей обвел рукой площадку, — Здесь мы должны были обедать. Смотри внимательнее, Софос. Это твой первый языческий храм.

Он пояснил, что в пещере находится алтарь богини весны, построенный, скорее всего, тысячу лет назад, и указал на мастерство каменотесов, идеально подогнавших друг к другу мраморные глыбы.

— Глядя на этот маленький храм, можно понять, как устроены большие. Надо только изменить масштаб. Здесь тоже четыре колонны, как в главном храме богов всех времен года, и все остальные части точно повторяют конструкцию больших зданий.

Софос казался совершенно очарованным. Они вдвоем вошли в храм, чтобы посмотреть статую богини, и вышли весьма впечатленные. Амбиадес откровенно скучал. Халдей заметил выражение его лица и сказал:

— Вот так, Амбиадес, религия помогает управлять народом. И вот почему отец Софоса считает, что ни одна страна не должна иметь больше одного пантеона богов. Позволь привести несколько примеров.

Мы шли по пути, который вода из источника пробилла в камне за многие тысячелетия. Идти было легко. Кое-где в особенно крутых скалах были выбиты ступени. За тысячу лет паломники неплохо обустроили доступ к святыне.

Амбиадес с интересом слушал халдея. Было очевидно, что он уделял пристальное внимание всему тому, что, по его мнению, могло оказаться полезным. Вот в естественной истории он не видел никакого смысла. Халдей начал задавать вопросы. Сначала Амбиадес бодро отвечал на каждый из них, затем стал отвечать Софос, а комментарии Амбиадеса становились все более и более угрюмыми. Я пытался слушать, но до меня долетали только отрывки их беседы. После того, как Амбиадес несколько раз рыкнул на Софоса, халдей отправил того назад, и продолжал читать лекцию одному Амбиадесу.

Я удивился, услышав, как у меня за спиной Софос с Полом болтают, словно старые друзья.

— Классификация горных хребтов. Он не любит подобные вещи, и не старается запомнить. И все же он знает больше меня.

— Ты сможешь наверстать упущенное.

— Если отец позволит мне остаться.

— Да?

— Ты знаешь, о чем я, Пол. Если он узнает, что я хочу учиться, он обязательно заберет меня.

— А ты хочешь учиться?

— Да, — уверенно ответил Софос. — Мне интересно, и халдей оказался не таким страшным, как мне сначала показалось.

— Нет? Может, я передам ему твой комплимент?

— Не смей. И ничего не говори отцу. Ты же знаешь, отец надеется, что у халдея я

ожесточусь. Тебе не кажется, что халдей на самом деле добрее, чем казался на первый взгляд?

— Затрудняюсь сказать, — ответил Пол.

— Ну, со мной он не так строг, как с Амбиадесом.

— Амбиадесу строгость не помешает, — сказал Пол.

— Я не сержусь на него, Пол. Он мне нравится. Он умный и обычно не такой...

— Наглый? — подсказал Пол.

— Темпераментный, — возразил Софос. — Я думаю, его что-то беспокоит. — он решил сменить тему. — Ты знаешь, куда мы идем?

Я наострил уши.

— В Аттолию, — Пол сообщил совершенно очевидную вещь.

— Это все, что тебе известно? Тогда зачем ты идешь с нами?

— Твой отец послал меня присматривать за тобой. И ожесточить тебя, если получится.

Софос рассмеялся.

— Нет, в самом деле, почему?

— Только то, что я сказал.

— Держу пари, халдею нужен был надежный человек, и отец сказал, что не пустит меня без тебя.

Я был уверен, что он не ошибался. Мы подошли к довольно крутому обрыву, где пришлось карабкаться, как мухам по стене. Закончив спуск вниз, Пол прекратил разговор и отстал от Софоса. Тогда мальчик решил идти рядом со мной.

— Ты действительно носишь имя в честь бога воров?

— Да.

— Но как родители могли решить, кем ты станешь, ведь ты был совсем маленьким?

— А как твои узнали?

— Ну, мне некуда деваться. У меня отец князь.

— А у меня мать была воровкой.

— Значит, профессию тоже передают по наследству?

— В моей семье было принято именно так. Мой отец хотел, чтобы я стал солдатом, но пришлось его разочаровать.

Позади нас Пол негромко хрюкнул. Без сомнения, он считал, что разочарование моего отца вполне оправдано.

— Твой отец? Настоящий?

Голос Софоса звучал так удивленно, что я посмотрел на него и спросил:

— Почему нет?

— Ну, я имел в виду... — Софос покраснел, и я задумался о его кровообращении; может быть, в его голове хранился резервный запас крови, позволяющий ему краснеть по десять раз в день.

— Что тебя удивляет? — спросил я. — Что мой отец был солдатом? Или что у меня вообще был отец? Ты считал меня бастардом?

Софос открыл рот, а потом закрыл, ничего не ответив. Я объяснил ему, что был вполне законным и признанным сыном.

— У меня даже есть братья и сестры, — добавил я, — От того же отца.

Бедный Софос выглядел так, словно собирался провалиться под землю.

— Чем они занимаются? — наконец выговорил он.

— Ну, один из моих братьев все-таки стал солдатом. Зато другой часовщик.

— В самом деле? А он умеет делать эти новые часы: плоские, а не такие, которые надо переворачивать?^[5]

Кажется, его интерес был искренним, и я собирался рассказать, что Стенидес изготовил свои первые плоские часы два года назад, но тут халдей заметил, что Софос болтает со мной, и позвал его к себе.

Когда мальчик прибавил шаг, я громко сказал ему в спину:

— К твоему сведению, мои сестры даже вышли замуж и стали честными домохозяйками.

Ну, почти честными. Долина плавно вела нас вниз; вероятно, здесь потоки весенней воды не были достаточно полноводными, чтобы вырыть глубокое ущелье. Ее края плавно изгибались вверх, только изредка обнажая скальные породы. Наконец мы увидели Аттолию, широко раскинувшуюся прямо перед нами, и морской берег справа. Цепочка островов, протянувшаяся до самого горизонта, казалась продолжением горного хребта за нашей спиной. На противоположной стороне долины виднелся еще одна горная цепь, там брала начало река, похожая на Сеперхи. Лента реки извивалась по долине, иногда приближаясь к горам Гестии, иногда удаляясь на многие мили. Ближе к побережью ее путь пересекал скалистый отрог, и река резко сворачивала на юг. Там залегали мягкие пласты известняка, на широком ложе которого речные воды соединялись с морскими.

— Здесь гораздо зеленее, чем у нас, правда? — заметил Софос, не обращаясь ни к кому в частности.

Он был совершенно прав. Если пейзаж Суниса изобиловал оттенками коричневого и старого золота, то здесь у наших ног выплеснули всю палитру зеленого. Даже оливковые деревья у подножия гор казались ярче серебристо-серых деревьев по другую сторону хребта.

— Восточные ветры приносят сюда дождевые тучи с гор, — объяснил халдей. — Аттолия получает в два раза больше воды, чем Сунис.

— Они экспортируют вино, инжир, оливки и виноград, а также зерно. У них богатые пастбища для скота, и им не приходится покупать овец в Эддесе, — сообщил Амбиадес с видом знатока, так что халдей рассмеялся.

— Боги, вы услышали мои молитвы!

Сначала мне показалось, что Амбиадес собирается улыбнуться, но он нахмурился, и, пока мы устраивались на ночлег, открывал рот только чтобы обругать Софоса. Это было довольно странное поведение для человека, мирно беседовавшего у огня вчера вечером. Я не мог понять, почему он нравился Софосу, но его симпатия была очевидной. Хотя, это больше напоминало поклонение. Оставалось только построить маленький храм и посадить Амбиадеса на алтарь. Вероятно, обычно Амбиадес был более приятной компанией. Не думаю, чтобы халдей стал бы долго терпеть строптивного ученика, и мне казалось, что он высоко оценивал способности Никчемного Старшего, хоть и называл его время от времени дураком.

* * *

После ужина Софос попросил новую историю о богах, и халдей начал было рассказ о Евгенидесе и Уране Громовержце, но почти сразу прервал себя.

— Это твой бог-покровитель, — сказал он мне. — Почему бы тебе самому не рассказать о нем Софосу?

Не знаю, чего он ожидал, но я рассказал историю так, как слышал от моей матери, и халдей не перебивал меня.

Рождение Евгенидеса, бога воров

Прошло много лет после создания людей, и они распространились по всему миру.

Однажды, проходя через свои леса, Гея встретила дровосека. Его топор лежал рядом с ним на земле, а сам он сидел и плакал.

— Почему ты плачешь, дровосек? — спросила его Гея. — Я не вижу, чтобы ты был болен.

— Ах, госпожа, — ответил дровосек, я плачу не от своей, а от чужой боли.

— Что это за боль? — поинтересовалась Гея, и дровосек рассказал, что его жена очень хотела иметь детей, но у них не было ни одного. Вот почему его жена сидела дома такая грустная и тоже плакала.

А дровосек, вспоминая слезы жены, плакал вместе с ней. Гея вытерла слезы с его лица и велела ему прийти в лес через девять дней, за это время она принесет ему сына.

Дровосек отправился домой и рассказал жене, что с ним произошло, а через девять дней он вернулся в лес, чтобы встретиться с богиней. Гея спросила:

— Где твоя жена?

Лесоруб объяснил, что жена не пришла с ним. Одно дело рассказать жене о встрече с богиней в лесу, а совсем другое — доказать, что это правда. Бедная женщина подумала, что ее муж сошел с ума, и заплакала еще горше.

— Иди, — сказала Гея, — И приведи завтра свою жену, иначе у нее не будет ни дома, ни мужа, ни ребенка.

Тогда дровосек пошел домой и уговорил жену пойти с ним, и она согласилась. Когда на следующий день супруги пришли в лес, Гея спросила их:

— Есть ли у вас колыбель?

И женщина ответила, что нет. Одно дело угодить мужу, который вдруг сошел с ума, а другое — рассказать об этом всем соседям и попросить у них колыбель для младенца, которого якобы собирается принести им богиня.

— Иди, — сказала Гея, — И найди колыбель, пеленки и одеяло, или у тебя не будет ни дома, ни мужа, ни ребенка.

Пришлось дровосеку с женой идти к соседям, но их соседи были хорошими людьми. Они дали жене дровосека все, что она просила, а вопросов не задавали, потому что всем было совершенно ясно, что дровосек с женой потеряли разум.

Когда на следующий день в лесу Гея спросила:

— Есть ли у вас колыбель?

Дровосек и его жена ответили:

— Да.

— А пеленки?

— Есть пеленки.

— А одеяло? А все, что понадобится для ребенка?

Они ответили «да», и Гея показала им ребенка, которого держала на руках. Жена дровосека приблизилась к богине и спросила:

— Есть ли у него имя?

Но Гея не могла ответить. Боги знают себя и не нуждаются в именах. Это только у человека есть дурная привычка давать имена всем вокруг, даже богам.

— Тогда мы будем звать его Евгенидесом, — сказала жена дровосека. — С днем рождения!

Они принесли Евгенидеса к себе домой и полюбили, как родного сына. Гея иногда приходила к ним в облике старой женщины и приносила мальчику подарки. Когда он был совсем маленький, подарки тоже были маленькими: мыльные пузыри на разноцветных нитках, которые качались над колыбелью; одеяло из кротовьих шкурок, чтобы согреть ребенка зимой.

Когда Евгенидесу исполнилось пять лет, богиня наделила его даром языков, чтобы он мог понимать всех животных вокруг. Когда ему исполнилось десять, она научила его говорить с богами озер и рек.

Когда Евгенидесу исполнилось пятнадцать, Гея хотела подарить ему бессмертие, но Уран остановил ее на пути.

— Куда ты идешь? — спросил он.

— Повидать своего сына, — сказала Гея.

— У тебя есть сын не от меня? — удивился Уран.

— У меня есть сын от дровосека, — ответила Гея, и Уран сильно рассердился.

Он пошел к дому Евгенидеса и метнул в него молнию; дом был разрушен, а Евгенидес с родителями, испугавшись, бежали в лес. Небо было против них, но лес принадлежал Гее, и спрятал их.

Уран рассердился еще больше и закричал Гее:

— Ты не должна рожать детей ни от кого, кроме меня! Ты не должна иметь никаких людей, кроме моего народа!

И он бросил свои громы и молнии на деревни, где люди поклонялись Гее за ее дары; но он пощадил деревни, где люди благодарили его. Тогда Гея тоже рассердилась и сказала, что не потерпит на земле ни одного из людей Урана; она задрожала от гнева и уничтожила селения, которые пощадил Уран. По всему миру дома людей были разрушены, посева сожжены, а животные разбежались; люди плакали и молились о спасении, но Гея с Ураном были слишком злы друг на друга, чтобы услышать людей.

Возможно, люди погибли бы тогда, но их крики услышала Гефестия. Она была старшей из детей Урана и Геи и самой любимой. Она пришла к Урану и сказала ему:

— Посмотри, как твои дети страдают от вашей с матерью вражды.

И Уран вспомнил о своих детях-реках и ручьях, он посмотрел вниз, и увидел, что по ним плывет мусор из сожженных деревень.

Гефестия пришла к Гее и сказала:

— За что ты обидела людей Урана? Посмотри, что стало с твоими людьми!

И Гея посмотрела вокруг и увидела, что ее люди испуганы, их дома лежат в

руинах, и им нечего есть. Люди неба тоже плакали и просили ее укротить свой гнев и простить их, если они обидели богиню.

Тогда Гея перестала сердиться. Уран подумал, и тоже успокоился. Гефестия спросила их:

— Почему люди должны гибнуть от ваших ссор? Дай мне свои громы и молнии, отец, дай мне свою силу сотрясать землю, мать, чтобы в следующий раз никто не пострадал.

Гея отдала дочери свою силу, а Уран обещал отдать молнии. Он так же обещал не вредить Евгенидесу, но попросил, чтобы Гея не делала ему дорогих подарков и не дарила бессмертие никому, кроме их общих детей. Гея дала обещание, и они с Ураном помирились.

Люди Урана и Геи восстановили свои дома, поймали животных и снова засеяли поля, но с тех пор были осторожны и построили в каждой деревне по два алтаря, чтобы одновременно благодарить и Урана и Гею, и быть их общими людьми.

Со времен той великой нужды люди молятся не только Урану и Гее, но и Гефестии, потому что она заступилась за людей перед богами.

* * *

— Ты говоришь как-то по-другому, когда рассказываешь истории, — заметил Софос.

— Я рассказываю так, как слышал от своей необразованной матери, — съязвил я.

— Мне понравилось.

— Ну, на сегодня достаточно, — сказал халдей. — Евгенидесу и Урану придется подождать до завтра. — а мне он добавил: — Твоя мать услышала эту историю, и сделала ее своей собственной.

— Конечно, — издевательски подхватил Амбиадес. — Она же была воровкой.

В ту ночь я впервые после тюрьмы спал спокойно и проснулся, когда блестящая половинка луны сияла над склоном горы. Я повернулся, чтобы посмотреть на звезды, и увидел, что Амбиадес сидит на своем одеяле.

— А ты что не спишь? — спросил я.

— Стерегу тебя.

Я оглянулся на три завернутые в одеяла тела.

— Дежурите по очереди? — Амбиадес кивнул. — И давно?

— С последней ночевки в гостинице.

— В самом деле?

Я был слишком усталым, чтобы заметить сразу. Сочувственно покачав головой, я повернулся на бок и заснул.

Глава 6

Утром мы съели последнюю пищу и выпили остатки воды, принесенной в кожаных мешках через горы. Хлеб был твердым, как камень, но я уже не чувствовал того сосущего голода, как в первые дни путешествия. Халдей заметил, как я с отвращением смотрю на кусок хлеба в моей руке, и рассмеялся. Он пребывал в радостном настроении, и, казалось, готов был отложить наши споры, когда ему не терпелось поставить меня на место.

— Знаю, знаю, — сказал он. — Не надо жаловаться. Получишь свежий хлеб на обед, обещаю.

— А когда будет обед?

Он повернулся, чтобы посмотреть на пейзаж, раскинувшийся перед нами. Склон здесь снижался круче, давая нам возможность увидеть долину. Вернее, часть долины, потому что горы справа ограничивали открывшееся перед нами пространство. Река исчезла, моря тоже не было видно.

— Видишь вон тот просвет среди олив? — спросил халдей.

Я посмотрел в направлении его пальца и увидел крыши нескольких домов в трех-четыре милих от нашего лагеря.

— Мы получим свежую провизию там.

— Тогда я разделю мой завтрак с птичками. — я разбросал крошки вокруг костра.

Все, кроме Пола сделали то же самое. Как солдат, он, наверное, ел вещи и похуже. Вскоре мы снова оказались под открытым небом. Мелкое русло ручья заканчивалось на вершине скалы, откуда вода низвергалась вниз стремительным потоком. В шестидесяти футах под нами шелестели волны оливковой листвы. На границе деревьев и скал, подобно оставленной прибоем пене, покачивали ветвями разнообразные деревья и кусты. Справа и слева от меня скалы, деревья и бесконечные оливковые рощи тянулись, насколько видел глаз. Оливковое море несколько редело на вершинах невысоких холмов и гуще росло вдоль берегов скрытой от глаз реки; в поверхность их серебристого пространства кое-где были вкраплены сожженные молниями дубы, островки яркой зелени, одинокие кипарисы, вонзающиеся в небо, подобно черным клинкам. Крыши городка, на которые указал маг, были единственными рукотворными элементами, напоминающими о присутствии человека.

— Это словно море, — сказал Софос, отвечая моим мыслям.

— Это и есть море, — тихо подтвердил халдей. — Море Елеонское. Оно было посажено в честь одного из старых богов, так давно, что никто не знает, какого именно. Деревья тянутся от подножия гор до побережья примерно на тридцать пять миль.

Амбиадеса интересовали более практические вещи.

— Как мы будем спускаться вниз?

Я оглянулся в поисках козьей тропы, которая обязательно должна была здесь проходить, и радостно присвистнул, обнаружив ее.

— Хорошо, что мы все выспались ночью, — сказал я. — Надеюсь, все спали, потому что перед этим спуском нам следовало бы набраться сил.

Никто не упомянул о трехчасовой вахте. Тропа начиналась в трещине, оставленной скалой, когда она оторвалась от базальтового основания и сползла вниз. На глубине восьми футов под верхней площадкой виднелся довольно широкий уступ. Я согнул колени и прыгнул, прежде чем халдей успел остановить меня. Пол прыгнул вслед за мной и приземлился так близко, что чуть не утащил нас обоих вниз. Я отдышался и позвал Софоса.

— Давай, ты следующий. Ложись на живот и спусти ноги через край.

Мы с Полом ухватили его за лодыжки и опустили вниз. Места на уступе не оставалось, и я начал следующий этап спуска, оставив Пола помогать халдею с Амбиадесом. Ни один камешек не слетел вниз, так что я не беспокоился, что получу от них сюрприз на макушку. Я двигался так быстро, как позволяли соображения безопасности. Тропа то и дело обрывалась на очередной скале, через каждые десять футов снова приходилось делать прыжок вниз футов на пять. Некоторые уступы были всего в шесть дюймов шириной, но иногда попадались более широкие углубления, высеченные кем-то в камне. Два участка спуска были настолько крутыми, что я сползал вниз на животе, хватаясь руками за трещины, чтобы замедлить падение. Скользя среди камней, я бормотал себе под нос, подражая халдею:

— «Эту дорогу редко используют. Есть пути и получше...» Конечно, есть, блин, — сказал я громко и выругался, когда моя нога соскользнула.

Я легко восстановил равновесие, но ушиб большое запястье и выругался еще раз. Я пососал место ушиба и проехал на животе оставшуюся часть пути. Дальше пришлось пробираться через обломки скал, усеявшие подножие горы. Валуны были огромные, выше моей головы, и лежали на подушке более мелких камней, которые посыпались вслед за ними, когда большие камни сорвались со скалистого склона. Добравшись до открытого пространства за пределами камнепада, я решил подождать своих спутников.

Они, похоже, не торопились. Все четверо ползли друг за другом по скалам, цепляясь за трещины и редкие кусты. Даже почти пустые мешки, висящие у них за плечами, угрожали опрокинуть их вниз. Всех, кроме Пола. Они с халдеем время от времени останавливались, чтобы бросить на меня взгляд через плечо. Я оглянулся и собрался было перейти в тень деревьев, но халдей сегодня был более любезен, чем обычно, так что я решил не портить ему хорошее настроение. День был жаркий, и капли пота струйками стекали из-под корней волос на лоб и брови.

Наконец, все благополучно спустились вниз, и мы устроились отдохнуть в тени. Под оливами было сумрачно и прохладно. Деревья были такими старыми, а их ветки и листва разрослись настолько густо, что почти не позволяли солнечным лучам достигнуть земли. Здесь не рос ни шалфей ни можжевельник, ничего, кроме жиденьких пучков травы и чахлых кустиков герани.

— Я собираюсь идти в город купить лошадей и провизию, — сказал халдей, вставая и отряхиваясь. — Мне понадобится час на дорогу и какое-то время, чтобы сделать покупки. Мы по-прежнему отстаем от графика, так что есть будем на ходу.

Он скрылся за оливковыми деревьями. Пол потянулся к своему мешку и открыл его.

— Не будем зря тратить время, — сказал он и вытащил из пришитых снаружи карманов пару деревянных мечей.

Он протянул один из них Софосу, а другой Амбиадесу, и они начали урок фехтования. Я вспомнил сцену, виденную из окна горной хижины, и должен был признать, что она не была сном.

— Брейк, — сказал Пол, и они начали тренировку, к которой уже, похоже, успели

привыкнуть.

После нескольких наклонов и растяжений их мышцы были достаточно разогреты, и Пол велел мальчикам встать напротив друг друга. Они старательно фехтовали, а я с интересом наблюдал. Безусловно, Амбиадес был более сильным фехтовальщиком, но ведь он был на четыре или пять лет старше. Софос только приступил к изучению позиций и приемов, но продемонстрировал неплохую координацию и кое-какие способности. С хорошим инструктором он мог вырасти в опасного противника. Но сейчас он был слишком мал и плохо знаком с оружием, чтобы, чтобы произвести какой-либо эффект, кроме шумового. Иногда в критические моменты он закрывал глаза. Когда Амбиадес уклонился от его удара и стукнул Софоса по голове, я поморщился.

— Ты в порядке? — забеспокоился Амбиадес, выронив меч. — Я думал, ты успеешь заблокировать меня.

Он протянул руку, чтобы потереть ушибленное место, но Пол оттолкнул его обратно на позицию.

— Он должен научиться. Попробуйте еще раз.

Он заставил Амбиадеса повторять выпад снова и снова, пока Софос учился ставить блок, добиваясь автоматической реакции. Мальчик получил еще два удара по голове, хотя Амбиадес старался бить не сильно. Он каждый раз извинялся, и я уже начал думать, что под колючей гордостью может быть скрыты качества, достойные любви. Наконец, когда Амбиадес преодолел защиту Софоса в седьмой или восьмой раз, Софос увернулся и сделал ответный выпад.

— Уже получше, — сказал Пол, вполне довольный результатом, и урок был закончен.

Задыхающиеся мальчики бросились в траву, а Пол убрал свои деревянные мечи в мешок. Я присмотрелся внимательнее, и увидел, что карманы пришиты к каждому из мешков. Это объясняло, почему они попросту не сбросили сумки вниз с обрыва перед началом спуска. Никто не хотел, чтобы его драгоценный меч упал на груду камней. Мне было отрадно узнать, что мы не пришли в чужую страну, вооруженные одним-единственным мечом Пола, но я так же спросил себя, какую пользу могли бы принести оба Никчемных, Старший и Младший, в настоящей драке.

Я так же хотел бы знать, не спрятан ли в одном из мешков пороховой пистоль. ^[6] Находясь на службе короля, Пол с халдеем имели право на ношение огнестрельного оружия, по крайней мере, в Сунисе. Оно било не так точно, как арбалет, но занимало меньше места и было удобнее в дороге.

Когда мечи были возвращены на свое место, Пол улегся на траве и вопросительно посмотрел на Софоса.

— Оценить мою слабость и силу соперника? — нерешительно спросил тот.

— А в чем твоя слабость?

— В моем росте?

— А что является силой Амбиадеса?

— Годы занятий фехтованием, — пробормотал я себе под нос, но меня никто не услышал.

Софос дал правильный ответ.

— Рост и длинные руки.

— Помни об этом.

Затем Пол мягко похвалил Амбиадеса и дал ему несколько советов. Несколько минут

они вели мужской разговор об оружии. Пол четко и внятно отвечал на вопросы Амбиадеса, и парень выглядел довольным. Он уже почти нравился мне. До прихода халдея еще оставалось достаточно времени, так что я прилег на мягкую землю под деревом и закрыл глаза. К возвращению халдея все, кроме Пола, спали.

Я проснулся, услышав стук копыт, но не пошевелился. Было так приятно лежать и смотреть на узловатые ветви и густую листву над головой. Земля под моими пальцами больше напоминала мягкий порошок. Ветер играл молодыми веточками, открывая между ними клочки неба, почти белого от полуденного зноя. Над головой жужжали мухи. Единственным звуком, перекрывающим их стрекотание, был приближающийся топот копыт.

До последней минуты мне не приходило в голову, что это может быть кто-то, кроме халдея. Я чуть не подпрыгнул на месте, но для волнения не было причин.

— Рад видеть, что хоть кто-то спохватился, хотя и поздновато, — сказал халдей, приближаясь к нам. Амбиадес с Софосом поднялись и занялись лошадьми, пока халдей разговаривал с Полом. — Думаю, мы можем спокойно ехать по дороге. Мы доберемся до Профактии уже в темноте и сможем объехать ее через рошу. Сегодня будет яркая луна, постараемся ехать как можно дальше. Мы сможем наверстать часть упущенного времени.

Пол кивнул и встал. Он помог Никчемным разложить по сумкам содержимое из привезенного халдеем мешка. Потом мы все поднялись в седла и медленно поехали между деревьев, жуя на ходу свежий хлеб, сыр и оливки. Иногда приходилось низко наклоняться к лошадиным шеям, потому что они выбирали дорогу под низко нависающими ветвями, не заботясь об удобстве всадников. Ослы были бы не так утомительны. Однако, я перестал сожалеть об ослах, как только мы выехали к дороге. Дальше мы уже ехали быстро.

Я все еще был голоден, но есть на ходу не мог. Было слишком утомительно подпрыгивать в седле в такт движению лошади и жевать пищу. Я скакал по дороге между Полом и Амбиадесом, пока не вошел в ритм и не перестал нервничать.

Халдей предупредил Софоса с Амбиадесом держать язык за зубами, когда в пределах слышимости появятся другие путники, потому что их акцент безошибочно указывал на них, как на представителей сунийской аристократии.

— А ты, Ген, можешь не беспокоиться, — снова поддразнил он меня.

— В самом деле?

— Аттолийская шваль практически неотличима от сунийской, — сказал он, и я засмеялся вместе со всеми.

Я гордился своим жаргоном, который к тому же оказался универсальным языком.

Когда мы остались на дороге одни и перешли на шаг, чтобы дать лошадям отдохнуть, Софос спросил, что случится, если кто-нибудь догадается, что мы не из Аттолии.

— Ничего, — пожал плечами халдей. — Купцы по-прежнему ведут здесь свою торговлю. Товарообмен будет продолжаться вплоть до открытой войны, но может не остановиться даже тогда.

— А если они узнают, для чего мы здесь? — спросил я.

Прежде чем ответить, халдей бросил на меня острый взгляд.

— Тогда нас, наверное, арестуют и отведут к королеве.

Я понял, что он предоставил нам самим догадываться о последствиях.

— И что она сделает? — я всегда был против недомолвок.

— Прикажет обезглавить нас всех. Публично.

Я вздрогнул и почесал шею. Амбиадес слегка позеленел. Всю оставшуюся часть дня он

был обидчив и неприятен в общении.

* * *

Когда мы подошли к Профактии, уже смеркалось и количество путников на дороге увеличилось. Мы сбавили скорость и, выждав, когда в поле зрения не будет ни одного человека, скрылись в придорожный кустах. Пришлось подождать еще немного, пока Пол с халдеем не пришли к мнению, что все сборщики оливок покинули свои рощи. Далее мы спокойно ехали среди оливковых деревьев, не видя города, так что я остался немного разочарован. Ночью, никем не замеченные, мы вернулись на дорогу. Луна всю серебрила верхушки олив. Ночной воздух был довольно прохладен, так что все мы вытащили плащи из седельных сумок. Мы держались в тени деревьев, как грабители, и ехали, пока я не начал дремать в седле. Луна уже приблизилась к горизонту, когда халдей наконец повернул лошадь вглубь рощи и велел искать место для лагеря. Мы съели наш ужин холодным и заснули без огня.

Пол разбудил всю кампанию перед рассветом, и халдей повел нас дальше в лес, время от времени сверяясь с компасом в кожаном мешочке. Через час или два после того, как воздух начал теплеть, мы остановились позавтракать на маленькой полянке, где несколько старых оливковых деревьев засохли, а новые не были высажены. На завтрак были неизменные хлеб и сыр, но Пол вскипятил воду над маленьким костерком и сварил кофе, заправив его щедрой порцией сахара. — Надо взбодриться, — сказал он.

Из-под корней старого дерева бил небольшой родник, и халдей предложил помыться перед дорогой. Софос и Пол быстро сбросили одежду и начали плескаться в холодной мелкой воде. После недолгих колебаний я присоединился к ним. Мне бы не хотелось, чтобы они сочли меня большим любителем мытья, но прохладная вода освежала и снимала усталость. На берегу остался сидеть один Амбиадес, завернутый в плащ, а маленький стаканчик с кофе остывал перед ним на камне. Все утро он был молчалив, и я вспомнил, что предыдущий вечер так же прошел без насмешек надо мной и Софосом. Он размышлял явно не об утреннем купании, и мне даже стало интересно, какая неприятная мысль пришла ему на ум, когда он вскочил с места, как испуганный кот. Халдей плеснул на него горсть воды.

— Иди мыться, — сказал он.

Амбиадес поднялся и бросил свой плащ рядом с другими на берегу ручья. Рядом с плащом Софоса он представлял собой довольно печальное зрелище. Все остальные плащи были хорошо сшиты, но без всяких модных ухищрений. Мне, вероятно, достался один из старых плащей халдея, у Пола был простой плащ военного покроя, зато Софос щеголял в портновском шедевре из дорогой шерсти с шелковой бахромой по низу. Рядом с ним узкий плащ Амбиадеса просто кричал о бедности, он был выношенным и давно вышедшим из моды, не говоря уже о цепочке дырочек, проеденных молью от ворота до подола за время небрежного хранения.

Зайдя в воду по щиколотку, Амбиадес обернулся на халдея и Софоса, которые уже вышли на берег и сворачивали свои плащи. Его глаза сузились, а волосы на затылке начали приподниматься, как у собаки. Я и раньше наблюдал зависть на людских лицах и знал, что сейчас мне лучше удержаться от замечаний вслух. Амбиадес поймал мой взгляд, и зависть сменилась праведным презрением. Без сомнения, с его точки зрения я был самым

никчемным существом во вселенной.

— На что ты уставился, плебей, — прорычал он.

— На господские обноски, — я изящно поклонился и скосил глаза на его жалкий плащ.

Мгновение спустя я лежал на спине в холодной воде ручья, в глаза мне светило яркое солнце, а в ушах стоял громкий звон. Амбиадес стоял надо мной и что-то кричал о своем деде, кажется, он тоже был когда-то князем. Не многовато ли князей для такой тесной компании? Он пнул меня еще раз, но Пол положил руку ему на плечо и вытащил на берег.

Теперь между мной и солнцем возник силуэт халдея.

— Немного осмотрительности не помешает, Ген, тем более в твоем положении, — сказал он. — Извинения тоже будут вполне уместны.

Мое положение было не самым удобным, с этим я готов был согласиться, но его легко было изменить. Я подтянул колени к подбородку и вскочил на ноги.

— Извиниться? — спросил я. — За что?

Я отошел в сторону, ощупывая распухшую губу и слизывая кровь с уголка рта. Немного задержавшись у раскрытого седельного мешка, и вытащив оттуда гребень, я уселся на ствол мертвой оливы, чтобы расчесать свалявшиеся волосы и изгнать с головы кое-каких оставшихся тюремных вшей. Пол убирал в сумку свой кофейник, а Софос с Амбиадесом седлали лошадей.

Халдей стоял и смотрел на меня. Через некоторое время он открыл рот, и я ожидал, что он предложит мне постричься, но он резко спросил:

— Где ты взял эту расческу?

Я в недоумении посмотрел на гребень в моей руке. Он был красивый и, вероятно, дорогой: сделанный из панциря черепахи, с несколькими сломанными зубцами, но зато с инкрустированной золотом спинкой.

— Наверно, это принадлежит Амбиадесу, — сказал я наконец. — Я взял его из мешка.

Амбиадес повернулся так быстро, что лошадь, которую он седлал, испугано присела. Он оставил ее, перебросив уздечку через голову, пересек поляну и вырвал гребешок из моих рук. Его кулак просвистел около моего лица, но на этот раз я был готов и успел уклониться, так что он ударил меня в плечо. Тем не менее, он свалил меня с места, где я сидел, и я приземлился на бок в грязь по другую сторону ствола. Приземлился я вполне благополучно, но решил вскрикнуть, давая понять, что повредил руку.

Уже второй раз за утро халдей стоял надо мной с обеспокоенным видом.

— Ты упал на руку? — спросил он, наклоняясь.

— Нет, он ударил меня, — ответил я. — Сломал мне руку, гад такой.

Конечно, это была гнусная ложь, и когда халдей заметил это, он поглядел на меня с нескрываемым отвращением. Он достаточно громко, чтобы слышали все вокруг, объяснил Амбиадесу, что если бы я вывихнул запястье, то стал бы совершенно непригоден для использования.

— Думаю, я ясно дал это тебе понять минуту назад.

Его слова сопровождались равномерными ударами перстнем по голове малолетнего преступника. Некоторое время я лежа слушал визг Амбиадеса и с возмущением размышлял, как неприятно, когда к тебе относятся словно к инструменту, пусть даже ценному и дорогому.

После воспитательной лекции халдей оставил Амбиадеса седлать лошадь и пошел упаковать в сумку свой бритвенный прибор. Несколько раз я видел, как он с недоумением

поглядывал на своего ученика. Если он рассчитывал вбить разум в его голову своим перстнем, то сильно ошибался. Амбиадес отвечал учителю ядовитыми взглядами исподтишка.

Софос закончил седлать коня и одолжил мне свой гребень. Я развеселился и сказал мальчику, что он слишком добр, чтобы стать князем. Он залился румянцем и пожал плечами.

— Я знаю, — сказал он.

— Так же, как и его отец, — прошипел Амбиадес, проезжая мимо и наклоняясь к нам с седла.

В общем, утро не задалось. Амбиадес дулся и молчал, Софос, сгорбившись, ехал рядом со мной и пытался игнорировать повисшую в воздухе напряженность.

Наконец я пробормотал:

— С вами не соскучишься. Каждый день узнаю что-то новенькое.

— Что ты узнал? — спросил Софос.

— Что держать рот на замке бывает очень полезно.

— Ты хотел сказать, не надо было хвастаться в таверне, что собираешься украсть царскую печать?

— Это не совсем то, что я думал, — сказал я, — Но теперь ты можешь держать пари, что я не повторю такой ошибки. Скажи, если у Амбиадеса такой высокородный дед, почему он ходит в обносках с чужого плеча?

Софос убедился, что Амбиадес едет впереди халдея и не слышит нас.

— Его дед был князем Эвменом.

Я на минуту задумался.

— Заговор Эвмена?

Теперь все встало на свои места. Простые люди не говорили вслух о заговоре Эвмена.

— После того, как он попытался вернуть олигархию и был казнен, его семья лишилась своих земель и титулов. Наверное, отец Амбиадеса унаследовал кое-какие деньги, но большую часть из них проиграл в карты. Когда прошлой зимой Амбиадес написал отцу, что ему нужен новый плащ, тот прислал ему один из своих старых.

— Ах, — сказал я. — Бедняжка Амбиадес. — Софос осторожно покосился на меня. — Как ему, наверное, нелегко задирать свой аристократический нос перед грязными плебеями, когда он сам ничем от них не отличается. Бьюсь об заклад, он каждое утро просыпается с мыслью об утраченном богатстве.

* * *

Мы держались в стороне от большаков. Хотя мы не раз пересекали тропинки и проселочные дороги, халдей тщательно выбирал путь между деревьями и ехал довольно медленно. Время от времени он сверялся с компасом, проверяя, не сбились ли мы с заданного направления.

На ночлег мы остановились ранним вечером. Лунный свет не проникал сквозь густую листву, город был достаточно далеко, так что халдей разрешил развести костер, и Пол приготовил рагу из нескольких лоскутов вяленого мяса. Ели мы молча сидя у костра. После ужина тишина стала просто невыносимой. Наконец халдей решил заговорить первым.

— Если Ген считает себя вправе пересказывать свободную версию старой легенды, то, пожалуй, я тоже могу себе это позволить, — сказал он и начал рассказывать Софосу очередную историю о древних богах.

Евгенидес и молнии Урана

После примирения с супругом Гея отдала Гефестии свою силу сотрясать землю. Уран обещал отдать дочери молнии, но тянул с исполнением обещания. Он все время находил новые оправдания: то он отдал молнии в чистку, то одолжил другу, то забыл на берегу ручья, когда был на охоте. Наконец Гефестия пришла к матери и спросила, что ей делать, а Гея позвала Евгенидеса.

Гея обещала мужу, что не будет давать своему сыну других даров, кроме тех, которыми она одарили всех людей. Поэтому она велела Евгенидесу использовать свой ум, если он хочет получить новые дары богов. Ум был подарком богини всем людям, хотя мало кто умел им пользоваться по-настоящему.

Гея рассказала Евгенидесу, что Уран иногда ходит налево и навещает одну наяду горного озера. Ложась с ней на травку, он кладет молнии рядом.

Сначала Евгенидес пошел к своей матери и попросил одеяло из кротовьих шкурок, которым его укрывали в детстве. Он отнес одеяло портному Олкименосу и попросил сшить из него рубашку и штаны. Потом Евгенидес пошел в лес и попросил у каждой цапли по одному перу. Он отнес перья ткачихе Олмии и попросил сделать ему шапку. Ткачиха выполнила его просьбу.

Евгенидес поднялся к горному озеру и тихо сидел под деревьями, ожидая прибытия Урана. Когда вечером Уран пришел к наяде, он снял с плеча колчан с молниями и положил их на берегу. Когда все вокруг стихло, Евгенидес тихо-тихо пополз через кусты, но наяда услышала его. Она спросила:

— Кто шумит там в кустах?

Уран оглянулся, увидел край рубахи Евгенидеса и сказал:

— Это какой-то ночной зверек вышел на охоту.

Евгенидес стал передвигаться еще тише, но наяда снова услышала его и сказала:

— Опять в кустах кто-то ходит.

Уран тоже посмотрел, но не очень внимательно, увидел перья на шапке Евгенидеса и ответил:

— Это цапля устраивается на ночлег.

Евгенидес пошел совсем тихо, и ни наяда ни Уран не услышали, как он стянул молнии и побежал с ними на вершину горы.

Уже стемнело, когда Уран пошел за своими молниями, но нашел колчан пустым. Сначала он подумал, что потерял молнии, и осмотрел все горные вершины, но их не было, и он понял, что молнии украдены.

Потом он увидел, как Евгенидес идет к лесу от подножия горы, остановил его и потребовал вернуть молнии обратно. Евгенидес сказал, что у него ничего нет, Уран сам может убедиться в этом. Он даже поднял руки и вывернул карманы.

— Тогда скажи мне, куда ты их спрятал, — потребовал Уран, но Евгенидес

молчал.

— Я разотру тебя в порошок, — пригрозил Уран, но Евгенидес по-прежнему отказывался отвечать.

Он знал, что Уран не может навредить ему, не нарушая обещания, данного Гее. Уран продолжал угрожать, Евгенидес дрожал и плакал, но отказывался отвечать, пока Уран Громовержец не выполнит его просьбу. Наконец Уран сдался, и Евгенидес попросил воды из источника бессмертия. Уран опять начал бушевать, но Евгенидес стоял на своем, потому что Гея в полной мере наделила людей храбростью.

Тогда Уран пошел к роднику и принес полную чашу, но, прежде чем дать ее Евгенидису, добавил в нее сок полыни. Евгенидес рассказал Урану, где он оставил молнии:

— Иди в тронный зал моей сестры, откуда она управляет младшими богами, и ты увидишь их там.

Тогда он выпил воду с полынным соком, и его губы искривились от горечи.

— Полынный сок не повредит тебе, — сказал Уран. — Но он сделает твою жизнь такой же горькой, как выпитая вода. — и ушел.

Уран пришел в большой зал, где Гефестия сидела на своем высоком троне, и увидел, что молнии лежат у нее на коленях. Она поблагодарила своего отца за то, что он выполнил обещание, и Уран ничего не смог возразить. Вот так Уран подарил Евгенидесу бессмертие, а Гефестии золотые молнии. Получив силу небесного огня и подземной бури, она стала главой всех богов, за исключением Урана и Геи.

* * *

— Спасибо, — сказал я, когда халдей закончил рассказ.

— За что спасибо, Ген?

Кажется, он был польщен.

Глава 7

Наше короткое перемирие с халдеем продлилось только до следующего утра, когда Пол обнаружил, что в одном из мешков не хватает большей части провизии. Он подозвал халдея, и они тихо говорили между собой, бросая короткие взгляды в мою сторону. Халдей заглянул в мешок и выругался. Он что-то пробормотал Полу, затем они оба пересекли поляну и остановились передо мной. Халдей держал в правой руке конскую уздечку. С опаской глядя на них, я поднялся на ноги.

— Надеюсь, ты хорошо поужинал? — спросил халдей.

— Не в последние дни, — ответил я, прежде чем сообразил, что другой ответ был бы правильнее.

— Держи его. — халдей поднял уздечку.

Когда Пол схватил меня за руку, я рванулся прочь, но было поздно. Я поджал ноги и попытался перевесить его, но в конечном итоге ему удалось зажать мою голову у себя под мышкой. Я схватил его за колено и попытался опрокинуть, мы оба упали на землю, только он приземлился на меня. Он ловко перекатился на бок, и пока своим весом вжимал мою голову в пыль, халдей хлестал меня по спине и плечам уздечкой.

Я выкрикивал проклятия — не помню какие — и требовал объяснить, за что меня наказывают, но Пол не отпускал меня. Он только сильнее вжимал меня в землю, пока я не обессилел и не мог больше кричать. Халдей ударил меня еще несколько раз, а потом остановился.

Когда Пол освободил меня, я схватил его за рубашку, чтобы подняться на ноги. Он помог. Не успев выпрямиться я изо всех сил ударил его под грудину и направился к халдею. За всю свою жизнь я еще не ощущал такой злости. Даже в царской тюрьме меня не подвергали подобным унижениям. Если бы Пол не схватил меня за руку и не дернул назад, а потом не встал бы, все еще задыхаясь, между мной и халдеем, не знаю, что могло бы произойти.

Халдей быстро взглянул мне в лицо и отступил назад. Я не слышал ничего, кроме сиплого дыхания Пола, и некоторое время мы с халдеем смотрели друг на друга. На языке вертелось множество слов, которые я хотел бы выкрикнуть ему в лицо, но я не мог произнести ни одного. Наверное, это было не так уж плохо. Мое молчание произвело достаточное впечатление. Как он смел со мной так поступить? Как он смел?

Наконец, я плюнул ему в лицо. Он проворно отскочил назад, а я отвернулся. Я подошел к моему одеялу, упал на него лицом вниз и закрыл голову руками. Я вытер лицо полрой шерстяного плаща, и больше не двигался, пока Пол готовил завтрак, и вся компания ела и собиралась в дорогу.

Пол подошел и легко коснулся моего локтя.

— Вставай, — сказал он очень тихо.

Он не попытался помочь мне, и, поднявшись, я заметил, что он держится на расстоянии вытянутой руки и, внимательно наблюдая за мной, удерживает свой вес на носках. Софос

держал мою лошадь. Он подвел ее к пню, чтобы я мог воспользоваться им, как скамейкой, но я не обратил внимания на его заботу и выхватил уздечку из его рук. Софос подошел к лошади, чтобы поддержать мне стремя, но я снова проигнорировал его и успешно справился сам.

Поставив ногу в стремя, я запрыгнул на конскую спину, а затем так резко хлопнул концом уздечки лошадь по боку, что она удивленно оглянулась.

Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Я чувствовал, что мои брови сведены вместе, а зубы сжаты так плотно, что ноют мышцы челюсти. Я вздохнул еще раз и напомнил себе, что злюсь совсем не на лошадь.

Ничто, кроме моих собственных амбиций, не удерживало меня рядом с халдеем. Я мог бы легко избавиться от его общества, если бы пожелал. Ни награда, объявленная царем за мою голову, ни бдительность Пола не смогли бы меня остановить, но я так хотел сам стать Царским Вором. Я мечтал стать первым смертным, который за многие сотни лет смог украсть Дар Хамиатеса. Я жаждал славы. Вот только я не могу украсть этот проклятый Дар, не зная, где он находится, и только халдей мог найти его для меня.

Я решил остаться с ним, пока он не приведет меня к камню, но пообещал себе, что когда-нибудь проткну ножом его высокомерие, как бычий пузырь. Ему это только пойдет на пользу.

* * *

Пол с халдеем уселись на своих лошадях.

— Наверное, нам лучше поехать на запад, чтобы найти какую-нибудь деревню? Думаешь, это лучший вариант? — спросил халдей Пола.

Пол кивнул. Халдей сунул карту, которую он держал в руках, в седельную сумку.

— Тогда вперед, — сказал он и снова повел нас сквозь деревья.

Мой конь, как обычно, следовал за ним. Пока мы ехали, я размышлял о результатах моей гневной вспышки. Я был так зол, что напугал халдея, даже Пола. Это было новым ощущением, и я наслаждался им на протяжении всего утра. Я также был доволен, что успел прикусить язык. Учитывая некоторые неприятные эпизоды моего прошлого, умение не наговорить лишнего должно было благотворно повлиять на мою жизнь.

— Ты в порядке? — прошептал Софос рядом со мной.

Я посмотрел на него из-под нахмуренных бровей.

— Да уж, — сказал я.

Я действительно был в порядке. Лошадиная уздечка была не настолько тяжела, чтобы нанести мне серьезные повреждения. Одежда халдея оказалась достаточно плотной, чтобы защитить кожу от ссадин. Спина, конечно, болела, но ближе к ночи жжение должно было пройти, так что независимо от того, сколько нам еще предстояло пройти, я был в состоянии сделать свою работу. Халдей ни за что не попытался бы снизить мою полезность.

* * *

Мы выехали к мелкой речке, окаймленной кустарником, и двигались вверх по течению,

пока не выбрались к островку среди моря оливковых рощ, где были посажены ячмень и какие-то овощи. Халдей повернул коня и повел нас обратно под прикрытие деревьев.

— Где-то рядом должна быть деревня. Мы с Полом поедem закупить продуктов на дорогу. Амбиадес, остаешься за старшего. И ради всего святого, не спусках глаз с вора.

Он ни разу не посмотрел на меня, но Амбиадес бросил в мою сторону презрительный взгляд. Я заметил, что перестал быть «Геном», и стал глупым животным, вроде козы, склонным к побегу от хозяев. Халдей с Полом оставили своих лошадей и сумки и пошли по тропинке, которая, вероятно, вела вдоль реки в деревню.

В мешках оставалась еще кое-какая пища, и они велели нам пообедать. Софос открыл сумку, вынул хлеб и пару кусков теплого осклизлого сыра и передал их по кругу. Он дал мне каравай хлеба, чтобы разделить на всех, но я отломил себе большую часть, а потом передал остатки Амбиадесу. Тот запротестовал.

— У меня вообще ничего не было на завтрак, блин! — зарычал я, и он попятился.

Очевидно, мой гнев все еще действовал на неискушенных зрителей. Он не собирался вспоминать причину, по которой я пропустил завтрак. После того, как мы съели хлеб с сыром и прожевали несколько лоскутов вяленого мяса, Софос скорбно заявил:

— Я еще не наелся.

Я молча скрестил руки на груди. Это были их проблемы.

— Мы могли бы наловить рыбы, — заметил Амбиадес. — У Пола есть леска и крючки.

Софос посмотрел на меня.

— Я вам помогать не собираюсь, — сообщил я.

— Мы не ждем, что от тебя будет хоть какая-то польза, Ген. Но держу пари, ты не откажешься от рыбы, которую мы поймаем, — сказал Амбиадес.

— Я могу пойти за рыбой, а ты посторожишь его, — предложил Софос.

Вот как, Софос тоже поставил меня на одну ступень с неблагодарной скотиной.

— Ты никудышный рыбак. Только порвешь леску и потеряешь приманку.

— Тогда я буду сторожить, а ты иди ловить рыбу.

Амбиадес фыркнул.

— Ты сможешь остановить его, если он встанет и уйдет? Нет. Лучше мы его свяжем.

— Вы не посмеете, — сказал я.

— Чем? — Софос не обратил на меня внимания.

— Там у халдея в мешке моток веревки. Принеси его.

Софос отправился к мешку, а я продолжал протестовать.

— Вы не можете связывать меня. Халдей велел только следить за мной. И он не разрешал вам идти на рыбалку.

— Заткнись, — сказал Амбиадес. — Это из-за тебя нам нечего есть.

— Нет, — возразил я. — Нельзя меня связывать.

Я сидел на земле, скрестив ноги, и откатился, когда Амбиадес склонился надо мной с веревкой. Он бросился на меня сверху, больно ударив по израненным плечам, и я вскрикнул. Он накинул веревочную петлю мне на руку, и туго затянул ее на тонкой розовой кожице запястья, где рана почти зажила.

— Нет, — снова крикнул я.

Я схватил веревку, чтобы она не ободрала мне кожу и пытался сбросить петлю, но грубые волокна впивались в незащитную плоть. Амбиадес дернул веревку, вырывая ее у меня и туго затянул петлю.

— Сиди спокойно, или я завяжу еще туже, — предупредил он, и я сдался.

Я сидел неподвижно, пока они связывали мне запястья и лодыжки, только жаловался.

— Проверь, хорошо ли затянул, — приказал Амбиадес Софосу, который работал над моими лодыжками.

— Слишком туго, — сказал я. — Ты завязал слишком туго.

— Заткнись, — ответил Амбиадес.

— Ты уверен, что это не слишком туго? — спросил Софос.

— Конечно, уверен. Ты закончил с ногами?

— Амбиадес, — я сделал последнюю попытку убедить их, — Ты завязал слишком туго.

Я уже не чувствую пальцев. Ослабь веревку.

— Может, развязать, Амбиадес?

— Не будь дураком, Софос, он врет. Посмотри, с руками все в порядке.

— Нет, не в порядке! Смотри. — я поднес запястья к носу Софоса.

Розовая кожа вокруг веревки уже вспухла, но он смотрел на мои пальцы.

— Они не синие.

— Скоро посинеют.

— Не посинеют. Ну, Софос.

Амбиадес достал снасти из мешка Пола и потащил Софоса прочь. Я хотел крикнуть, чтобы они вернулись, но боялся, что мы находимся слишком близко к деревне, и меня могут услышать. Какой-нибудь любопытный крестьянин мог запереть нас в подвале и вызвать царских гвардейцев. Мне совсем не хотелось идти на плаху, а веревки были затянуты не настолько туго, чтобы я не мог потерпеть некоторое время. Я надеялся, что в любой момент вернется халдей или Пол, а пока сидел и наблюдал, как медленно синеют мои пальцы.

Амбиадес с Софосом вернулись только когда увидели пробирающегося вдоль берега Пола. Они нашли меня лежащим на боку; я старался дышать спокойно и пытался усилием воли заставить кровь пробиться под узлами и складками опухшей кожи к онемевшим пальцам.

— О, нет, — сказал Софос.

— Черт вас побери, — прошипел я, — снимите веревки. Осторожнее!

Амбиадес начал дергать узлы, боль была пронзительной. Он дернул не за тот конец веревки и затянул узел еще туже.

— Стой, — сказал я. — Оставь веревку. Ты можешь просто разрезать ее. — но он не слушал меня. Ему удалось ослабить одну петлю, и он тянул ее с моего кулака, обдирая кожу суставов. — Ты меня покалечишь!

Я заорал так, что Пол пулей вылетел на поляну. Он оттолкнул Амбиадеса в сторону и посмотрел на мои руки, а потом на рыбу, забытую в пыли.

— Вы оба, идите наловите еще.

После пары неуверенных шагов Софос повернулся за Амбиадесом и скрылся в кустах у реки. Когда они исчезли, Пол начал осторожно распутывать веревку. Я решил не хныкать. Лежал спокойно, пока он перерезал веревки, и только тихо зашипел, когда он снял ее вместе с лоскутом кожи. Пол начал растирать мои скрюченные пальцы.

— Не надо, — сказал я.

— Надо разогнать кровь. Сожми их.

— Я сделаю, — пообещал я. — Сам.

Через некоторое время он кивнул.

— Где халдей? — спросил я.

— Он послал меня вперед с частью провизии. Нам повезло. — Пол посмотрел через плечо на реку. — Он не должен узнать об этом.

— Узнает обязательно, — пообещал я.

Мне очень хотелось посмотреть, как с Амбиадеса спустят шкуру.

— Нет, — сказал Пол. — Не узнает. Он пересел поближе и посмотрел мне в глаза. — Халдей поставил на кон свою репутацию и жизнь, чтобы найти этот дурацкий камень, и он убьет любого, кто попытается ему помешать. Но этим человеком не должен стать, — он покачал пальцем перед моим носом, — Софос. — Да, похоже не было никакой возможности привлечь Амбиадеса к ответу, не втягивая Софоса. — Его отец послал меня охранять его сына в поездке, и он не должен узнать, что происходит, когда расстраиваются планы такого человека, как халдей. — это была самая длинная речь, произнесенная Полем с первого дня экспедиции. Он завернул руку в ткань моей рубашки и приблизил свое лицо к моему. — Моя задача уберечь его от неприятностей. Мне не важно, добудем ли мы камешек из сказки, понимаешь?

Я энергично кивнул головой, а потом для убедительности кивнул еще пару раз. Да, я все понимал. И нет, халдею вовсе не обязательно знать наш маленький секрет. В конце концов, подумал я, к Софосу у меня претензий нет, а мою маленькую проблему с Амбиадесом я смогу решить самостоятельно.

Пол подошел к своей сумке и вытащил аптечку, принес бинты и мазь для моих воспаленных рук, а так же маленький мешочек сушеных ягод.

— Съешь две, — сказал он. — Они помогут снять боль. Мы скажем халдею, что одна рана снова воспалилась.

— Как долго еще нам ехать, Пол?

— Куда?

— Туда, куда мы едем.

— Откуда мне знать?

— Но ведь ты видел, сколько еды купил халдей.

Он задумался на секунду.

— Еще два дня.

* * *

Халдей вернулся с остальной частью провизии и принял историю Пола о моих ранах без вопросов. Казалось, он был обеспокоен только тем, сохранят ли мои руки работоспособность, но Пол успокоил его. Амбиадес посмотрел презрительно, но Софос явно вздохнул с облегчением.

Когда мы снова ехали через оливковую рощу, он направил свою лошадь ближе ко мне и очень вежливо извинился. Я не знаю, что произошло между ним и Амбиадесом у реки, но тот явно потерял свое место на пьедестале. Я думаю, у него оставалась возможность взгромоздиться туда снова, но не в ближайшее время. Пока Амбиадес держался около халдея, Софос ехал рядом с Полем, а временами рядом со мной.

Я спросил, откуда у него такой щегольской плащ, и он покраснел.

— Его купила мне мама, когда узнала, что я поеду в город к новому учителю.

— К халдею?

— Да.

— А где ты жил раньше?

— В одном из поместий отца. На реке Этос. Там было хорошо.

— Но?

— Приехал отец, и выяснилось, что я не умею фехтовать и ездить верхом, и еще я не люблю ездить на охоту. Я любил читать. — Софос закатил глаза. — Он выкинул за ворота моего учителя фехтования и верховой езды. Потом он приказал Полу научить меня ездить верхом и драться и забрал меня в город, где он мог присматривать за мной.

— Значит, Пол человек твоего отца?

Я оглянулся через плечо и на мгновение встретился глазами с Полом, прежде чем повернуться к Софосу.

— Он капитан гвардии моего отца.

Я беззвучно свистнул. Этот человек очень дорожил своим сыном, раз назначил целого капитана давать ему уроки верховой езды, а потом решил обойтись вообще без начальника гвардии, чтобы тот мог поработать телохранителем мальчика.

* * *

По мере продвижения вперед оливковые рощи видоизменялись. Среди густо растущих деревьев стали появляться просветы, оросительные каналы с заросшими сорняками и устланными слоем ила берегами больше не встречались. Все чаще попадались засохшие дубы, и скоро мы уже ехали среди диких деревьев, заглушающих плодовые.

— Неужели никто не собирает эти оливки? — спросил Софос, указывая на землю, усеянную сгнившими ягодами.

Халдей услышал его.

— Уже нет, — сказал он через плечо. — После чумы в Аттолии не хватает людей, чтобы ухаживать за всеми этими деревьями. Наверное, эта часть Елеонского моря когда-то обрабатывалась жителями той деревни, где мы купили провизию, но сейчас там живет всего пять-шесть семей, и они успевают работать только в ближних рощах.

Я знал о чуме, опустошившей все царства за тридцать лет до моего рождения. Она прибыла на торговых судах с той стороны Срединного моря, распространилась по долинам и убивала людей целыми семьями. В городских тавернах рассказывали, что в Сунисе она убила больше половины населения. Морская торговля остановилась, урожай гнил в поле, а Эддис закрыл перевалы, чтобы не пустить болезнь в горы. Мой дед, который был в те времена молодым человеком, рассказывал, что даже воры боялись прикоснуться к имуществу мертвых из страха заразиться. Все, все сжигали в огне.

— А в Сунисе остались такие места, где не хватает людей для обработки земли?

— Не так много, — ответил халдей. — Сунис всегда был меньше Аттолии, так что у нас уже опять образовался переизбыток населения. Кое-где, конечно, остались заброшенные фермы вроде той, где мы останавливались перед подъемом в горы. Единственный выживший член той семьи покинул ферму, чтобы получить образование.

— Откуда вы знаете? — спросил Софос, всегда умудрявшийся не заметить очевидного.

— Это был я. — халдей посмотрел на меня. Наши лошади, и так медленно шагавшие

между деревьями, остановились, и моя опустила голову, чтобы ущипнуть кустик молодой зелени. — Это удивительно, Ген, но наверное ты думаешь о чем-то любопытном, и мне интересно знать, о чем именно.

Я думал о моих многочисленных родственниках, большинство которых всегда считал тяжким бременем, но, как ни странно, я скучал по ним в царской тюрьме. Лучше пусть их будет много, чем ни одного. Думаю, я впервые испытал доброе чувство к моим двоюродным братьям и сестрам. Я сказал халдею:

— У меня избыток родни, и я думаю, что мне повезло больше, чем вам.

— Так оно и есть.

Он подтолкнул своего коня. Через некоторое время Софос опять заговорил. Он не умел молчать долго.

— Если в деревне не хватает людей, почему они не приходят из других мест?

— Из каких, например? — спросил халдей.

— Из других областей Аттолии, может быть? — нерешительно предложил Софос.

— Они же умерли, дуралей, — ответил Амбиадес, и халдей поморщился.

— Чума опустошила всю страну, — пояснил он более мягко. — Не хватает людей повсюду. Даже в городах.

— Они могли бы прийти из Суниса.

— Да. Могли бы.

Очевидно, что именно это и планировал царь Суниса.

— Это называлось бы вторжением и оккупацией, — сказал я.

— Ну и что? — Амбиадес был настроен воинственно.

— Думаю, аттолийцы будут сопротивляться.

— Но ведь они не используют свою землю, Ген, — запротестовал Софос.

В ответ я поинтересовался, что бы он чувствовал, если бы аттолийцы решили отнять землю у его народа.

— Конечно, мы защищались бы, — сказал он.

— Это не имеет значения, — отрезал халдей.

— Ни для кого, кроме аттолийцев, — сообщил я своей лошади.

* * *

К концу дня мы достигли края Елеонского моря и выехали к широкому, заросшему травой, тракту. Когда дорога свернула на юг, халдей снова повел нас между деревьями. Через четверть мили лес обрывался, словно боги провели черту от скалы, возвышавшейся слева от нас к реке и дальше к невидимой нам точке справа. Горы казались пурпурными на фоне голубого вечернего неба. Они так долго были скрыты за деревьями, что я обрадовался, увидев их снова.

Перед нами не было видно ни дерева, ни кустика. Вся земля была изрыта каменистыми бороздами и засыпана горами щебня. Заходящее солнце расчертило серую землю черными тенями.

— Что здесь случилось? — спросил Софос.

— Это антиутопия, — сказал халдей. — Мы остановимся здесь на ночлег.

Пока Пол готовил ужин, халдей объяснил, что антиутопия являлась остатками потоков

кипящего камня, излившихся из Священной горы тысячи лет назад. Земля здесь была богата полезными минералами, но слишком тверда, чтобы позволить растениям укорениться в ней. Очень трудно было пересечь ее и совсем невозможно построить дорогу. Наверное, это было самое пустынное место во всем мире.

— Конечно, на этот счет тоже существует легенда, — заметил халдей, зевая и проводя ладонью по волосам, — Но я слишком устал даже слушать то, что может рассказать Ген. Так что я просто скажу, что Евгенидес пытался попользоваться молниями, украденными у Урана, и спалил в страшном пожаре всю эту землю.

— Он убил своего брата, — сказал я, уже лежа на мое одеяле.

— Хм? Как это случилось, Ген?

— Его родители, не богиня, а смертные отец и мать наконец смогли родить детей, и при пожаре случайно погиб брат Евгенидеса. Его самого тогда спас Хамиатес и получил за это Дар от Гефестии, которая очень любила своего брата.

— Так что теперь мы знаем все, — кисло сказал Амбиадес из-под одеяла, после чего мы заснули без дальнейших разговоров.

* * *

В ту ночь мне приснился странный сон с мраморным храмом и женщиной в белом платье; я проснулся и увидел, что луна уже садится за линией оливковых деревьев. Сон не возвращался, и я сел на своем одеяле. Пол дежурил у костра. Если бы на его месте был халдей, он приказал бы мне снова лечь. Софос захотел бы поболтать, но Пол просто молча посмотрел на меня сквозь языки пламени и не сказал ни слова.

Я встал и прошелся взад и вперед, потом сделал несколько упражнений на растяжку, чтобы расслабить мышцы спины. После побоев халдея еще чувствовались укусы боли, но меня беспокоили только запястья. Я тихо обругал Амбиадеса, подошел к огню и сел на корточки рядом с Полом.

— Те ягоды, что ты мне дал...

— Оссил?

— У тебя еще есть?

Он повернулся к своей сумке и достал аптечку. В ней находился кожаный мешочек с ягодами. Он высыпал горстку на ладонь, а потом протянул мне.

— Не больше двух за раз, — напомнил он мне.

— Спаси тебя богиня, — машинально поблагодарил я и высыпал ягоды в рот.

Я продолжал сгибать руки и ноги, лежа на одеяле, пока не почувствовал, что засыпаю.

* * *

На следующее утро халдей опять решил сделать небольшую вылазку и оставил нас с Софосом и Амбиадесом одних. Ему показалось, что он видел ночью огонь между деревьями, и хотел убедиться, что никто не заметит нас, когда мы будем пробираться через антиутопию. Они с Полом вдвоем отправились в разведку.

Перед уходом Пол вручил Софосу и Амбиадесу деревянные мечи и велел

попрактиковаться, и чтоб без фокусов. Амбиадес сделал вид, что не понял, но Софос серьезно кивнул головой. Они оба занимались разогревом мускулов, когда халдей с Полом исчезли из поля зрения.

Как только они ушли, Амбиадес повернулся к Софосу и ткнул его мечом в бок.

— К бою, — сказал он.

— Я еще не разогрелся, — запротестовал Софос.

— Да ладно тебе, — возразил Амбиадес. — Разогреешься, когда начнем.

Софос встал в оборонительную позицию, и они начали кружить вокруг друг друга. Я наблюдал за ними со своего места, лежа на траве и положив под голову седло. Амбиадес атаковал сверху, но Софос вспомнил последний урок и шагнул в сторону, чтобы заблокировать удар. Однако, он забыл, что при глубоком выпаде противник открывает бок, и к тому времени, когда Софос спохватился, брешь в защите Амбиадеса была ликвидирована.

— Хороший блок, — сказал Амбиадес, пытаясь скрыть удивление, и замахнулся снова.

Софос загородился мечом, но недооценил силу удара и был вынужден сделать шаг назад, чтобы восстановить равновесие. Пока он отступал, Амбиадес усилил натиск и ударил его по ребрам. Софос закрылся локтем, но было слишком поздно, и меч вылетел у него из рук. Амбиадесу удалось ударить еще раз, пока Софос поднимал меч. Софос вскрикнул, но Амбиадес сделал вид, что ничего не слышит. Он снова набросился на Софоса и под предлогом фехтования начал наносить мальчику ушибы, которые он не забудет даже за месяц. Я решил прекратить избиение младенцев.

— Посмотри, — сказал я, когда они остановились отдышаться, — Каждый раз, когда он атакует сверху, он оставляет правый бок открытым. Сделай шаг влево, чтобы отразить его выпад, а потом бей его под ребра.

Я не был педагогом, вроде Пола, и не имел терпения ждать, когда мальчишка догадается сам.

— Мне очень жаль, — смиренно сказал Софос. Он уронил меч на землю и стоял, потирая ушибленный локоть. — Просто я недостаточно быстрый. Ты лучше сражаешься, Амбиадес.

Амбиадес пожал плечами, как бы говоря: «Конечно», и Софос покраснел. Я фыркнул.

— Это доказывает только одну вещь, — заявил я. — Что Амбиадес выше тебя на шесть дюймов и его руки длиннее.

Самодовольный взгляд исчез, и Амбиадес повернулся ко мне.

— Что ты знаешь о мечах, Ген?

— Что твоя защита никуда не годится. Любой противник твоего роста проткнет тебя насквозь.

— Ты имеешь в виду себя?

— Я не твоего роста.

— Трус.

— Вовсе нет. Если я встану и побью тебя, то Пол вернется и побьет меня. А мне предстоит ответственная работа, и я не хотел бы делать ее с синяками.

— Пол не узнает.

— Конечно, нет.

Амбиадес подошел и встал надо мной.

— Ты просто пытаешься оправдать свою трусость.

Он пнул меня в бок. Удар был не сильный, но достаточный, чтобы оставить синяк на

мышце, которая скоро, возможно, должна будет работать на пределе возможного.

— Амбиадес, ты не должен, — в глазах Софоса стоял ужас.

— Сделай это еще раз, и я расскажу халдею.

Он склонился ближе, его лицо исказила гримаса отвращения.

— Трусливая сволочь боится драться за свою честь, — сказал он.

— Нет, — ответил я. — Трусливая сволочь записывается в армию и дерется за бездарного царя и его прихлебателей, вроде тебя.

— Ген, — запротестовал Софос, — Это предательство.

— Ты беспокоишься обо мне? — спросил я.

— Удивляешься, Софос? — презрение в голосе Амбиадеса заставило Софоса скорчиться, как полоска ивовой коры в огне. — Сволота вроде него служит только себе самому.

— Да? А кому служишь ты? — спросил я его.

Это был случайный выстрел, но он попал точно в цель. Лицо Амбиадеса исказилось, он отвел ногу назад и наверняка сломал бы мне ребро, если бы я не успел откатиться в сторону. Когда он отвел ногу, чтобы пнуть меня еще раз, я поймал его за пятку, дернул, а затем, извернувшись в пыли, ударил ногой по колену. Он упал на землю. Я уже поднялся на ноги и собирался вернуть ему должок, когда появились халдей с Полом.

Халдей поднял брови. Мы с Амбиадесом отвернулись в разные стороны. Амбиадес поднялся и начал очищать свой меч от пыли. Я снова прилег головой на седло.

— Кажется, у вас разногласия? — спросил халдей.

Ему никто не ответил.

* * *

После очень тихого спора между Полом и халдеем мы оставили лошадей на Амбиадеса. Халдей собирался оставить Софоса, но Пол не позволил оставлять его одного и не согласился оставить его вместе с Амбиадесом. Было ясно, что отношения Софоса с его кумиром перешли из плохих в худшие.

Таким образом мы с халдеем направились в путь через антиутопию пешком в компании Софоса и Пола. Я был более чем рад распрощаться с Амбиадесом хоть на некоторое время. Мы весь день шли вслед за халдеем, который уверенно вел нас по карте и компасу. Здесь не было видно следов ни одного живого существа, и мы выискивали дорогу между растрескавшихся плит пористого черного камня. Пить приходилось теплую воду из фляжек. На поверхность антиутопии не выбивалось ни одного родника, но под землей вода, вероятно, была, потому что в глубоких бороздах росли кустики травы и пучки чахлого кустарника. Но сейчас они все высохли и колючками цеплялись за нашу одежду, когда мы проходили мимо. Острые обломки горной породы рвали ткань и оставляли глубокие царапины на коже сапог.

Халдей объяснил Софосу, что потоки воды, текущие по лаве могли бы размыть ее и превратить в плодородную почву, но эти земли находятся выше Елеонского моря, и здесь течет только одна река под названием Арактус.

— Арактус прорезал себе глубокий каньон и не вызывает эрозии почвы за его пределами. В нижней части течения он изливается на равнину и сбрасывает собранные в горах минералы. Та земля является лучшими сельскохозяйственными угодьями во всей

Аттолии.

— А что происходит с Елеонским морем? — спросил Софос.

— Это водораздел для зимних дождей, выпадающих над антиутопией. Когда дожди прекращаются, большая часть ручьев пересыхает и земля не рождает ни зерна, ни овощей. Вот почему вся эта область была засажена оливами, а потом почти заброшена.

Посреди антиутопии я снова почувствовал себя неуютно. Вероятно, давало себя знать мое воспитание и профессия, потому что мне явно было не по себе на открытом пространстве под бескрайним синим небом. Конечно, горы справа стали круче и неприступнее, но они скорее закрывали мне обзор, чем давали возможность спрятаться. Мне было гораздо уютнее под зеленым кровом Елеонского моря.

К вечеру мы вышли на берег Арактуса и пошли вверх по течению в сторону гор. Я пытался игнорировать навязчивое ощущение чужого присутствия у меня за спиной. По берегам реки росли кусты и даже редкие деревья, и пласты застывшей лавы здесь не казались такими унылыми, как на равнине, но река становилась глубокой и бурной в местах сужения русла, где она крутилась в водовороте белой пены и билась о каменные стены своего ложа.

Иногда мы шли краем пропасти, по дну которой бежала вода, иногда пропасть становилась шире и мельче, и мы шли по полосе черного песка вдоль речного потока.

Когда солнце уже садилось, мы сделали большой крюк и вышли к водопаду в два или три моих роста высотой. С противоположной стороны реку ограничивала почти отвесная каменная стена, прошитая красными и черными прожилками. С нашей стороны берег был почти плоским, плита застывшей лавы широкой ступенью спускалась к воде, а за спиной поднимался пологий склон, который отделял антиутопию от оливкового моря.

Халдей остановился.

— Вот оно, — сказал он.

— Что? — спросил я.

— Место, где ты сможешь заслужить свою славу.

Я оглядел пустынные скалы, реку и песок под ногами. Насколько я мог видеть, красть здесь было совершенно нечего.

Глава 8

— Нам придется подождать до полуночи, — сказал халдей. — Так что есть время поужинать.

Пол распаковал мешки и приготовил на костре ужин. Им с Софосом потребовалось некоторое время, чтобы собрать достаточное количество топлива, но им это удалось. Я не помогал. Выкопав в песке удобную ямку, я лежал в ней, давая отдохнуть мышцам, разминал пальцы и крутил запястья, проверяя, как они работают после веревок Амбиадеса. Я думал, не ошибся ли халдей, заведя нас в эту глушь посреди пустоты, но решил ни о чем не спрашивать. Все занимались своими делами молча.

Пока Пол возился у костра, я задремал. Сон, который я видел предыдущей ночью, вернулся снова. Я поднимался в маленькую комнату с мраморными стенами. Окон в ней не было, но лунный свет откуда-то падал на белые волосы и платье женщины, ожидавшей меня там. Она была одета в старинный пеплум, который мелкими складками стекал на ее сандалии, как у одной из статуй, стоящих около древнего алтаря. Когда я вошел внутрь, она кивнула, словно давно ожидала меня, словно я даже опоздал немного. У меня возникло чувство, что я должен, но не могу ее узнать.

— Кто привел тебя сюда? — спросила она.

— Я пришел сам.

— Ты пришел, чтобы взять или отдать?

— Чтобы взять, — прошептал я пересохшими губами.

— Возьми то, что ищешь, если сможешь найти, но будь осторожен, не оскорби богов.

Она повернулась к высокой трехногой подставке, открыла лежащую на ней книгу, взяла перо и сделал запись, добавив мое имя к длинному списку и подведя под ним короткую черту.

Мгновение спустя я проснулся, ужин был готов.

* * *

Мы молча ели при лунном свете, никто не решался спросить халдея, которой единственный знал, чего мы ждем. Нарушая молчание, он наконец снизошел до того, чтобы попросить меня рассказать историю о Евгенидесе и молниях. Он хотел сравнить ее с известным ему вариантом. Я потер лоб рукой и зевнул. Настроение у меня было не совсем подходящее для старых сказок, но сидеть в мрачной тишине хотелось еще меньше. Я решил рассказать сокращенный вариант.

* * *

После рождения Евгенидиса у дровосека с женой появились новые дети. Старшего из них звали Леонидисом. Он завидовал Евгенидису, потому что тот был старше и обладал дарами богов. Если бы Гея не отдала дровосеку своего ребенка, Леонидис был бы старшим среди детей своего отца, и он никогда не забывал об этом.

За ужином Евгенидес сидел по правую руку отца, а когда в дом приходили гости, именно он подносил им первую чашу вина.

Когда Уран разрушил дом дровосека, Леонидис был уверен, что в несчастье обвинят Евгенидеса. Ведь именно он оказался причиной гнева Урана. Леопидес хотел, чтобы отец с матерью оставили Евгенидеса в лесу, но они не сделали этого. А когда Евгенидес украл молнии Урана и обрел бессмертие, зависть Леонидиса превратилась в ненависть.

Евгенидис знал о чувствах брата, и чтобы не злить его лишний раз, много путешествовал по всему миру. Тогда Леонидис садился по правую руку своего отца и предлагал вино гостям, но он все еще оставался недоволен. Поэтому когда бог Уран явился к нему в облике возницы, Леонидис готов был послушаться его.

Уран посадил Леонидиса на свою колесницу и перенес через Срединное море к дому, где жил Евгенидес. Леонидис поднялся на порог и постучал в дверь со словами:

— Вот незнакомец, который просит тебя разделить с ним чашу вина.

Евгенидес подошел к двери, увидел Леонидиса и сказал:

— Брат, ты для меня не чужой. Почему ты просишь дать тебе несколько глотков, как незнакомый странник, когда можешь владеть всем, что принадлежит мне, как мой родственник?

— Евгенидис, — сказал Леонидис, — раньше я испытывал к тебе дурные чувства, но теперь все они ушли. Я стал другим человеком, и потому прошу тебя разделить со мной трапезу и принять в своем доме, чтобы ты сам смог решить, готов ли любить меня и считать своим братом.

Евгенидес поверил ему, угостил вином и назвал своим гостем. Но Леопидес не был хорошим гостем и любящим братом. Он стал задавать Евгенидису множество вопросов о том, как он живет и сколько у него дорогих вещей. Есть ли у него серебряное зеркало? Янтарное ожерелье? Золотые браслеты? Железные котлы? И каждый раз Евгенидис отвечал, что нет, а Леонидис говорил:

— Я удивлен. Ведь ты сын богини Геи.

И Евгенидис сказал:

— Гея награждает меня своими дарами наравне с другими людьми. Вряд ли я могу попросить ее обеспечить всех людей железными котлами, чтобы и самому получить один.

— Ах, — сказал Леонидис, притворяясь огорченным, — Неужели ты не смог бы украсть? Ведь ты же украл молнии Урана, не так ли? Но нет, — сказал он, закидывая крючок, — Ты не сможешь еще раз совершить что-либо подобное.

— Могу, — ответил Евгенидес, как мышь, почуявшая запах сыра в

мышеловке, — Если захочу.

— Вот как? — Удивился Леонидис.

И каждый день Леонидис закидывал новые крючки, цепляя Евгенидеса и умоляя его совершить новый замечательный подвиг.

— Я мог бы рассказать о тебе родителям, — объяснял он. — У них так долго не было от тебя вестей.

Еще некоторое время Евгенидес уклонялся от просьб Леонидиса, но тот растравлял самолюбие брата, раз за разом повторяя, как он ловко обманул бога Урана, и как умно было бы обмануть богов снова. Например, украсть молнии у Гефестии, просто шутки ради, а потом вернуть их обратно. Он знал, что Гефестия любит своего сводного брата, полубога-получеловека, и не будет сердиться на его хитрость.

Через некоторое время Евгенидес согласился. Он верил, что Гефестия простит его, и хотел произвести впечатление на Леонидиса, которого считал другом и любящим братом.

Вот почему однажды он забрался на дерево, росшее в долине под горой Гефестии, и стал ждать, когда богиня-сестра пройдет под ним, направляясь в храм в Саммите. Когда она проходила мимо, Евгенидес свесился с ветки и вытащил молнии из колчана так тихо, что она не заметила их исчезновения.

Он отнес их к себе домой и показал Леонидису, который притворился очень удивленным.

— Не мог бы ты бросить одну? — попросил он. — Если бы я прикоснулся к ней, то погиб бы на месте, но ты ведь наполовину бог.

— Это опасно, — сказал Евгенидес.

— Попробуй, — сказал Леонидис. — Самую маленькую.

Он ныл и уговаривал Евгенидеса, пока тот не согласился попробовать. Он выбрал одну из маленьких молний и бросил ее в дерево, где она взорвалась и вспыхнула высоким пламенем.

Когда огонь распространился по долине, Уран пошел к дочери и спросил:

— Где молнии, которые я тебе одолжил?

— Здесь, в моем колчане, отец, — сказала Гефестия, но молний в колчане не оказалось.

Гефестия предположила, что обронила их в долине, и тогда Уран предложил пойти и поискать их, и даже сказал, что пойдет вместе с ней.

— Раз ты была так небрежна, — заявил он, — я не уверен, что захочу вернуть их тебе, когда найду.

Гефестия из своей долины не могла видеть огонь, и пламя продолжало распространяться по округе. Дом Евгенидеса и оливковые деревья вокруг уже горели, и небо заволкло дымом. Огонь разгорался все сильнее, и Леонидис испугался.

— Ты бессмертен, — сказал он своему брату, — А я могу умереть.

Евгенидес взял его за руку, и они побежали от пожара. Огонь окружил их. Леонидис закричал, призывая бога неба спасти их, но ответа не последовало. Евгенидес любил своего брата, как бы мало он этого ни заслуживал, и попытался перенести его через пламя, но Леонидис сторел в его руках, в то время, как

Гефестия с Ураном бродили среди елей.

В те времена Хамиатес был царем одной из небольших горных долин. Он выглянул из своего Мегарона и увидел, что леса внизу горят, он также увидел Евгенидеса с братом и понял, что они попали в беду. Он вышел из своего Мегарона и переплыл реку, чтобы найти великую богиню в ее храме, но храм был пуст. Он вернулся к реке и встретил наяду, дочь Урана.

— Земля горит, — сказал он наяде.

— Я не сгорю, — ответила она. — Вода не горит.

— Но даже вода может пострадать от большого пожара, — сказал Хамиатес, вспомнив о ссоре Урана с Геей.

— Где горит?

— На нижних равнинах.

— Выше или ниже моего течения?

— Ниже.

— Тогда мне не о чем беспокоиться, — сказала наяда.

— Но Евгенидес может пострадать.

— Евгенидис враг моего отца.

Хамиатес понял, что не добьется от нее помощи, и потому некоторое время молча наблюдал за тем, что происходило внизу. Он видел, как горит долина, как погиб Леонидис, а Евгенидис был обожжен, но не умер.

— Смотри-ка, — сказал он наяде. — Евгенидис держит в руках молнии твоего отца.

— Они больше не принадлежат моему отцу, — угрюмо ответила наяда. — Пусть Гефестия сама идет за ними.

— Но если ты завладеешь ими, ты сможешь отдать их своему отцу, а не Гефестии, — заметил Хамиатес.

— Вот как? — сказала наяда, а потом спросила: — Скажи, в какую сторону мне надо течь, чтобы забрать молнии?

И Хамиатес ответил ей:

— Если сейчас ты оставишь свое ложе и побежишь вниз изо всех сил, ты успеешь добежать через равнину к Евгенидису.

Наяда поступила, как посоветовал ей Хамиатес; она направила реку на равнину, ударила в сердце пожара и погасила его. Когда речные волны подхватили Евгенидеса, его силы уже были на исходе. Но Евгенидис крепко держал молнии в руках, поэтому наяда несла его в потоке воды, пока ее новое русло не пересеклось с течением великой реки Сеперхи, которая была дочерью Геи.

Она сказала маленькой реке:

— Ты устала, дай мне молнии, я верну их нашей старшей сестре.

Пока большая и малая реки боролись за обладание молниями, Хамиатес побежал в храм Гефестии, чтобы дожидаться ее возвращения. В это время Евгенидис, забытый обеими реками, поплыл к берегу и выбрался из воды, обожженный, как черная головешка. Вот почему с тех пор Евгенидис единственный из богов стал темнокожим, как житель Нимбии на дальнем берегу Срединного моря.

Это была не самая моя любимая история, и я пожалел, что редко вспоминал о ней.

— Знаете ли вы, — спросил я халдея, — еще кого-нибудь достаточно умного, чтобы украсть Дар Хамиатеса?

Халдей поднял голову.

— Нет, не знаю. Среди людей твоей матери есть такие?

Я пожал плечами.

— Я тоже не знаю. Зато я знаю, что с нами сделают, если попадемся.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал халдей, удивляясь пробелу в собственной учености.

Зато он не удивился моей осведомленности. Законодательство о наказаниях за преступления должен был изучить каждый более-менее квалифицированный вор.

— Нас сбросят с горы.

— Может быть, это грозило твоей матери? Может быть, поэтому она покинула Эддис?

Он решил поддразнить меня, делая все возможное, чтобы поднять мой боевой дух. Не знаю, рассердился ли он на самом деле, или только притворялся.

— Не путайте с изгнанием, — сказал я и описал пальцем длинную дугу. — Не бросят в горах, а сбросят с горы. Вниз. Шмяк. В лепешку.

— О, — ответил он.

Снова стало тихо. Прошло около четверти часа, когда мы услышали звук, которого ждал халдей. Шум реки рядом с нами изменился. Халдей встал и повернулся, чтобы посмотреть, что произошло. Я сделал то же самое и наблюдал, как буквально за несколько минут река исчезла. Поток воды замер, потом несколько раз плеснул водопад, и затем опять остановился. Словно рука бога повернула где-то гигантский кран, и наши уши, уже привыкшие к шуму воды, теперь различали только стук собственной крови.

Я долго стоял с открытым ртом, пока не догадался, что выше по течению находится водохранилище, и вода Арактуса вытекает через шлюзы плотины. На исходе лета, если уровень воды в водохранилище был слишком низким, шлюзовой ворот поворачивали, и река исчезала. Я покачал головой в изумлении.

В скале под водопадом была видна узкая дверь. Перемычкой дверного проема являлась сама скала, но по бокам стояли две гранитные колонны. Между ними находилась дверь, больше похожая на узкую трещину, расширяющуюся к середине и сужающуюся вверху. Речная вода все еще просачивалась через щели и струйками стекала в бассейн под порогом.

— Я хотел бы оказаться здесь по крайней мере на день раньше, чтобы дать тебе возможность отдохнуть, — сказал халдей. — Вода потечет снова перед рассветом. Ты должен успеть, прежде чем вода затопит храм. Полагаю, тебе нужно вот это.

Он протянул мне воровские инструменты, завернутые в лоскут мягкой кожи. Я сразу узнал их.

— Это мои.

— Да, их отобрали у тебя при аресте. Не будучи вором, я все же хочу убедиться, что ты

полностью экипирован.

Мой желудок сжался, как при встрече с царем.

— Вы уже тогда все знали? — спросил я.

— Ну, да, человек перед которым ты хвастался в винном погребе, был агентом охранки, а не просто случайным стукачом.

Я беззвучно присвистнул, вспоминая все нецензурные выражения и обороты моего рассказа.

— Мне понадобится свет, — сказал я.

— У Пола есть лампа.

Я оглянулся и увидела Пола, стоящего с фонарем в руке. Он передал его мне.

— Здесь масла на шесть часов.

— У тебя есть кинжал? — спросил я.

Эта просьба была вызвана только необходимостью. Обычно я не носил оружие вместе с инструментами, потому что оно занимало слишком много места. Пол вернулся к своей сумке, чтобы достать короткий меч. Я подошел к берегу реки. Ночной ветерок гнал мелкую рябь по поверхности воды в бассейне.

— Если мои расчеты верны, в этом году воду будут останавливать четыре ночи подряд, сегодня вторая из них. Постарайся не утонуть при первой попытке, — сказал халдей.

Пол вручил мне короткий меч, с ним было как-то спокойнее, хотя я был уверен, что в храме нет ни одной живой души. Разве можно держать собак в полностью затопленном помещении, которое осушают только несколько ночей в году? Впрочем, есть еще змеи. Можно запустить туда змей.

Я подождал еще полчаса, пока вода, стекающая из-под двери храма, уменьшит свой напор. Наконец я вошел в бассейн. Стоя по колено в воде, я обернулся и спросил халдея:

— Кто-нибудь приходил сюда раньше?

— Думаю, что несколько попыток было сделано, — сказал он.

— И что?

— Никто не вернулся.

— Изнутри?

— Ни один человек, который был внутри, не вернулся; ни один из участников экспедиции тоже не вернулся. Я не знаю, как это могло произойти, но если ты не вернешься, мы тоже погибнем.

Он улыбнулся и поднял руку в жесте, смутно напоминающем благословение. Я кивнул головой и повернулся к двери. Интересно, сколько же ей было лет? Я провел рукой сверху вниз по гранитной колонне. На месте когда-то вырезанных каннелюр [\[1\]](#) остались чуть заметные углубления. Дверь между колоннами тоже была вытесана из камня. Древесина сгнила бы, а металл проржавел. Я просунул палец в одну из щелей, расширенных за долгие годы проточной водой. Дверь оказалась довольно тонкой для своих размеров, но даже в самом узком месте она была не тоньше моего локтя.

Дверь находилась на высоте трех или четырех футов, и я вскарабкался на порог, стараясь не пролить масло в лампе. Каменными оказались даже петли, плита не поддавалась, но никакого замка я не обнаружил. Я должен был преодолеть не только тяжесть двери, но и вес воды, скопившейся за ней. Я покрепче налег плечом и быстро пробормотал молитву богу воров. Эту привычку воспитал во мне еще дед. Начинать работу с молитвы, заканчивать работу с молитвой и раз в месяц приносить жертвы на алтарь

Евгенидеса. Я пообещал отдать ему мои серьги. Мой дед пожертвовал свою золотую брошь.

Дверь распахнулась, и мне навстречу хлынул поток воды. После того, как я вошел внутрь, вода потянула дверь за собой и закрыла вход. Я вымок до пояса, но вода за дверью была всего в три-четыре дюйма глубиной. И все-таки текла она быстро, поэтому я очень осторожно переставлял ноги, когда поднимался по крутым ступенькам в комнату, которую видел во сне.

Гладкие мраморные стены были кое-где запятнаны речным илом, а пол залит водой, которая струилась через решетку противоположной двери. Лунный свет лился сквозь отверстия в потолке, но женщины в белом пеплуме не было. Ни подставки на позолоченных ножках, ни книги.

Я стоял под отверстиями в потолке и смотрел вверх. Когда вода вернется, она сначала заполнит эту комнату, коридор и весь храм. Когда храм будет полностью затоплен, немного воды все равно будет просачиваться сквозь эту комнату, но остальной поток пройдет над храмом, польется со скалы и скроет от глаз каменную дверь. Это было гениальное сооружение, и я спрашивал себя, сколько сотен лет назад оно построено? Пятьсот лет, если храм был задуман как хранилище Дара Хамиатеса.

Я прошел через комнату к двери на противоположной стороне. Пока я шел, мне вспомнились вопросы женщины в белом. Если бы я был верующим человеком, то остановился бы для искренней молитвы. Нет, надо идти дальше.

Как и наружная, внутренняя дверь тоже была вытесана из камня, но решетка в нижней ее части была шире и легко пропускала воду. У нее не было замка, только защелка, установленная на каменные кронштейны. Широкие просветы между столбиками решетки давали возможность открывать дверь с обеих сторон. Я остановился, чтобы лучше разглядеть запор, потом распахнул дверь. Она так же тихо закрылась за моей спиной.

Коридор по другую сторону двери тянулся в обоих направлениях и был настолько узок, что мои плечи касались стен. Он был выдолблен в очень твердой породе. Блестящие от влаги стены смыкались наверху в арку, иногда такую высокую, что слабый свет моей лампы не достигал потолка.

Проход тянулся на десять футов в каждом направлении, затем заворачивал и заканчивался запертой дверью. Здесь, где поток воды был, вероятно, менее сильным, и двери и замки были железными, без единого признака ржавчины. Замки оказались сложными, и мне потребовалось несколько минут, чтобы открыть дверь справа. За ней открывался такой же участок узкого коридора, заканчивавшейся такой же дверью, которую я открыл только что. Я вздохнул и огляделся в поисках какого-нибудь предмета, который можно было подложить под дверь. Мне не хотелось терять время и открывать ее снова. На полу не валялось ни одного камешка. Я располагал только кожаным мешком для инструментов и мечом. С мечом я еще не готов был расстаться. В конце концов, я решил использовать мои сапоги. Все равно они намокли и стали тяжелыми и неудобными. Я снял их и заправил один за пояс на случай, если он мне понадобится. Второй я оставил под дверью, чтобы она не захлопнулась и не заперла меня.

Я осторожно шел босиком по коридору по щиколотку в воде и был только на полпути к дальней двери, когда свет лампы озарил нечто примечательное. В этом месте стена была идеально гладкой. Это было похоже на дверь, но ни замка, ни замочной скважины я не увидел.

— Боги, — сказал я вслух. — О, боги, — и бросился к двери за моей спиной, потому что

вода сдвинула мой сапог и потянула дверь за собой.

Я преодолел расстояние в четыре гигантских прыжка и, бросившись к закрывающейся у меня перед носом двери, успел просунуть пальцы в щель между ней и косяком. Железная дверь больно придавила пальцы, но я не вытаскивал их, пока не просунул вторую руку и не расширил щель. Эта дверь оказалась совершенно гладкой с внутренней стороны. Я протиснулся в проем и сел на каменный пол, засунув отбитые пальцы в рот. Инструменты оставались при мне, но лампу и меч я уронил. Сквозь решетку каменной двери за моей спиной просачивался лунный свет. Темновато для поисков.

Когда мое сердце стало биться ровнее, и боль в пальцах ослабела, я поднялся и продолжил свое занятие. Наверное, не было никакого смысла открывать дверь, которая тут же закроется, но я не хотел тратить время на возвращение к халдею, чтобы получить новый меч, лампу и клинья для дверей. И особенно мне не хотелось публично признаваться, что я чуть не попал в ловушку, едва войдя в храм. Конечно, в ловушке я не умер бы сразу. Но утром, когда река возвращается, умер бы обязательно.

От одной мысли об этом мое сердце снова подпрыгнуло в груди. Пришлось напомнить себе, что я квалифицированный вор как-никак, и должен взять себя в руки, если не хочу попасться.

Я решил проверить другую дверь, прежде чем идти искать клинья понадежнее. Для работы свет мне был не нужен, но два пальца на правой руке распухли, и их кончики совсем онемели. Это затрудняло работу над вторым замком. Открыв дверь, я поискал замочную скважину на другой стороне, я даже убедился, что выемка, которую я нащупал, была настоящей скважиной, а не глухим отверстием, просверленным, чтобы обмануть меня.

Уверившись в надежности замка, я подсунул под дверь второй сапог и ступил через порог. Я видел только кромешную тьму. Без масляной лампы я не мог узнать, является ли этот тоннель копией первого. Я засунул руки в карманы синих штанов, выданных мне халдеем. Один карман был заполнен водой и промок насквозь; второй оставался почти сухим. В нем лежали спички. Я украл несколько спичек в маленькой серебряной коробочке в мою первую ночь в гостинице, потом прихватил штук пять или шесть во вторую ночь. Те, которые я украл у Пола, были завернуты в промасленную бумагу, вода не повредила их.

В сухом кармане так же нашелся небольшой нож с откидным лезвием, который принадлежал человеку, обедавшему с нами за одним столом, несколько кожаных ремешков, большой кусок бечевки и серебряная брошь, которой халдей застегивал плащ. Он решил, что потерял ее, когда умывался в последний раз, наивный человек. В мокром кармане лежало несколько монет, пару лоскутов вяленого мяса и черепаховый гребень Амбиадеса. Я подумал, что гаденыш уже должен обнаружить исчезновение своего сокровища.

Я положил кусочек мяса в рот и начал жевать, размышляя, что, конечно, могу вернуться за светом и клиньями, но в действительности не нуждаюсь в них. У меня не было ни малейшего сомнения в своей способности открыть любую дверь с замочной скважиной, и я давно привык работать без света. Я достал спичку из серебряной коробочки и зажег ее. Передо мной тянулся узкий тоннель, выдолбленный в граните с новой железной дверью в конце.

Забив сапог глубже под дверь, я пошел вперед. Спичка обожгла пальцы, я задул огонек и продолжал идти в темноте. Дверь была заперта. Я открыл ее и позволил захлопнуться за мной, конечно, сначала проверив наличие замочной скважины на обратной стороне. Пол был неровный, и я один раз ушиб пальцы на ноге, после чего стал выбирать дорогу

аккуратнее. Я не торопился. Скользя правой рукой по стене, я наткнулся на что-то твердое, холодное и идеально гладкое. Я остановился и осторожно зажег спичку, чтобы осмотреть мою находку. Это было стекло Гефестии, обсидиан, образовавшийся, когда раскаленный камень выплеснулся на поверхность земли. В давние времена из него делали наконечники копий и стрел, но он до сих пор использовался ювелирами для изготовления ожерелий и лезвий парадных ножей. Этот кусок оказался размером с мою голову и стоил бы немалых денег, если бы мне удалось как-то добыть его из стены. Я пошел дальше, и мои пальцы коснулись еще одного куска стекла, потом еще. Я зажег спичку и увидел, что стою на пересечении коридоров.

Всю ночь я бродил по коридорам лабиринта, которые никуда не вели. В один прекрасный момент я удивился, обнаружив себя около двери, в которую вошел. Я не ожидал, что наткнусь на нее в конце коридора, и остановился, чтобы подумать. Представить свой маршрут в темноте было непросто, но я обладал достаточным опытом. Я был уверен, что не мог вернуться к этой двери. Я зажег еще одну спичку и проверил замочную скважину, затем я открыл замок своей отмычкой. Я открыл дверь и ощупал ее полотно с обратной стороны. Отверстия не было. Это была не та дверь, в которую я вошел, но она была совершенно такой же. Даже неровные выступы каменных стен вокруг проемов выглядели точно так же.

Это была внешняя стена ловушки. Я зажег еще одну спичку — у меня осталось всего семь — и увидел на полу перед собой меч, а чуть дальше маленький медный светильник. Конечно, подумал я. Сейчас я войду внутрь, чтобы забрать меч и лампу, дверь захлопнется, и я навсегда останусь в этой мышеловке. Спасибо, не хочу. Но лампа была нужна, так что я придержал дверь босой ногой, что было очень неудобно, потому что дверь была тяжелой и больно прищемила кожу, стащил через голову куртку и забил ею щель под дверью. Потом я на всякий случай снял рубашку и, скрутив в жгут, подложил под дверной косяк. Затем, полуголый и дрожащий, я заскочил в ловушку, схватил свои вещи (кроме сапога) и вернулся. Спасен.

Часть масла выплеснулась из лампы, но осталось еще довольно много. Я зажег огонь и побрел по коридорам, которые раньше проверял только кончиками пальцев.

Лабиринт был небольшой, недостаточно большой, чтобы заблудиться. Я вспомнил храм богини весны на склоне горы. То был маленький храм юного божества, и лабиринт ненамного превышал его размеры, может быть, в два раза, может быть, в три. Правда, ничто здесь не напоминало храм; по крайней мере, те храмы, которые я видел. Здесь не было ни наоса, ни пронаоса, ни алтаря, ни статуй богов. И самое главное — не было опистодома, места для хранения храмовых сокровищ. Был только лабиринт, система коридоров зачем-то выдолбленных в твердом камне.

Халдей бы догадался о его предназначении, за исключением одной вещи. В задней части лабиринта, дальней от входной двери, коридор был шире и тщательнее отделан, чем остальные. Здесь пол шел под уклон и конец коридора являлся самой низкой частью всего лабиринта. Здесь осталась большая лужа глубиной несколько дюймов, явно недостаточных для того, чтобы покрыть кости, скапливавшиеся в течение многих лет и оставшиеся лежать на месте после того, как иссяк Арактус.

Черепки истончились, как яичная скорлупа, бедренные кости больше напоминали белые палочки, острые кончики изогнутых ребер поднимались над поверхностью темной воды. Сколько времени понадобилось реке, чтобы сточить эти кости? Пятьдесят лет? Сто? Как долго они лежали здесь, и сколько их было раньше? Я опустил палец в воду и вздрогнул от

холода. Как могли все эти люди уйти на поиски, не оставив после себя записей? Почему Дар Хамиатеса еще не был найден, если столько людей знало, что он здесь? Свет моей лампы отражался от поверхности воды, пряча некоторые кости в тени и высвечивая другие, все еще сложенные в форме руки.

Я отступил назад от черной воды. Потом вернулся, чтобы снова проверить каждый коридор на случай, если я что-то упустил. Там не было ничего вообще, но только при свете лампы я разглядел, как много здесь стекла Гефестии. Стены были пронизаны его жилами дюйма в три шириной и десять-двенадцать длиной. Встречались куски в два и даже три фута шириной. Они были совершенно черными, но в глубине переливались разноцветными огнями в лучах моей лампы.

Они были настолько похожи на окна, что я приложил руку к черной поверхности, чтобы заслонить отражение и попытался всмотреться в таинственную глубину, словно мог увидеть что-то за стеной.

В коридорах лабиринта была еще одна достопримечательность кроме лужи с костями — огромный кусок обсидиана с прожилками базальта. Он начинался чуть выше уровня пола и поднимался выше моей головы, сужаясь в форме трапеции. Я провел ладонью по гладкой поверхности и подумал о сотнях кулонов, серег и брошей, которые можно было бы из него изготовить.

И в этот момент меня охватил страх. Стены надвинулись на меня, и на них заблестела вода. Пламя моей лампы затрепетало, и я вспомнил о времени. Пол сказал, что масла хватит на шесть часов... но я долго бродил в темноте... и часть масла пролилось, когда я уронил лампу. Сколько времени у меня осталось?

Сколько здесь масла? Я покачал лампу, но мои ноги уже несли меня к выходу из лабиринта. Я был достаточно внимателен, чтобы не пропустить поворот к каменной двери. Невнимательный вор может запаниковать, перепутать коридоры и не узнать о своей ошибке, пока не попадет в руки охраны; но я был очень внимателен.

Паника усилилась. Перед первой запертой дверью я выронил мои инструменты из чехла. Отвертки, шило, отмычки разлетелись по каменному полу, и мне пришлось встать на колени, чтобы собрать их. Руки тряслись. Я чуть не уронил все снова, прежде чем открыл замок и вышел через дверь в лужу, оставленную отступившей рекой. Она была первым признаком возвращения Арактуса.

Задыхаясь от спешки и позабыв лампу, я бросился к следующей двери. Потом вернулся за лампой и пошел к выходу. За ночь дверь сместилась и вытолкнула мой сапог наружу. Вода текла сквозь нижнюю решетку, омывая мои ноги.

Я отчаянно работал над замком. Когда он поддался, дверь резко распахнулась, и я едва избежал удара в лицо; вода ворвалась внутрь, толкая меня назад. Я взмахнул руками, чтобы восстановить равновесие, бросил меч и отпустил дверь. Я пробирался навстречу течению к каменной двери под скалой. В маленькой комнате уже плескались волны. Я поднял задвижку, открыл дверь и вдоль стены пробрался к лестнице. Вода поднялась всего на пять или шесть дюймов, но этого было достаточно, чтобы накрепко запереть дверь, стоящую у нее на пути. В отчаянии я дернул дверь, преодолевая тяжесть воды; затем оба — я и вода — бросились за порог. Дверь захлопнулась за мной с силой, достаточной, чтобы переломать кости.

Я упал на руки и колени в нижний бассейн, потом поднялся, кашляя и брызгая слюной. Я промок, замерз и чувствовал себя дураком. Паника прошла. Лабиринт за моей спиной

наполнится до потолка только через несколько часов. Вряд ли я смог бы утонуть в шести дюймах воды.

Пробираясь к берегу, я представлял, как недостойно должно было выглядеть мое возвращение для зрителей в лагере. Солнце еще не взошло, мир был погружен в серые сумерки. Рассвет придет через час.

— Ты его нашел? — спросил халдей с берега.

— Нет. — я ответил ему угрюмым и смущенным взглядом. — Я его не нашел. Не нашел вообще ничего. — Ничего, кроме огромных кусков обсидиана. — Там нет ни наоса, ни алтаря, ни сокровищницы.

Выбравшись на отмель, я рассказал ему о лабиринте.

— Не беда. — он протянул руку, чтобы помочь, и схватил меня сначала за запястье, потом за локоть. — Осталось еще две ночи, — оптимистично заявил он. — Пойдем завтракать.

Мы разбудили Пола, который сотворил нам завтрак. Он припрятал в своем мешке шесть яиц и солидную пачку кофе. Халдей достал для меня сухую одежду, и после завтрака я упал на одеяло и закрыл глаза. Солнце только начало подниматься над горизонтом.

Глава 9

Весь следующий день я спал, не обращая внимания на солнечный свет, просачивающийся под мои закрытые веки. После сырой и холодной ночи в лабиринте я рад был оказаться на солнце и не просыпался до самого заката. Я снова видел во сне женщину в мраморной комнате, ее волосы были убраны под золотой обруч с кроваво-красными рубинами. Она во второй раз вписала мое имя в книгу лебединым пером и, кажется, посмотрела на меня с сочувствием. Я уже собирался спросить ее, где находится храм, алтарь и статуи богов, когда запах кофе разбудил меня.

Я застонал и проснулся. С закрытыми глазами я потянулся всем телом и закинул руки за голову. Кто-то стоял надо мной. Софос, подумал я. Он вложил стаканчик с кофе в мою протянутую руку.

— Спаси тебя Бог, — сказал я.

— Всегда пожалуйста, — сухо ответил халдей. — Раз ты уже проснулся, у меня есть к тебе несколько вопросов.

Я нахмурился и попросил перерыв на кофе. Он был густой и сладкий, и мне было очень жаль, когда показалось дно стаканчика. Вопросов у халдея было много. Во-первых, он попросил описать мою первую ночь в храме. Я рассказал ему о коридорах со сводчатыми потолками, выдолбленных в граните и базальте. О ловушке, в которую я почти попался. Я не стал рассказывать о белой женщине и мраморной комнате из моего сна. И очень неохотно я поведал о костях в луже с водой.

— Сколько там костей? — захотел узнать он.

Вот упырь, подумал я.

— Черепа были разбиты на куски, думаю, я видел части четырех или пяти, а то и больше. Какое это имеет значение?

— Я предполагал, что сюда уехал мой предшественник, — объяснил халдей. — Но, насколько мне известно, он уехал один. Другие кости должны быть старше. Если бы я знал... — пробормотал он.

— Знал что?

— Знал, почему здесь исчезли целые экспедиции.

— Если бы я знал, — сказал я, — кто вынес кости из ловушки и свалил их в лужу.

Халдей поднял голову, чтобы посмотреть на меня, а потом поднял и брови.

— Проницательное замечание, — ответил он. — Кто-то перенес их?

Я пожал плечами. Откуда мне знать? Может быть, раз в пятьсот лет сюда приходил умный вор, вроде меня, чтобы прибраться в лабиринте, но это было трудно проверить. Я окинул взглядом берег, и мне пришла в голову неплохая мысль.

— На вашем месте я передвинул бы лагерь, — сказал я.

— Почему?

— Здесь река делает поворот. Мы находимся прямо напротив водопада. Если вода будет возвращаться быстрее, чем вчера, она пролетит над руслом и врежется в прямо в нас. Вас с

Полом и Софосом смочет вниз и потом, вероятно, вынесет на берег вниз по течению. Вы либо разобьетесь о камни либо утонете.

Халдей кивнул.

— Мы перейдем на другое место. Ешь свой ужин.

За ужином я спросил у Пола, есть ли у него веревка или шпагат. Мне нужен был кусок больше, чем тот, что лежал у меня в кармане. Поев, я переоделся в свою старую одежду. Пока я спал, все высохло на солнце, кроме одного кармана. Сразу после полуночи река остановилась и иссякла. Во второй раз это казалось таким же чудом, как и в первый.

Я подождал, чтобы как можно больше воды ушло из лабиринта, после чего взял у Пола веревку и вошел в бассейн. Я проскользнул через каменную дверь под скалой и нашел один из своих сапог. В ловушке за дверью еще колыхался тонкий слой воды. Второй сапог отступающая вода вынесла в мраморную комнату. Я обулся и поморщился от отвращения. Они были холодные, как лед. Я поднял задвижку на второй каменной двери и шагнул в лабиринт. К тому времени, когда я открыл замок на железной двери, мое тело пылало от жара, сапоги на ногах согрелись, и я забыл о них.

Открывать замки не сложно. Они все работают одинаково: маленькие полые цилиндры запирают замок в одном положении и отпирают в другом. Чем больше цилиндров, тем дороже замок, но если вор может открыть четырехцилиндровый замок, он так же легко откроет и шесть, и десять, и двенадцать цилиндров. Просто придется использовать больше отмычек и немного дольше поработать. Так что лучше наймите сторожа или заведите собаку, по крайней мере до тех пор, пока не изобретут замок получше. Или спрячьте свое сокровище там, где никто его не найдет.

Так и поступает большинство здравомыслящих людей. Поэтому умение найти тайник, спрятанный под слоем земли или половицами, является для вора более важным навыком, чем взлом замков. Но здесь уже нужна хорошая голова и кое-какое воображение. Люди обычно не прячут свои изумрудные серьги в подвале.

Я заблокировал открытые железные двери камнями, подобранными у реки, и побрел к костям. Некоторое время я стоял и смотрел на них при свете лампы, отражавшемся в черной воде. Это было единственное место в лабиринте, которое я не исследовал в поисках Дара Хамиатеса, но мне совсем не хотелось это делать.

Я несколько раз прошел вдоль лужи, прежде чем сел на корточки у ее края и опустил пальцы в холодную воду, тревожа ил и кости. Я обнаружил кольцо, два кольца, золотые пуговицы, серебряные пуговицы, медные пуговицы, фибулы, броши. Воры, утонувшие здесь, были людьми небедными, но ни один из них не нашел то, что искал. Броши были украшены ляпис-лазурью, обсидианом и множеством других камней, но ни одна из них не была похожа на Дар Хамиатеса. Среди находок я обратил внимание на кольцо с большим гравированным изумрудом. Я не смог разглядеть рисунок при тусклом свете. Оно было велико для моего среднего пальца. Я нацепил его на большой. Остальные найденные вещи я столкнул обратно в воду в знак подношения богам.

Я вышел из этого коридора и начал утомительную работу по измерению лабиринта с помощью выданной Полом веревки. На это ушла оставшаяся часть ночи. Я как раз заканчивал, когда на меня нахлынул ужас предыдущей ночи. Трясущимися руками я свернул веревку и поспешил к выходу из лабиринта. К первой двери я бежал со всех ног и чуть не врезался в нее. Она была закрыта. Мой камень сдвинулся, хотя я тщательно забил его под дверь и заклинил ее, казалось, намертво. Я нащупал свои отмычки и открыл дверь.

Следующий проход тоже оказался закрыт, носок сапога зацепил камень, отброшенный в сторону закрывшейся дверью. Мой второй сапог пнул меч, который я потерял прошлой ночью. Больно, черт, но я не остановился.

Я быстро дохромал до дальней двери и через нее выбрался из лабиринта. Возможно, мой выход выглядел более достойно, чем предыдущий, но ненамного. Халдей ждал на берегу.

— Удачно? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Черт возьми, чем ты там занимался всю ночь?

— Играл в кости, — сообщил я. — Где мой завтрак?

После еды я попросил у халдея лист бумаги. Я знал, что он ведет дневник экспедиции с первого дня нашего путешествия.

— Хочешь написать письмо своей милашке? — поинтересовался он.

— Почему вы думаете, что моя милашка умеет читать? Заткнитесь и дайте мне бумагу.

Халдей засмеялся и потянулся к мешку, лежавшему около его одеяла. Он вырвал последний лист из книжки и протянул его мне.

— Слушаю и подчиняюсь, — сказал он.

Я выхватил лист из его пальцев и заметил Софоса, с приоткрытым ртом наблюдавшего за нашей беседой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что уставился? — поинтересовался я у него.

— Ничего, — ответил он.

— Он просто удивляется моему хорошему настроению, Ген, — объяснил халдей. — И моей готовности потворствовать тебе. — повернувшись к Софосу, он добавил: — Я питаю глубокое уважение к мастерам своего дела, а Ген не последний в своем ремесле. Хотя если он не найдет Дар Хамиатеса завтрашней ночью, нам троим, вероятно, придется добровольно утопиться прямо здесь, потому что вернуться к царю с неудачей мы не сможем.

— Троим? — многозначительно сказал я. — А что случится со мной?

— О, — небрежно ответил халдей. — Ты утонешь в лабиринте.

По спине пробежал холодок. Не говоря ни слова, я обратился к бумаге в моих руках. Я использовал обгорелую веточку из костра, чтобы воспроизвести замеры, хранящиеся в голове. План лабиринта возникал под моими руками, а халдей молча смотрел через плечо.

— Что это? — он указал пальцем на черное пятно.

— Обсидиан, — ответил я. — Тот большой кусок обсидиана, о котором я рассказывал вам. — Я показал еще одну отметку. — Вот второй. Если бы я пришел сюда, чтобы разбогатеть, сейчас я был бы счастливейшим из смертных.

— Какой длины веревка? — спросил халдей после паузы.

— Около тридцати футов.

— Ровно тридцать, — подтвердил Пол.

— Значит, вот эта часть лабиринта, — халдей ткнул пальцем в центр, — размером шесть на восемь футов?

— Кажется, да, — ответил я.

— Ты думаешь, там есть скрытая комната?

— Не знаю. Каждая стена толщиной в два-три фута. Тайник может быть где угодно. А еще есть внешние стены. А вдруг там скрыт туннель в милю длиной? Я просто не знаю.

— Ты простучал эти стены?

— Каждый дюйм, — в моем голосе звучало разочарование.

Халдей потер лоб.

— Если там есть потайная дверь, ты найдешь ее, Ген, — сказал он, а я пожал плечами.

Я не надеялся найти что-либо за стенами лабиринта. Не было никакой двери. Я был уверен.

— А поискал среди костей? — тихо спросил он.

Предыдущим вечером он не предлагал сделать это, хотя необходимость была очевидна для нас обоих.

— Да.

— Нашел что-нибудь?

Я поглядел на кольцо, все еще болтавшееся на пальце. Он прищурился и свистнул. При солнечном свете я увидел, что изумруд мутный, вернее, молочно-белый с одного края. На камне была изображена рыба, скорее всего, дельфин. Белый дефект имитировал морскую волну. Халдей наклонился ко мне, чтобы стянуть перстень с пальца.

— Надпись на кольце сделана в старом стиле, похоже на шрифт захватчиков. Должно быть, оно передавалось в семье в течение многих поколений.

— Или он оставил его здесь его очень, очень давно.

Халдей согласился.

— Или так. Я уберу его к себе в сумку, чтобы оно не потерялось.

— Нет, не уберете, — сказал я. — Ему место не в сумке, а на пальце. На моем пальце.

Халдей посмотрел на меня, и я начал подниматься на ноги. Пол подскочил, как мячик.

— Если тебе нужна печатка, — сказал я громче, чем собирался, — пойди и поищи сам.

— На, забирай. — Халдей капитулировал и с улыбкой протянул кольцо мне. —

Грабитель могил.

Я рассмеялся.

— Я пытаюсь ограбить богов, а вы надеетесь, что меня испугают призраки мертвецов?

Я надел кольцо обратно на палец и пошел прилечь. Все еще видя перед глазами лабиринт, я заснул.

* * *

Я снова вернулся в тот же сон. Женщина в белом позвала меня по имени. Конечно, она знала меня, ведь она уже дважды вписала мое имя в книгу, но произнесенное вслух, оно разрушило утешительную иллюзию анонимности. Я медлил, и она еще раз позвала меня.

— Я здесь, — ответил я.

— Многие дважды выходили из лабиринта, — тихо сказала она. — Если ты придешь сюда в третий раз, ты не сможешь выйти без того, что ищешь.

Я кивнул.

— Ты пойдешь в третий раз?

— Да.

— Не будет ничего постыдного, если ты откажешься. — она замолчала, словно спохватилась и обнаружила, что слишком отвлеклась от предназначенной ей роли. — Кто тебя сюда привел? — спросила она.

— Я пришел сам, — прошептал я.

— Ты все-таки пойдешь?

— Да.

— Будь осторожен, — сказала она и взяла белое перо. — Не оскорби богов.

Я проснулся, прежде чем она закончила писать мое имя в третий раз. До захода солнца оставалось не меньше часа. Песок излучал дневное тепло, и мне было уютно лежать на нем. Я не пошевелился, только закрыл глаза и стал размышлять о камнях, которые я вчера вечером пытался использовать для блокировки дверей. Я был очень внимателен. А вдруг кто-то убрал их? Женщина в белом? Где-то глубоко у меня внутри раздался тихий смех. Конечно, она знала, как меня зовут. Но она была сном, порождением моего воображения. Раз я знал собственное имя, то и для нее это был не секрет, зато камни убрала вполне реальная рука.

Я прищурился и посмотрел на халдея. Они с Полом сидели у потухшего костра и тихо, чтобы не разбудить меня, беседовали о какой-то военной кампании, где воевали вместе. Пол не стал бы трогать камни. Его не очень волновало, найду я Дар или нет, но он не захотел бы ссориться с халдеем. Халдей мог бы закрыть двери, но я не представлял, зачем ему это делать. Я представил, как он закрывает наружную дверь и отказывается выпустить меня, пока я не отдам ему Дар Хамиатеса, но этот кошмар казался слишком абсурдным. Халдей, несмотря на свою шовинистическую манию о мировом господстве Суниса, казался достаточно честным мужиком. Когда я намекнул, что он собирается покончить со мной, когда получит талисман, он оскорбился не на шутку. Да уж, он скорее ограбит всю страну, чем убьет одного грязного воришку. О Софосе тоже беспокоиться не стоит. Вот Амбиадес — совсем другое дело, но он остался на другом краю антиутопии.

Так кто же сдвинул камни? В конце концов я решил, что никто. Двери оказались тяжелее, чем я предполагал, а каменный пол мокрым и скользким. Мне надо было быть осторожнее, вот и все. Мой желудок урчанием напомнил о пропущенном обеде, и я сел.

— С возвращением, — сказал халдей. — Хочешь вяленую говядину, вяленую говядину а ля натюрель или вяленую говядину в собственном соку?

— Спасибо, мне голубей в мятном соусе и приличного вина. Но не слишком дорогого, будьте любезны.

Халдей протянул мне почти пустой пакет с мясом и половину хлебной краюхи.

— Приятного аппетита, — сказал он.

Хлеб был черствый, и жевать его было так же тяжело, как и говядину. Я упорно работал челюстями и слушал, как Пол с халдеем вернулись к обсуждению войны. Я огляделся в поисках Софоса, его нигде не было видно.

— Я послал его за дровами, — прервав разговор, сказал халдей.

Зная Софоса, я сразу подумал, что он свалился в реку.

— Он умеет плавать? — поинтересовался я вслух.

Халдей посмотрел на Пола, тот пожал плечами. Не говоря ни слова, они оба встали, отряхнули песок со штанов и отправились искать Софоса. Как только они исчезли, я заглянул в открытый мешок — он принадлежал Полу — вытащил из него еще лоскут мяса и спрятал в карман. Халдей отдал бы его, если бы я попросил, но после сцены с уздечкой просить мне не хотелось.

Софос подошел ко мне сзади с охапкой сухих веток.

— Где все?

— Ищут тебя.

Я объяснил, что его уже записали в утопленники. Следующие полчаса он сидел, обиженно надувшись, пока со стороны нижнего течения реки не появился халдей. Увидев Софоса, он вернулся к берегу и помахал Полу, потом они вернулись вместе. Они уселись рядом с нами, и Софос, глядя перед собой, многозначительно произнес:

— Я очень хорошо плаваю.

— Что на ужин? — спросил я.

Мы поели и стали ждать исчезновения реки. Я отошел от огня, чтобы посидеть в темноте. Софос перебрался ко мне.

— Ген, — спросил он. — Ты слышал, как река приходит в храм?

Я подумал о приступах паники в две предыдущие ночи. Может быть, мои уши слышали то, что не понимала голова? Пришлось признаться:

— Я не знаю, — и я рассказал ему о своем страхе.

И о сдвинутых камнях.

— Как ты думаешь, — пробормотал он. — Может быть там кто-то... живет?

Я прикинул, можно ли заменить «кто-то» на «что-то». Не то, чтобы я верил в существование призраков и вурдалаков, но в них было проще поверить, стоя в кромешной тьме в сырой и холодной дыре под землей.

* * *

В мою третью ночь я вспомнил, что надо забрать меч, что лежал брошенный у входа в лабиринт. Потом я двинулся прямо по коридору к центру. Я ощупал кончиками пальцев каждый участок внутренних стен от одного конца до другого, затем вышел в дальний коридор и исследовал его. Это заняло большую часть ночи, но я ничего не нашел. Я вошел в лужу и перебрался через нее вброд; я старался идти осторожно, но кости то и дело хрустели под моими ногами. Я обыскал заднюю стену лабиринта и тоже ничего не обнаружил.

Во время поисков меня начали преследовать осторожные слова Софоса. «Там кто-то живет?». Каждые несколько минут я останавливался, чтобы оглядеться, и ругал Софоса. Один раз пламя в лампе затрепетало, и паника вернулась ко мне, толкая к выходу из лабиринта. Я знал, что еще есть время до возвращения воды и отказывался признать поражение.

Я остановился и вцепился в скалу, словно ища поддержки. Я должен был найти Дар Хамиатеса, и если я не смогу, или даже если его здесь нет, то лучше мне утонуть и не позориться. В конце концов, ради чего мне возвращаться?

Паника отступила, и я посмотрел на стену перед собой. Камень был покрыт неровностями и бороздами, но не было ни единой трещины, указывающей на наличие дверного проема или скрытой пружины. Я ощупал стену до середины коридора, затем разочарование взяло надо мной верх. Я выругался и со всей силы рубанул мечом по граниту. Боль пронзила ушибленную руку. Меч, звеня как колокол, упал на камень у моих ног. Мне повезло, что он не отскочил от камня и не ударил меня в лицо.

Я повернулся и сел на пол нянчить больную руку и вытирать слезы с лица. Страха не было, но я чувствовал сильное искушение вернуться ко входу в лабиринт. Я не знал, смогу выйти отсюда или нет.

Я остался, потому что был в ловушке; я был слишком глуп, чтобы уйти. Может быть все воры, лежащие под водой в конце лабиринта, тоже были ослеплены своим упрямством? С противоположной стены на меня смотрело мое собственное отражение, искаженное и преломленное гранями обсидиана. Я некоторое время смотрел на отражение огонька лампы и снова подумал, как это черное стекло напоминает окно, глядящее в ночь и отражающее свет внутри дома, делающее невидимым весь мир снаружи. Хотя этот огромный кристалл был больше похож не на окно, а на дверь.

Я встал, позабыв про большую руку. Каменные жилы пронизывали стекло, но этот кусок обсидиана был размером с двойную дверь. Я потер рукой гладкую черную поверхность и прижался к ней носом, пытаясь заглянуть внутрь скалы. Там не было ничего, кроме черноты.

Я взял меч и, затаив дыхание, ударил по стеклу. Клинок отскочил, отбив небольшой кусок обсидиана. Я отвернул лицо, зажмурился и ударил сильнее. Зазвенели, осыпаясь, крупные обломки стекла, и, когда я посмотрел снова, длинные трещины лучами звезды расходились от места удара. В центре схождения лучей образовалась дырочка. Я засунул туда палец и, не обращая внимания на острые края, покрутил им в пустоте на другой стороне.

Снова отвернувшись, я бил и бил мечом по стеклянной двери, пока не услышал, как что-то оторвалось от стены и обрушилось на каменный пол. Кусок обсидиана размером с солдатский панцирь упал и разлетелся на куски у моих ног. Пыль, висящая в воздухе, раздражала глаза. Я поднял лампу, чтобы свет проник в открывшееся передо мной отверстие.

Там ничего не было, хотя мои расчеты показывали, что я должен увидеть стену соседнего коридора. Несколько мгновения я моргал, озадаченный своей ошибкой. Потом я снова заглянул в дыру. Я видел узкую комнату, двенадцать крутых ступеней, ведущих вверх. Выше находилось еще одно помещение, но свет лампы туда не достигал. Действуя мечом более осторожно, я расширил отверстие между пластами более твердых пород. Я аккуратно опускал на землю большие куски обсидиана. Вдруг один удар меча сразу освободил весть проем. Каменные прожилки рассыпались на части размером с кулак и огромный кусок освобожденного стекла выскользнул из стены и рухнул на пол. Осколки разлетелись во все стороны со скоростью шrapнели. Я отскочил назад и закрыл лицо руками.

Когда пыль улеглась, я опустил руки и заглянул через широкий проем в комнату с лестницей. Она была шириной в восемь футов, как и показывал халдей на моей карте. Я понятия не имел, как она могла оказаться в этой части лабиринта, где толщина стены составляла фута два, не больше.

Оставленная на полу лампа все еще горела. Я поднял ее и, освещая себе путь между кусками обсидиана, поднялся по лестнице. Лампа была круглая, не очень высокая, с плоским дном и двумя вмятинами, образовавшимися, когда я уронил ее в первую ночь. Горящий фитиль торчал из небольшого носика, а ручки не было. Она удобно лежала в моей ладони, становясь легче и горячее по мере выгорания масла. Масла оставалось совсем мало, лампа казалась почти пустой. Я держал ее на уровне глаз, освещая себе путь трепещущим огоньком.

Больше никаких препятствий не было. На лестнице я внимательно смотрел себе под ноги и поэтому не понял, пока не поднялся, что верхний зал заполнен людьми.

Они свободно стояли по обе стороны открытого прохода, но молчали и не смотрели в мою сторону, хотя невозможно было не заметить моего появления. Я крушил стекло с таким шумом, что мог разбудить и мертвого, но ни один из них не двинулся при моем появлении. Я

был как на ладони, но на меня никто не смотрел. Наконец я понял, что только пляшущие на стенах тени от лампы, дрожащей в моей руке, создают иллюзию дыхания этих существ. Здесь были только статуи.

Проходя мимо, я поражался их нереальному совершенству. Их кожа была местами светлее или темнее, но всегда безупречна, лица симметричны, глаза ясны. Ни одной зазубрины, отбитого пальца, выпавшего зрачка. Я мечтал прикоснуться с их идеальной коже, но не решился. Я остановился, чтобы приглядеться к шелковому плащу. Он был глубокого синего цвета с каймой, изображающей кудрявые волны. Человек, носивший его когда-то, был высок. Конечно, выше меня. И выше халдея. Вдали от прохода в глубине зала я заметил женщину в белом пеплуме. Теперь я мог узнать ее даже без свитка и пера и признательно улыбнулся ей.

То была Мойра, записывающая судьбы людей. Не удивительно, что она пришла в мои сны. Я взгляделся в ее безмятежное лицо и почему-то подумал, что теперь все тайны открыты. Оставив ее, я повернулся к алтарю, но обнаружил, что ошибся. Никакого алтаря не было.

Был трон с сидящей на нем статуей великой богини Гефестии. Ее платье было сшито из темно-красного бархата, казавшегося почти черным в складках и рубиновым на заломах. Ее волосы были собраны надо лбом золотой лентой с рубинами, концы ленты извивались по плечам.

На коленях у нее лежало небольшое блюдо с одним единственным камнем на гладкой, как отполированный хрусталь поверхности. Я шагнул вперед, собираясь взять камень. Бархатные складки чуть сдвинулись от легкого вздоха, и я замер, стоя с протянутой рукой. Сердце окаменело у меня в груди.

Это была не тщательно выполненная статуя Гефестии посреди толпы мраморных богов. Это была сама Великая Богиня в окружении своих подданных. Моя протянутая рука задрожала. Я услышал шелест ткани за спиной и, закрыв глаза, спросил себя, не идет ли ко мне Океан в синем плаще, чтобы смыть меня отсюда, как грязь.

Я приоткрыл один глаз и снова посмотрел на Великую Богиню. Она смотрела на меня бесстрастно, словно издалека, зная о моем присутствии, но равнодушная к нему. В зале раздался шелест голосов, но я не разобрал ни слова. Сбоку выступила вперед темная фигура. Я не видел его раньше, но сразу узнал. Его кожа не была черной, как у нимбианца. Скорее красно-коричневой, цвета обожженной глины, как изображения древних людей на стенах разрушенных дворцов на островах Срединного моря.

Волосы у него были темными, как у сводной сестры, но ее локоны отражали свет вспышками золота, а его были черными, как уголь. Его лицо было уже, а нос острее. На щеке остался маленький след от ожога, напоминающий перо голубя. Он был ниже других богов и одет в простую серую тунику.

— Ты еще не оскорбил богов, — Евгенидес, бог, который когда-то был смертным, наконец заговорил. — За исключением разве что Арактуса, призванного не допускать воров в святилище. Возьми камень.

Я не двигался. Покровитель воров подошел ближе. Он встал по правую руку от сестры и взял блюдо с ее колен.

— Возьми его, — повторил он.

В его словах звучал странный акцент, но его манера говорить не так уж сильно отличалась от моей. Уж халдей бы объяснил нам, чем отличается язык цивилизованного

мира от нашего. Я прекрасно понял приказ бога. Просто не мог пошевелиться. Может, у меня защемило нерв? Это было бы незначительным наказанием по сравнению с ударом молнии. Вера моего детства, впитанная с молоком матери, осталась моей религией навсегда. Мысль о краже чего-либо у Великой Богини приводила меня в такой ужас, что я не мог выйти из оцепенения.

В то же время повернуться и убежать я уже не мог. Я был немного удивлен тем, каким, оказывается, упрямым могу быть, но уйти без Дара я тоже не смел. Он слишком много для меня значил.

Издали слышался свист и шорох мелких камешков, означающих, что вода начала наполнять русло, но я оставался таким же неподвижным, как боги, которых я сначала принял за статуи. Двигались только мои глаза, когда я переводил их от маленького серого камешка к лицу Евгенидеса. Потом я подумал, что, если мне суждено умереть, я хотел бы совершить нечто, что мало кому из смертных удавалось, и я посмотрел в глаза Великой Богини, а она взглянула на меня. Этого было достаточно.

Сбросив оцепенение, я потянулся вперед и схватил камень с блюда. Теперь я мог повернуться и бежать. Журчание воды превратилось в рев. Я несся мимо бесстрастно наблюдающих богов к лестнице. Только один раз я поднял голову, чтобы посмотреть на Мойру, но она скрылась в толпе.

Добравшись до лестницы, я спрыгнул на две ступени вниз, споткнулся, и дальше летел кубарем. Я ударился о стену напротив лестницы, уронил лампу и даже не стал останавливаться, чтобы подобрать ее. После трех ночей в лабиринте она уже была не нужна. Цепляясь одной рукой за стену и сжимая Дар Хамиатеса в другой, я побежал дальше. Когда стена слева от меня закончилась, я повернул налево, затем направо, еще раз направо, снова налево и бросился к двери, под которую я недавно забил клин, но которая снова была закрыта.

Я представил себе, как Арактус шевелит пальцем, заставляя воду своим напором сдвинуть камень. Возможно, ему еще удастся получить меня. Вода, вытекающая через решетку у моих ног, поднялась на шесть дюймов. Сколько из воров утонули до меня на этом самом месте? Будут ли мои кости лежать в луже в дальнем конце лабиринта? Возвратится ли Дар Хамиатеса на хрустальное блюдо, будет ли восстановлена стеклянная дверь? Если бы я уронил свои инструменты в воду, то уже не смог бы найти их.

Вода за дверью стояла на уровне двенадцати дюймов и поднялась почти до двух футов, прежде чем я достиг следующего прохода. Я вскрыл замок и отступил, когда напор воды распахнул дверь. В мраморной комнате вода достигала пояса и целый водопад с шумом низвергался вниз через отверстия в потолке. Столб лунного света тянулся вверх, но в комнате было темно, как в лабиринте. Я осторожно пробрался вдоль стен до лестнице, поскользнулся, нырнул и плыл под водой пока не был прижат к каменной двери.

Я изо всех сил пытался перевернуться и глотнуть воздуха, но река безжалостно прижимала меня спиной к двери, держа головой вниз. Я шарил руками, но не мог найти никакой опоры, чтобы переместить мое тело против течения воды. Пузырьки воздуха щекотали лицо, а я задыхался. Темнота, черней самого глубокого омута, стремительно затягивала меня в свою бездну.

Глава 10

Когда я очнулся, солнце уже поднялось и воздух нагрелся. Я лежал на песчаном берегу Арактуса, но ноги омывала вода. Река приподняла их и осторожно потянула, но не так, словно все еще надеялась поглотить меня. Арактус мирно струился между берегов и, казалось, уже не сердился на меня за кражу Дара Хамиатеса. По крайней мере, я так подумал, когда открыл глаза. Через несколько секунд мне в голову пришли более разумные вопросы. Если я в последнюю ночь пытался бежать из лабиринта и чуть не утонул в нем, то не померещилось ли мне в бреду все остальное: обсидиановая дверь, боги, Дар Хамиатеса? Все эти фантазии прекрасно вписывались в сон, который я видел в предыдущие дни. Я подумал, неужели я мог так хорошо вообразить себе плащ Океана, что даже почувствовал мягкость упругого шелка. При этом воспоминании мои пальцы коснулись друг друга, и я посмотрел вниз, чтобы посмотреть на предмет, зажатый в ладони. То, что я вынес из лабиринта было обычным серым с белыми пятнышками камешком. Я обхватил его обеими руками и возблагодарил Гефестию и Евгенидеса, Океана и Мойру, Арактуса и каждого бога и богиню, которых мог вспомнить.

Потом я выполз из реки и поплелся на сухой песок, чтобы поспать еще. Там и нашли меня халдей, Пол и Софос. Они увидели створку каменной двери, лежащую в прозрачной воде под водопадом и пошли со своими сумками вниз по течению, чтобы найти мое тело и достойно похоронить его перед возвращением домой. Я проснулся и обнаружил, что они стоят вокруг меня.

— Ну, — сказал халдей, когда я перевернулся, — По крайней мере, одна хорошая новость. — когда я сел, он склонился надо мной. — Большое облегчение для моей совести узнать, что ты не утонул, Ген. — он неловко похлопал меня по плечу. — Мы живы, ты жив, так что эта экспедиция закончилась лучше большинства предыдущих. Если мы не смогли найти Дар Хамиатеса, значит, его нашел кто-то раньше нас, или, может быть, его там вообще не было.

Я собирался немного потрепать ему нервы ожиданием, но его голос звучал так мрачно, что, сам того не желая, я протянул руку и раскрыл кулак, чтобы он мог увидеть Дар на моей ладони. Казалось, его колени ослабели, он присел рядом со мной на корточки с приоткрытым ртом. Я улыбнулся его удивлению и моей радости и был всерьез озадачен, когда он обнял меня за плечи; обнял как сына или, по крайней мере, близкого родственника.

— Ты неподражаем, Ген. Я прикажу вырезать твое имя на стене базилики, обещаю.

Я громко расхохотался.

— Где он был?

Я рассказал ему об обсидиановой двери и лестнице в тронный зал, но кое-что утаил. Когда пришло время упомянуть богов, я пропустил эту часть рассказа. Мне казалось, я не вправе говорить о них при свете дня с людьми, которые в них не верят и, может быть, будут смеяться. Если халдей и заметил мое смущение, он ничего не сказал.

— Река сошла, как ты и предсказывал, — сказал он мне. — И ударила в наш старый

лагерь. Так что мы обязаны тебе и нашими жизнями тоже, не только за это. — он посмотрел на камень в своей руке.

— Это действительно он? — спросил Софос. — Откуда вы знаете?

Халдей перевернул камень и показал нам вырезанную на нем надпись — четыре древних символа, означающие имя Хамиатеса.

— Но ведь это простой серый камень, — сказал Софос.

— Ты сомневаешься? — спросил я.

— Нет, — кажется, он все-таки сомневался. — Я только не понимаю, почему вы все так уверены.

— В других сказках, — сказал я Софосу, — когда Гефестия решила вознаградить Хамиатеса, она взяла из ручья самый обычный камень и окунула его в воду бессмертия.

— Значит, это простой камень? — решил уточнить зануда.

— Не совсем, — ответил халдей. — Посмотри внимательнее на надпись.

Он передал камень мне. Я подкинул Дар на ладони. Это был гладкий овальный камень, достаточно увесистый, чтобы пульнуть им из рогатки. Но я присмотрелся к буквам и увидел голубой блеск в глубине насечек.

— Это сапфир, — сказал я. — Если не целиком, то наполовину, по крайней мере.

Я повертел камешек в руках, осмотрел сверху и снизу, заглянул в дырку для шнура и обнаружил в том месте, где вода сточила каменную оболочку, несколько синих пятен.

— В свитках жрецов Эддиса существует его описание, — сказал халдей. — Всякий раз, когда кто-то заявлял о находке камня, верховный жрец сравнивал его с древними записями. Никто, кроме жреца, не имел права прочитать описание, и никто не предоставил достоверную подделку. Наверное, такого богатого и могущественного человека, как верховный жрец, подкупить невозможно.

— Или его уже успели подкупить те, кто не хочет делиться властью, — предположил я.

— Но вам знакомо это описание? — спросил Софос у халдея.

— Да.

— Каким образом? — удивился я.

— Мой предшественник побывал в гостях у верховного жреца, когда был отправлен послом в Эддис. Он подсыпал сонного зелья в вино, и пока жрец лежал без сознания, осмотрел его библиотеку. Тогда он не считал, что описание камня ему очень пригодится, но после его исчезновения я нашел в его дневнике запись об этом маленьком происшествии.

Маленьком? Маленьком, блин?! Я вздрогнул при мысли об отравлении жреца. Да за такое преступление предшественник халдея летел бы со скалы ласточкой.

— Ты весь промок, Ген, — сказал халдей, не понимая причину моей дрожи. — Возьми в мешке сухую одежду и что-нибудь поесть. Потом, если соберешься с силами, я хотел бы пройти хотя бы часть пути по антиутопии. Все остальные наши продукты у Амбиадеса.

* * *

В общем, я съел последний кусок вяленого мяса. Хлеба не было. Софос наполнил чашку речной водой, но я отставил ее в сторону, чтобы ил осел на дно. Я снова потерял свой шнурок из косы и попросил у Пола обрывок какой-нибудь веревки. Он предложил мне два кожаных ремешка, один длиннее, другой короче. Я перевязал косу длинным, а короткий

припрятал, чтобы использовать позже.

Наконец мы двинулись в обратный путь через антиутопию, халдей нес Дар Хамиатеса на шее. Камень ушел от меня в новые руки всего через несколько часов после того, как я украд его. Когда солнце поднялось в зенит, мы забрались в тень накренившейся скалы и проспали несколько часов.

К опушке оливковой рощи мы подошли, когда солнце уже садилось, но до лагеря, где мы оставили Амбиадеса, оставалось еще не меньше мили. Пока мы шли на юг, небо еще оставалось светлым, но в роще стемнело. В темноте мы увидели высокий костер, разведенный Амбиадесом. Халдей покачал головой.

— Его можно заметить за пятьдесят миль.

Он послал Пола вперед, чтобы погасить огонь, или хотя бы уменьшить его, так что когда мы с Софосом и халдеем выступили из темноты, Амбиадес успел оправиться от первого шока. Похоже, он не ожидал увидеть нас живыми.

— Я думал, вы погибли, — сказал он.

Он не признался, что развел огонь, чтобы развеять страх перед нашими призраками, бредущими к нему через антиутопию. Пока нас не было, он сожрал большую часть провизии, но халдей избавил его от нотаций, и мы разошлись по своим одеялам спать. Я не стал просыпаться, чтобы проверить, сторожат меня или нет, и не пошевелился до тех пор, пока не поднялось солнце и не раздался шелест шагов Амбиадеса, убирающего наш лагерь от мусора, который он сам же и раскидал вокруг.

На завтрак не было ничего. Халдей собирался ехать вниз вдоль опушки Елеонского моря, пока мы не доберемся до ближайшего города, чтобы купить еду для себя и немного овса для лошадей.

— Домой мы поедем более прямой дорогой. Теперь, когда у нас есть Дар, нам лучше пошевеливаться и не зевать, — сказал он.

Лошадей эта новость должна была обрадовать так же, как меня перспектива свежей пищи. Здешняя сухая трава была слишком скудным выпасом для бедной скотины. Мы собрались и поехали обратно сквозь оливы, пока не выехали к заросшему травой проселку, который вел к далекой Сеперхи.

Дорога нырнула в широкий и мелкий ручей. Когда наши лошади ступили в воду, нам навстречу из-за группы сухих дубов выскочило несколько всадников. Они прятались за кустами ежевики. Я заметил, что все они держат в руках мечи. Ждать новых открытий не имело смысла.

Мы с халдеем ехали колено к колену впереди всех. Я хлестнул свою лошадь уздечкой, и она шарахнулась в сторону, столкнувшись с лошадьё-вожаком. На мгновение я оперся о плечо халдея, затем поднял коня на дыбы, развернулся и, изо всех сил колотя пятками по бокам, погнал назад под защиту деревьев. Когда над моей головой проплыла низко растущая большая ветка, я схватился за нее обеими руками и подтянулся вверх.

К тому времени, как я в безопасности устроился на дереве, Пол и халдей уже всю махали мечами, а один из нападавших лежал в ручье и не шевелился. Халдей оказался таким же ловким фехтовальщиком, как Пол. Они дружно отбивались от трех оставшихся бандитов. Софос замешкался позади, повернувшись в седле спиной к бою, он пытался выдернуть меч из-под крышки седельной сумки. Амбиадес занимался тем же, но успел предусмотрительно отъехать в сторону подальше от опасности. Похоже, Софос не догадывался, как близко он находился от мелькающих клинков.

Я позвал его по имени, но мальчик не услышал меня; я понял, что мой голос тонет в криках Пола и халдея, которые приказывали ему бросить меч и лезть на дерево. Пол атаковал одного из бандитов, оставив халдея обороняться от двоих, и Софос все еще не осознал опасности. Все его внимание было приковано к мечу, зацепившемуся за пряжку сумки.

Ругаясь на чем свет стоит, я встал на своей ветке и побежал вдоль нее. Я упал на живот и, цепляясь за более тонкие ветви, свесился вниз. Мне удалось дотянуться только до головы Софоса. Я схватил его за волосы и дернул, в то время как один из всадников проскользнул между Полом и халдеем. Софос свалился с седла лицом вниз, чуть не прихватив меня с собой. Он приземлился в грязь у ног лошади и, если бы остался там, то был бы в безопасности. Но он с трудом поднялся на ноги и поднял руку с мечом. Когда проклятая лошадь отошла в сторону, Софос остался стоять и с открытым ртом глядел на поднимающего клинок противника.

Я зажмурился, но в последний момент он успел переместить свой вес и отразить удар, направленный ему в голову. Его возвращение в защитную позицию было медленным, и не знаю, как бы он успел защититься во второй раз, но ему не пришлось ничего делать. Когда я открыл глаза, Пол сунул меч в грудь нападавшего почти по самую рукоять. Человек крикнул, мгновение повисел на клинке и соскользнул в воду. На противоположном берегу ручья лицом вниз лежал еще один, а халдей уже добивал своего противника.

Я заставил себя выпрямиться на ветке и вернулся к стволу дерева. Лошади, освобожденные от седоков, выбрались из мутного потока. Когда под их копытами захрустел гравий, они остановились, испуганно глядя на нас. Халдей спросил Софоса, не ранен ли он.

— Нет, я в порядке.

— Хорошо. Амбиадес?

— Я в порядке.

— Пол?

— Ничего серьезного. — он смывал кровь из царапины чуть выше локтя.

— И Ген? Я вижу, ты нашел лучшее место в амфитеатре, пока мы были заняты.

Я открыл было рот, чтобы напомнить, что у меня нет меча для защиты, не то я не полез бы на дерево, но вместо этого я еще шире открыл рот и выпучил глаза, в ужасе глядя на него. Наверное, я стал похож на горгулью, ^[8] потому что халдей машинально поднял руку, чтобы ощупать свою грудь в поисках раны. Рука коснулась ямки между ключицами. Он побледнел. Дар Хамиатеса исчез. Халдей смотрел на аккуратно разрезанный кожаный ремешок, оставшийся лежать у него на плече. Он недоверчиво провел по нему пальцами, а потом стал отчаянно ощупывать складки одежды. Он проверил седло и потник, прежде чем спрыгнул с коня и побрел к ручью, проклиная все вокруг.

Пол с Софосом последовали за ним, но в воде поднялось слишком много мути. Не было видно ничего.

— Что случилось? — крикнул Амбиадес с берега.

Он один еще сидел в седле.

— Камень, проклятый камень, — сказал халдей. — Я потерял его в бою. Кто, черт побери, эти люди? — воскликнул он, пиная тело, лежащее ближе к берегу.

— Они все мертвы? — спросил Амбиадес.

— Да, все. Иди сюда и помоги мне с этим.

Они вытащили трупы из воды, в то время как я, забытый всеми, сидел на дереве. Я

тщательно расчесал мои волосы и смотрел. Когда мертвецы рядом лежали на берегу, халдей вспомнил про меня.

— Спускайся и помоги искать, — сказал он.

Он немного пришел в себя и просил довольно вежливо. Я неохотно спрыгнул вниз и обошел трупы. Солдаты царицы Аттолии. Один из них был в чине лейтенанта. Молодой, и выглядел еще моложе с волосами, прилипшими ко лбу и бусинками капель на лице. Он повел всадников в атаку на нас, не ожидая, что приведет их на острие меча Пола. Мундир лейтенанта промок от крови и воды, а на плече прилипло несколько белых листочков, похожих на перышки. Я зачерпнул из ручья и тер ладонью ткань, пока не смыл листья. Вода была холодной, немного пролилось на шею и осталось в ямке между ключицами, но он не возражал. Все же он не заслуживал того, чтобы отправиться в царство смерти, отмеченным символом трусости.

Когда цвет мундира на плече сравнялся со всей остальной тканью, я выпрямился и заметил, что Пол смотрит на меня. Я пожал плечами и вытер руки о штаны, но вся моя одежда была покрыта пылью, так что руки в конечном итоге стали не только мокрыми, но и грязными.

* * *

Мы оставили тела лежать на берегу, а халдей организовал поиск Дара Хамиатеса. После того, как грязь в ручье осела, он заставил нас выстроиться цепочкой поперек потока чуть ниже места схватки. Преодолевая течение, мы продвигались вверх, пока он не убедился, что мы подошли к месту, где мог быть потерян камень.

Здесь течение было не настолько сильным, чтобы далеко унести камень, но наш Дар ничем не отличался от тысяч других камней, устилавших русло ручья. Только мы с халдеем держали камень в руках. Амбиадес даже не видел его. Мы уже четверть часа бродили по ручью, глядя на гальку под ногами, когда Пол заговорил:

— Он пропал, халдей. — остальные продолжали обыскивать дно. — Халдей!

Пол повторил боле уверенно, и на этот раз все подняли головы. Мы с Софосом и Амбиадесом дружно переводили взгляд с халдея на его солдата.

— Да, — наконец согласился халдей после долгой молчаливой паузы. — Нам надо ехать. Амбиадес, разыщи лошадей и приведи их к берегу. Заодно посмотри, Софос, нет ли рядом других лошадей. Мы должны привязать их. Если там есть седельные сумки, проверь, нет ли в них еды.

Три солдатских лошади стояли рядом с нашими, но четвертая сбежала, наверное, обратно в лагерь.

— У нас нет времени ее ловить, — сказал халдей. — Мы должны уходить как можно скорее. — он сел в седло и в последний раз оглянулся на поток. — Поверить не могу, — сказал он.

Я наблюдал за ним, пока мне стало не по себе, и тогда я отвернулся, как Софос, Амбиадес и Пол. Мы владели камнем всего один день и потеряли его. Наверное, я должен был быть доволен. Пять дней назад мне было приятно представлять, как он вернется к царю Суниса и сообщит, что его карта бита. Но сейчас эта мысль меня совсем не радовала. Может быть, потому, сказал я себе, что я весь промок и перепачкался в глине. Или, может быть, я

боялся солдат, которые очень скоро могут обнаружить, что их лейтенант с тремя товарищами убит.

— Все в порядке, — наконец сказал халдей. — Все в порядке. Едем.

Но он все не отворачивал лошадь от ручья. Издалека мы слышали ржание. Сбежавшая лошадь была найдена, но халдей медлил, не желая сдаваться. Он оглядел переправу и деревья вокруг, словно запоминал ориентиры, собираясь вернуться и продолжить поиски. Мое беспокойство передалось лошади, она тянула уздечку и топталась на месте.

Наконец халдей заставил себя отъехать прочь от берега. Мы развернули лошадей в сторону дороги и пустили их в галоп. Ехавший рядом со мной халдей все еще выглядел ошеломленным. Не знаю, о чем думали другие, но я сосредоточился на езде. Был неподходящий момент, чтобы отставать или, того хуже, свалиться с седла.

Покрыв довольно приличное расстояние, мы свернули в рощу и почти час ехали медленнее, пока не выбрались к другой дороге.

— Они выследят нас, — сказал Софос, глядя через плечо.

— Тогда сражаться придется всем, — ответил халдей. Я повернул голову, чтобы посмотреть на него. Его голос звучал почти весело. Он почти улыбался. — Немного опасности добавляет остроты жизни, Ген, — сказал он мне.

Я выглядел настолько ошеломленным, что он решил дать объяснения:

— У меня было время подумать. Сам камень не имеет значения. Теперь, когда мы видели его своими глазами, а так же располагая его описанием и зная, что никто не сможет предьявить оригинал, мы можем изготовить копию.

Я не понимал, как можно было держать Дар Хамиатеса в руках, а потом говорить, что его потеря не важна. Я был уверен, что молния поразит святотатца прямо у нас на глазах.

— А что насчет волшебной силы камня? — решил намекнуть я.

— Достаточно просто смотреть на него и верить, что это тот самый Дар Хамиатеса.

Мы все вспомнили, что чувствовали на берегу Арактуса, глядя на камень. Но халдей, похоже, был уверен в себе.

— Это всего лишь суеверие, — решительно сказал он. — Мы все устроим. Мы отличнс справимся.

Вся моя работу псу под хвост. Он, видите ли, справится. Я стиснул зубы. Халдей повернулся, чтобы поговорить с Полом:

— Мы поедем по этой дороге до главного тракта. Если они не видели нас, мы затеряемся среди путешественников. Если нас догонят, мы спрячемся среди олив и постараемся чаще пользоваться проселками.

— А что насчет пожрать? — спросил я.

Мой тон уязвил его.

— Думаю, мы постараемся добыть что-нибудь сегодня в Пирее, — неопределенно ответил он.

— Сегодня?

Мое раздражение мешало ему радоваться.

— Мне очень жаль, — рявкнул он, — Но я не могу достать для тебя еду с неба.

— Ты и в Пирее ничего не достанешь, — подходящий момент, чтобы перейти на «ты». — Ты что, собираешься стучать во все двери и говорить: простите, мы тут прикончили четырех царских солдат, извините, нас ищут по всем дорогам, а теперь мы хотим кушать? Не продадите ли несколько буханок хлеба и вяленой говядины, пожалуйста?

— И что ты предлагаешь, оракул подзаборный?

— Полагаю, что ты должен был запастись едой на все время гастролей нашего веселого цирка. Кроме того, следовало оставить Никчемного Старшего и его младшего братца дома!

— Он мне не брат! — обиделся Амбиадес.

— А это, — прорычал я ему, — Была фигура речи. А теперь заткнись. — он, как ужаленный, вскочил в седло. Я повернулся к халдею. — Как вы предлагаете добыть пищу?

Я выпустил пар и решил снова стать вежливым, а у халдея было достаточно времени, чтобы прийти к очевидному решению.

— Ты, — сказал он, — Пойдешь и украдешь ее.

Я развел руками.

* * *

Пирея была старым городом. Как и многие другие города, он выплескивался за пределы старых крепостных стен и был окружен полями и фермами. Я шел через огороды, собирая все, что мог нашарить в темноте. Добычу я сбрасывал в мешок, взятый в сарае на первом огороде.

Когда я подошел слишком близко к овчарне, ее обитатели заблеяли на меня. Но так как никто не вышел проверить их, я подкрался ближе и стянул две крынки козьего молока с полки в погребе. Пить мне хотелось не меньше, чем есть, поэтому я выпил одну крынку до дна и рассмотрел возможность осторожно обшарить чужую кухню в поисках остатков хлеба. Черствый хлеб не стоил риска, зато мне удалось пролезть в курятник около большого дома и свернуть шею трем курам. Я бросил их во второй мешок и смылся из города.

Халдей вместе с остальными спутниками ждали меня на дальней стороне лукового поля. Конечно, я не был заинтересован рисковать ради них своей шеей. За время нашего пути пришлось выслушать немало взаимных обвинений в бесполезности. Амбиадесу не понравилось, когда я предложил оставить его дома. Я напомнил, что у брода от него не было никакой помощи. Он заметил, что я залез на дерево. Я указал на тот факт, что мне не дали меча. Он предложил отдать мне свой. 1:0.

Расставаясь со мной в редкой рощице миндальных деревьев, халдей предупредил, что дает мне час. Если я не вернусь к указанному времени, он выйдет на центральную площадь города и будет кричать «Держите вора!» во всю силу своих легких. В темноте он не мог разглядеть презрения на моем лице, но услышал его в моем голосе.

— Будьте уверены. Я начну кричать: «Убийцы, убийцы!».

Его ответ был направлен в мою удаляющуюся спину:

— Я позабочусь, чтобы на плаху мы пошли вместе.

Вот такие мы неразлучные друзья.

* * *

Все с сожалением посмотрели на кур, когда халдей заявил, что готовить их нет времени. Пол привязал их к седлу, и мы направились в темноту, грызя на ходу сырые овощи и сплевывая хрустевший на зубах песок.

— На главной дороге есть указатель на конюшню в Калии, — сказал халдей. — Там мы сможем украсть свежих лошадей.

Я подавился шпинатом.

— Что мы можем сделать? Что-о-о-о?

— До нее часа два езды, если пришпорить лошадей. — он ехал вперед, не обращая внимание на мои слова. — Мы сможем найти место для лагеря у дороги и поспать пару часов. Пол пожарит кур, а ты приведешь лошадей. Мы оторвемся от погони, когда съедем с главного тракта и свернем в сторону прохода к Эддису. Они не будут нас там искать.

— Вы собираетесь возвращаться домой той же дорогой? Почему бы просто не проехать через большой перевал? — спросил Амбиадес. — Это ближе, не так ли? А в Эддисе мы уже окажемся на нейтральной территории.

— Добравшись до Калии, мы будем ближе к большому перевалу, — согласился халдей. — Но если они перекроют все дороги, сомневаюсь, что нам удастся проскочить домой. Перевал окружен открытыми полями, там все как на ладони. Кроме того, они не ожидают, что мы сократим дорогу внутри страны, так что сможем выиграть дополнительное время.

— Я думаю, что идти через большой перевал будет лучше, — нерешительно повторил Амбиадес, давая халдею последний шанс.

— Думать не твоя забота, — отрезал халдей.

Амбиадес покачал головой, и я подумал, что он собирается сказать что-то еще, но он этого не сделал.

— Насчет лошадей... — напомнил я.

— Ты сделаешь все возможное, Ген, — сказал халдей. — И если ты можешь не все, мы пропали.

— Пойдем на плаху вместе, — проворчал я. — Помню, помню.

Никто больше не сказал ни слова, пока мы не остановились у дороги недалеко от Калии. Халдей был полон надежд, как никогда. Пол, казалось, был полностью поглощен ощипыванием кур, а Софос знал недостаточно, чтобы бояться. Один Амбиадес дергался, как кошка на раскаленной крыше. Софос было забыл, что разочаровался в своем кумире и попытался заговорить с ним, когда расседлывал лошадей, но Амбиадес не ответил ему.

Пол разжег огонь в каменном кольце и начал резать кур на куски. Место для костра представляло из себя цепочку камней, бок о бок уложенных на песке кругом. На дорогах за пределами больших городов они были устроены на расстоянии пятидесяти ярдов друг от друга и предназначались для торговцев и путешественников, которых ночь застала в пути. Вблизи от нас разбили лагерь несколько небольших компаний с одной или двумя телегами. Ночь стояла теплая, так что палатки никто не ставил. Чуть дальше я заметил нескольких солдат, но на нас они не смотрели.

Все, кроме Пола, улеглись спать. Халдей разбудил меня раньше, чем проснулись остальные, и дал мне тщательные инструкции, как пройти через город к наемной конюшне у противоположных ворот.

— Веди лошадей туда. Пол будет вас ждать. Остальные выйдут к дороге с седлами.

Он казался беззаботным, как Софос, но у него не было причин для безмятежности, как у Никчемного Младшего.

— А вам не приходило в голову, что это невозможно? — поинтересовался я.

— Ты говорил, что ты можешь украсть что угодно.

Он хлопнул меня по плечу и подтолкнул к дороге.

— Что угодно... — прошипел я на ходу. — Мало ли что я говорил.

Луна висела над верхушками деревьев и было еще достаточно светло, чтобы не сбиться с дороги. Приблизившись к городу, я сразу увидел ворота, освещенные горящими фонарями. Створки были открыты. Вероятно, их не закрывали в течение многих лет, но под аркой должен был сидеть сторож. Как раз для наблюдения за подозрительными людьми вроде меня.

Я не смог придумать благовидного предлога для посещения города в такой поздний час, и чтобы избежать проблем, обошел ворота стороной и перебрался через стену вне поля зрения охранника. Я спрыгнул в чей-то двор, затем недолго шел узкой дорожкой между домами, пока не вышел на широкую улицу, которую, как я надеялся, халдей упоминал в своем наставлении.

Я быстро шел через пустые перекрестки, страшась услышать звук шагов за спиной, но никого не встретил. Улица действительно вела к конюшне и гостинице рядом с ней. Конечно, оба заведения были закрыты на ночь. Я снова прислушался и когда не услышал ни звука, толкнул створку ворот, слегка приподняв ее, чтобы не царапала землю. Открытая створка вписывалась в зазор между плитами двора таким образом, что ворота не смогли бы закрыться самостоятельно.

Заглянув в конюшню, я увидел, что конюх спал в дальнем конце коридора. Определенно, мне везло. Он не просто крепко спал, но валявшаяся рядом пустая бутылка указывала, что парень хорошо набрался. Я снял пять уздечек с крюка над его головой и скользнул вдоль денников, заглядывая в каждый. Лошади спали. Я выбрал пять из них, которых посчитал кобылами, и шепотом разбудил их. Накинув всем уздечки, я осторожно, стараясь не скрипеть, открыл двери денников, начиная в самого дальнего от входа. Лошади сами поднялись на ноги. Озадаченные, что их беспокоят в такой неурочный час, они фыркали, но недостаточно громко, чтобы разбудить конюха.

Когда все двери на выход были открыты, я вернулся к выбранной мной пятерке и повел наружу первую из лошадок. Проходя мимо второго стойла, я дернул уздечку, тогда вторая лошадь вышла в коридор и послушно пошла за нами. Другие проделали то же самое. Вскоре все пятеро шли друг за другом, а остающиеся дома лошади высовывали из денников любопытные носы, интересуясь происходящим.

У двери конюшни я окинул взглядом мощный камень двор, где стук лошадиных копыт грозил мне разоблачением и гибелью. Я посмотрел на спящего конюха. Он может проснуться от шума, если только не был слишком пьян; впрочем не было никакой возможности узнать, сколько он уже успел принять огненной воды. Осторожность подсказывала одно очевидное решение, но я был вором, а не убийцей.

* * *

Я быстро послал молитву богу воров, чтобы лошади молчали, а конюх оказался пьян; потом быстро собрал концы уздечек, чтобы держать в руках все пять, и вышел наружу. Тишина была настолько глубокой, что я оглянулся проверить, что лошади действительно идут за мной. Мне не приходило в голову, что молчаливые боги, которых я видел в храме, еще не утратили ко мне интереса. Я чуть не столкнулся с кобылой за моей спиной. Она

удивленно вскинула голову, но не зашумела. Я сделал шаг вперед, и она последовала за мной. Подкованные железом копыта ступали на каменные плиты совершенно беззвучно. Остальные лошади шли так же тихо.

Подозревая, что внезапно поражен глухотой, я вышел со двора. Мои кобылы шли из конюшни друг за другом. Мы выскользнули со двора и словно призраки поплыли вниз по улице. Когда конюх проснется, ему придется обыскать весь город, прежде чем узнать, что пять его подопечных пропали без вести.

Под городскими воротами я нашел Пола, стоящего над телом сторожа.

— Ты убил его? — мои губы произносили слова без единого звука.

Пол покачал головой. Охранник спал так же крепко, как конюх. Пол взял четырех лошадей, по две уздечки в каждую руку, оставив мне только одну, и повел их по траве вдоль дороги, между домов, а затем через поле. Мы подошли к группе деревьев, где ждали нас трое остальных.

— Неприятности были? — спросил халдей, разрывая заговор молчания.

Я покачал головой.

— Нет, — ответил я. — Никаких проблем.

Кроме разве что желания скорее избавиться от внимания богов. Софос принял у меня из рук уздечку и отвел лошадь в сторону, чтобы оседлать. Пол спросил:

— Ты в порядке? — я кивнул головой. Он коснулся моего локтя и заметил, что я дрожу всем телом. — Ты уверен?

Я снова кивнул. Как я мог объяснить, что не привык к ответу богов на мои молитвы? Молчание лошадей напугало меня больше, чем ожившие боги в храме. Может быть потому, что лошади были частью моего мира, а храм казался чем-то отдельным от жизни. Я не знал. Впервые за долгое время Полу пришлось подтолкнуть меня в седло.

Мы были в часе езды от Калии, когда похолодало, сырой ветер дунул мне в спину, и я приподнялся на стременах, чтобы послушать как гудит в ночи церковный колокол.

— Что это? — спросил Амбиадес, когда все остальные тоже остановились.

Может быть, Арактус еще выполняет свою работу, подумал я.

— Конюх проснулся, — я пустил кобылу галопом.

* * *

К утру мы уже почти покрыли расстояние до горной тропы. Лошади выдохлись, а наши преследователи были так близко, что дважды мы видели их вдаль на прямых участках дороги. Должно быть, город послал нам вдогонку половину гарнизона. Въехал в оливковую рощу, мы потеряли солдат из вида, но они, тем не менее, следовали за нами.

Петляя в темноте между деревьями, мы ехали немного быстрее, чем наши преследователи, но только потому, что мы знали, куда едем, а они нет.

Гора была настолько крутой, что возникла перед нами совершенно неожиданно, как только мы выехали из-за деревьев. Солнце уходило за кромку заваленного обломками скал склона. Халдей остановил лошадь и спешился.

— Не многие люди знают о тропе. Если мы успеем спрятаться среди скал, прежде чем они увидят нас, они даже не узнают, где мы прошли.

— Эддис начинается уже здесь? Мы будем уже на нейтральной территории? — спросил

Софос.

— Только если эддисийцы согласятся нас принять, — ответил халдей и ударил его лошадь хлыстом, посылая ее вниз по тропе между деревьями и подножием горы.

За ней последовали остальные лошади.

— Вперед, — скомандовал он.

— Дальше без меня, — заявил я, собираясь найти безопасное укрытие, чтобы переждать, пока облава не пройдет мимо.

Мне пришло время идти своим путем. Избавившись от преследования, халдей с Полом могут вспомнить о моем возвращении в царскую тюрьму, но ни тюрьма, ни Сунис в мои планы не входили.

Халдей удивился. А потом разозлился.

— Ты это о чем?

— Я не хочу ни в тюрьму, ни на серебряные рудники, ни в какую другую дыру в земле. Попытаю удачи в Аттолии.

— Ты думал, я отправлю тебя обратно в тюрьму? — изумился халдей.

— Вы думаете, так я вам и поверил? — мои слова были несправедливы.

Он не давал мне повода к недоверию, но все вспомнили о моих словах насчет ножика в спину.

— Аттолийцы обязательно убьют тебя, — сказал он. — Только более болезненным способом.

— Они будут слишком заняты, догоняя вас.

Халдей посмотрел себе под ноги.

— Не надо терять времени на уговоры, — заметил я.

Он поднял руки.

— Отлично! — проревел он. — Иди и умри под мечами аттолийцев. Пусть тебя затопчут, зарежут, повесят — мне все равно. Проведешь остаток жизни в подземной тюрьме. Это, конечно, приятнее, чем идти со мной.

Я вздохнул. Я не собирался его обидеть.

— Оставьте мне меч, — сказал я неосторожно. — Постараюсь их задержать.

Я чуть не откусил собственный язык, но халдей не принял мое предложение. Он недоверчиво фыркнул и отвернулся. Остальные последовали за ним, но Софос вернулся после нескольких неуверенных шагов. Он неловко освободил свой меч из ножен и протянул его мне рукоятью вперед.

— Ты сможешь воспользоваться им лучше меня, — честно объяснил он.

Это был ученический меч, легче любого обычного, но лучше, чем ничего. Я взял его чуть ниже рукояти и поднял над головой в прощальном приветствии, прежде чем мальчик повернулся и поспешил за халдеем, который обернулся в последний раз, фыркнул и исчез среди больших валунов.

Я выбрал ближайшую скалу и вскарабкался вверх по ее склону. Добравшись до вершины, я оказался выше уровня глаз любого всадника, так что это был тайник, не хуже прочих. Любой преследователь промчится мимо, не заметив меня, если я, конечно, не свалюсь ему на голову, размахивая мечом.

Я не мог понять, зачем предложил халдею эту глупость. В тюрьме я поклялся всеми богами, что больше не буду вмешиваться ни в какие авантюры. Конечно, тогда я не очень верил в богов, но почему я должен был беспокоиться, что станет с халдеем и его учениками?

Я провел десять минут, потев от усилий и стараясь вспомнить все причины не любить халдея, а так же пытаясь изгнать из головы ужасный образ его обезглавленного тела.

Раздался стук копыт, и в нескольких сотнях ярдов из-за деревьев появились аттолийцы. Они немного задержались, чтобы рассмотреть отпечатки копыт, ведущих к главной дороге, но почти сразу галопом направились к секретной тропе халдея. Это не был калийский гарнизон; я уже встречал раньше таких солдат, одетых в цвета царской гвардии. Когда они проезжали подо мной, я еще раз сказал себе, что единственно разумным поступком будет подождать, пока они проедут, а потом соскользнуть вниз по противоположной стороне скалы и скрыться в лесу.

После чего я спрыгнул на плечи второго всадника. Остальные лошади двигались слишком быстро, чтобы остановиться, и упав на землю вместе с аттолийцем, я видел, как копыта взрывают землю в паре дюймов от кончика моего носа.

Аттолиец с трудом подмял меня под себя, как раз вовремя, чтобы попасть под удар следующей пары копыт. Лошадь начала падать, а я на четвереньках отполз в сторону, волоча за собой меч Софоса. Я не собирался тратить время на солдата или лошадь. Я вскочил на ноги и побежал.

В оливковой роще я мог передвигаться быстрее, чем люди на лошадях, и я был впереди своих преследователей. Я летел к группе дубов, которые видел с горы десять дней назад. Их ветки низко простирались над землей, и я рассчитывал, что их густая листва позволит мне спрятаться. Без собак у солдат оставалось мало шансов обнаружить меня, я мог дожидаться ночи, а потом улизнуть от них под покровом темноты.

Темная масса дубовых деревьев уже была видна между стволов олив, и я начал притормаживать, выбирая лучшую ветку, чтобы нырнуть в древесную крону, когда второй отряд всадников выскочил из засады и двинулся мне наперерез. Понимая, что не смогу их обогнать, я решил вернуться к горе в надежде спрятаться между скал.

Если я смогу забраться на большой валун, а у них не окажется арбалетов, или боги заколдуют их оружие, я смогу уйти или, по крайней мере, не буду убит в горячке преследования.

Я летел по пыльной земле под оливами, а какая-то часть меня, наиболее разумная, наверное, успела отметить, что силы вернулись ко мне после царской тюрьмы. Я успел сделать это приятное открытие, когда всадники догнали меня, прежде чем я добрался до скалы.

Лошади мчались прямо на меня, и мне приходилось крутиться волчком, чтобы не попасть под их копыта. Лошади были везде, они визжали. Казалось, весь мир с визгом мчится на меня.

Глава 11

Я услышал, как повернулся ключ в дверном замке, охранники открыли дверь камеры и втокнули внутрь халдея. Не поворачивая головы, я заметил в дверном проеме его силуэт и Софоса рядом с ним. После того, как дверь была закрыта и заперта, в камере опять стало темно. Я лежал спокойно и надеялся, что он не увидит меня.

— Учитель? — прошептал Софос.

— Да, вижу, — ответил халдей, и мои надежды увяли.

Я слышал, как он приближается ко мне короткими осторожными шагами. Подойдя близко, он присел на корточки и протянул руки вперед. Одна из них коснулась моей ноги, затем рукава и спустилась к запястью; наконец он быстро коснулся моей руки, чтобы проверить, был ли я живым и теплым или мертвым и остывшим.

— Он жив, — сказал халдей Софосу, положив ладонь на мои пальцы и сжимая их.

Кажется, он пытался меня утешить.

— Ген, ты меня слышишь? — прошептал он.

— Отойди.

В темноте он нашел мое лицо и откинул волосы со лба. Очень нежный жест.

— Ген, я должен перед тобой извиниться. Прости меня.

Я не ответил. Только несколько минут назад я вынырнул из омута боли, полностью поглотившего меня. Мне не нужны были его извинения.

Софос преклонил колени рядом со мной в темноте.

— Как ты сюда попал? — прошептал он, словно охранники спрятались за дверью и подслушивали разговоры заключенных.

— В телеге.

Халдей фыркнул. Его пальцы оставили в покое мое лицо, и я почувствовал, как они легким движением ощупывают мою рубашку на груди, где она стала жесткой от засохшей крови.

— Не надо, — сказал я. Мой голос был тихим и слабым. Я попытался взять себя в руки и повторил: — Просто оставьте меня в покое. Я в порядке. Отойди.

— Ген, я думаю, кровотечение остановилось. Мне оставили мой плащ. Посмотрим, получится ли завернуть тебя в него.

— Нет, — сказал я, — нет, нет, нет.

Я не смел покачать головой, но я отчаянно не хотел, чтобы меня заворачивали в плащ. Мне не нужен был его плащ. Я не хотел, чтобы он клал руку мне под голову и приподнимал ее, чтобы подложить полу плаща, а потом с помощью Софоса проделывал то же самое с нижней частью моего тела. Когда он не заметил у меня под волосами на затылке шишку, я застонал в знак протеста. Боль нахлынула на меня черной волной, и я снова погрузился в нее.

Последнее, что я услышал, был спор халдея с охранником, он требовал воду и чистые бинты.

Когда я снова очнулся, серенький свет сочился между прутьями решетки в окне, и я разглядел сидящего в углу Софоса. Моя рубашка была расстегнута, а грудь перевязана белыми бинтами. Должно быть, халдей сумел привести убедительные доводы. Софос заметил, как я скосил глаза на свою грудь и сообщил:

— Он сказал стражнику, что тебя всегда можно убить позже, но если ты умрешь сам, то тебя не сможет судить никто, кроме богов.

Спасибо, утешил.

— Где все? — спросил я.

Он подошел ближе и, скрестив ноги, уселся рядом со мной. Я лежал на плаще халдея, прикрытый его полами.

— Они пришли час назад и забрали халдея, — сказал он. — Пол и Амбиадес умерли. Солдаты ждали нас на вершине скалы. Это Амбиадес рассказал им о тропе. — он подождал, но так как я не придумал ничего в ответ, сказал: — Мы видели все сверху.

Вот за что халдей извинялся. Капитан царской гвардии и его люди ждали нас на склоне горы. Я не сомневался, что на главном пути нас тоже ожидала засада, но капитан сделал ставку на то, что халдей покинет Аттолию тем же путем, которым пришел. Когда Пол с халдеем подтолкнули Софоса на скалу, он увидел солдатские сапоги, но его втощили наверх прежде, чем он успел крикнуть. Халдей с Полом ничего не подозревали и вместе с Амбиадесом последовали за ним. Когда капитан, командир телохранителей спросил, где я, халдей, все еще сердясь на меня, сказал:

— Спасает свою шкуру.

Распластавшийся на вершине валуна, я был хорошо виден сверху.

— Он планирует засаду, — сказал один из солдат и поднял арбалет.

— Царица хотела получить всех живыми, — напомнил ему капитан.

— Не трудитесь убивать его, — с горечью сказал халдей. — Он просто прячется. Когда он спустится, вы его арестуете.

— Он вооружен, — возразил капитан и приложил руки ко рту рупором, чтобы криком предупредить своих людей, но опустил их, когда халдей пренебрежительно пожал плечами.

— Единственное, что он может сделать с мечом, это украсть и продать его.

Вот почему они стояли смотрели, как я превращаю организованную погоню в сумятицу кричащих людей и лошадей. Разъяренный капитан повернулся в сторону халдея, который выглядел настолько ошеломленным, что капитан, вероятно, изменил свое мнение о сговоре пленников:

— Не то, что вы ожидали? — спросил он с кривой усмешкой. Халдей покачал головой, глядя, как я бегу в укрытие. — Мои люди перехватят его, — пообещал капитан, когда я исчез под оливами.

— Готов, — сказал Амбиадес, когда всадники погнали меня обратно. — Туда ему и дорога, — добавил он, когда они набросились на меня.

— Заткнись, Амбиадес, — сказал халдей.

— Им придется избить его, чтобы арестовать, — заметил капитан.

— Они справятся без проблем, — печально ответил халдей, не зная, как сильно мой отец желал, чтобы я стал солдатом, а не вором.

— Я еще никогда не видел, чтобы кто-то мог победить столько солдат, — сказал Софос, сидя на холодном полу рядом со мной.

— Да ты вообще еще ничего толком не видел, — заметил я. — Расскажи мне об Амбиадесе.

Мне не хотелось говорить о схватке в горах. Там случилось что-то нехорошее. Я не мог вспомнить, что именно. И не хотел вспоминать. Но Софоса трудно было отвлечь от этой темы.

— Наверное, ты прав. Но ты ранил двоих и, думаю, убил одного.

Я закрыл глаза. Вот о чем я не хотел думать. Я вообще не собирался никого убивать, но я запаниковал, когда над моей головой со всех сторон поднялись мечи.

— Мы видели, как ты бежал обратно к горе, — продолжал беспощадный Софос. — Почему они тебя догнали?

— Слишком много камней, — прошептал я. Усталость наваливалась каменной плитой. — А они ехали на свежих лошадях.

Сначала спешили только четверо солдат. Я ранил одного из них в предплечье, затем разоружил другого, но мой клинок зацепился за его рукоять. Я не смог бы освободить большой меч, но игрушку Софоса я разблокировал как раз вовремя, чтобы отбить новый выпад. Навыки, о которых я, казалось, позабыл, неожиданно вернулись ко мне; я перевел блок в выпад и вонзил клинок в противника, конечно, убив его. Это ощущение практически не отличалось от рубки манекена.

Я был в таком ужасе, что когда он стал валиться мне под ноги, я позволил мечу выскользнуть у меня из рук. Я не хотел быть солдатом. Я стал вором, именно для того, чтобы избежать убийства. И вот к чему это привело.

Легкий толчок заставил меня отступить на полшага. Я опустил глаза вниз: моя рубашка вздулась на груди шатром, вокруг прорехи в ткани расплзалась кровь, и из этой дыры торчала рукоять меча. Острие должно было пронзить меня насквозь, но клинок скользнул вдоль ребер, чтобы выйти где-то под мышкой. Я очень ясно запомнил, что на стали был виден только короткий мазок крови.

— Мы подумали, что ты умер, — сказал Софос.

Так оно и было. Мои колени подкосились. Потом довольно долго все было плохо и непонятно, и, когда я снова открыл глаза, оказалось, что я лежу на спине и смотрю в совершенно синее небо. Синим было все, что я видел вокруг. Наверное, я лежал в телеге, но ее борта находились вне поля моего зрения. Не было ни деревьев ни гор. Если бы не толчки и тряска, я бы подумал, что лежу на облаке. Люди все еще кричали, но они были очень далеко.

Это были важные люди, и они кричали обо мне. Я слышал голос царя Суниса и царицы Эддиса, и другие голоса, которые не мог узнать. Может быть, то были голоса богов? Я хотел сказать, чтобы они не беспокоились. Я хотел объяснить, что скоро умру, так что нет смысла

суетиться, но телегу тряхнуло на особенно глубоком ухабе. Синее небо надо мной стало красным, а потом черным.

* * *

Софос вернул меня из беспамятства, спросив:

— Кто научил тебя так драться?

— Мой отец.

— Он очень рассердился, когда ты стал вором?

Я подумал о взбучке, которую получил, разорвав мой армейский патент.

— Да. — тем не менее, мы стали лучше понимать друг друга, когда дело было улажено. — Но он смирился с этим.

— Ты должен был стать солдатом, — заявил Софос. — Ты дрался лучше, чем десять Амбиадесов. Наверное, вот почему он сказал: «Туда ему и дорога», и тогда... — Софос всхлипнул и замолчал.

Я открыл глаза, чтобы увидеть, как он плачет. Он потер лицо рукавом, чтобы стереть сопли и слезы. Я не хотел думать о том, что произошло у подножия скалы, а Софос не хотел говорить о том, что случилось на вершине. Он снова вытер слезы и после нескольких вздохов продолжал:

— Учитель сказал Амбиадесу, что здесь нечему радоваться, а капитан сказал, что есть. И Амбиадес сначала казался больным и грустным, а потом стал таким самодовольным. И тогда мы поняли, что это он рассказал аттолийцам про тропу через горы.

Я вспомнил про красивый черепаховый гребень Амбиадеса, который привлек внимание халдея. Наверное, он тогда задумался, где Амбиадес взял денег на такую дорогую вещь. Я бы предположил, что Амбиадес был у кого-то на содержании и потому время от времени чувствовал себя виноватым; но я считал, что он получал деньги от врага халдея при сунийском дворе. Ни мне, ни халдею не пришло в голову, что мальчишка предал своего хозяина аттолийцам.

— Амбиадес начал что-то говорить, но ты закричал. — я кричал? — Мы даже с вершины скалы слышали, как они вытаскивали из тебя меч, — сказал Софос, его голос дрогнул, и я вспомнил все.

Это оставалось за пределами сознания, когда меня везли в телеге. Я чувствовал, что мою жизнь вытаскивают вместе с мечом, но она почему-то не вытекла из меня. Она нитью повисла между моим телом и острием клинка. Я думаю, что только воля богов сохранила меня в живых, но они решили наказать меня за преступление. Я должен был умереть, но вместо этого боль все длилась и длилась. Умереть было бы намного легче.

Я вздрогнул, и боль вернулась, останавливая мое дыхание. Софос держал меня за руку, пока не стало легче.

— Все смотрели на тебя, — сказал он. — Потом мы повернулись к Амбиадесу, и он совсем не волновался. То есть, мы поняли, что его совершенно не огорчает твоя смерть. Я думаю, его так же не огорчила бы смерть учителя или Пола или моя. А Пол, он просто протянул одну руку и толкнул Амбиадеса с края. А потом... — Софос сделал еще один глубокий вдох, прежде чем продолжать. — Он спрыгнул с обрыва вместе с двумя аттолийцами. Халдей попытался забрать свой меч, но его повалили на землю.

Софос подтянул колени к груди и начал медленно раскачиваться взад и вперед, он плакал. Медленно я протянул руку к его щиколотке, чтобы сжать ее. Я не знал, что сказать. Я любил Пола.

— Я знал Пола всю жизнь, — заикаясь сказал Софос. — Я не хотел, чтобы он умер, — он продолжал, словно его желание могло быть исполнено. — У него есть жена и двое детей, — выкрикнул он, — И я не знаю, как сказать им.

Я вздрогнул и снова закрыл глаза. Человек, убитый мной, не имел представления, что столкнулся с обученным противником. Он судил обо мне по моему росту и детскому мечу. Я застал его врасплох и убил. Я мог бы с тем же успехом ударить его ножом в спину в темном переулке. А вдруг у него тоже были жена и двое детей? Кто скажет им, что он убит? Боль в груди распространялась пульсирующими толчками, пока не заболели даже пальцы, скребущие каменный пол.

После долгого молчания Софос прошептал:

— Ген? Ты не спишь?

— Да.

— Халдей сказал, что кровотечение остановлено, и что скорее всего ты выздоровеешь. Если не начнется лихорадка.

— Приятно узнать.

Стало быть, меня можно будет казнить публично.

* * *

Солнце садилось, когда стражники привели халдея назад. Его последние лучи напрямую проникали в окно и освещали противоположную стену камеры. Стена была сложена из такого же желтого известняка, что и Мегарон царя по другую сторону гор Гефестии. Я продремал всю вторую половину дня. Кто-то принес еды, но я велел Софосу съесть все.

— Ген, как ты себя чувствуешь? — спросил халдей.

— Хорошо, — ответил я.

Моя грудь была наполнена кипящей лавой, меня бросало то в жар, то в холод, но в то же время меня ничто не волновало. Я ни о чем не переживал, и поэтому считал, что чувствую себя хорошо. Халдей положил руку мне на лоб, он выглядел обеспокоенным.

— Ты сегодня ел что-нибудь?

Я закатил глаза.

— Да, — согласился он. — Это был глупый вопрос. Ты поел, Софос?

Софос кивнул.

— Ты оставил что-нибудь для меня?

— Нет, извините. — Софос выглядел виноватым.

— Все в порядке, — солгал халдей. — Я поел наверху, когда разговаривал с капитаном гвардии царицы. Очевидно, Ее Величество находится в пути, чтобы лично встретиться с нами.

Он уселся на каменный пол и прислонился к стене там, где я не мог увидеть его, не поворачивая головы.

— Мы находимся в несколько затруднительном положении, — сказал он, и я снова закатил глаза. — Боюсь, что Амбиадес был нашим единственным свидетелем, способным

убедить аттолийцев, что Дар Хамиатеса потерян. Ты уже знаешь, что случилось с Амбиадесом?

— Софос рассказал.

Неудобно было разговаривать, не видя собеседника, но у меня не было сил повернуться.

— Деньги отца, должно быть, закончились, и он решил, что лучше быть богатым предателем, чем бедным учеником. Аттолийцы заплатили ему, и он вел их за нами с той минуты, как мы выехали из Суниса. Когда мы ехали слишком быстро, Амбиадес принимал меры, чтобы задержать нас.

Мы оба вспомнили об исчезновении провизии из мешков.

— Я должен тебе много извинений, — признался халдей.

— Они приняты, — сказал я.

Больше это не было важно.

— Царица, вероятно, рассчитывала расправиться с нами по-тихому и отправить назад одного Амбиадеса, как единственного спасшегося. Она не обрадуется, потеряв такого ценного шпиона, и, боюсь, после смерти Амбиадеса у нас нет способа убедить ее, что Дар Хамиатеса затерялся в ручье.

Последовала пауза, во время которой каждый из нас прикидывал, какими средствами располагают аттолийцы для получения достоверной информации. Халдей сменил тему, и я все-таки повернул голову, когда он сказал:

— Аттолийские солдаты побывали около храма в антиутопии.

Он кивнул. Я не знал, подтверждал ли он этим правдивость своих слов, или был рад, что рассказ о наших приключениях пробудил меня к жизни.

— Храм был полностью разрушен. Арактус проломил его крышу и размыл стены. Остались некоторые признаки, что на том месте находилось какое-то строение, но это было все.

— Когда?

— Не скажу точно, но примерно через день или два после нашего отъезда.

Я вспомнил гулкий звук, настигший нас на дороге. Наверное, в ту минуту рухнула крыша храма, и вода хлынула в лабиринт, снося двери и стены. Боги в своих красивых одеждах и Гефестия на троне исчезли. Я снова повернулся лицом к потолку камеры и сморгнул воду из глаз. Халдей заметил мое горе и поднялся с места, чтобы утешить меня.

— Ген, это был старый храм. Сломанная входная дверь стала, вероятно, первым ущербом, когда Арактус был вынужден искать себе новый проход. В следующие несколько дней сила воды полностью разрушила храм. Это произошло бы рано или поздно. В конечно счете, все творения рук человеческих разрушаются. — он остановил слезу, ползшую к моему уху. — Однако, я хотел бы пойти с тобой, — сказал он. — Мне всегда будет интересно узнать, что ты там увидел.

Он подождал немного в надежде, что я заговорю.

— Ты расскажешь мне?

— Я не могу, — признался я. — Да и не очень хочется. — я решил взбодрить его насмешкой.

Он рассмеялся, а затем снова пощупал мой лоб. Стражник принес еще еды. Халдей и Софос поели. Квадрат желтого света на стене почти померк, когда мы услышали в коридоре тяжелые шаги и поняли, что царица, должно быть, прибыла в замок и послала за халдеем.

— Я сделаю для тебя все, что смогу, Ген, — пообещал он и встал.

Они также взяли Софоса, и я остался один лежать на полу, размышляя, что такого особенного может сделать для меня халдей.

* * *

Когда они вернулись, в камере стояла крошечная тьма. Охранники внесли фонари, и я прикрыл глаза, ожидая, когда свет исчезнет. Когда чей-то сапог толкнул меня, я немного застонал отчасти от боли, отчасти от того, что был оскорблен тем, как невежливо меня беспокоят. Второй толчок в ребра оказался более сильным, и я открыл глаза. Надо мной, стоя между халдеем и капитаном, возвышалась царица Аттолии.

Она улыбнулась моему удивлению. Стоя в круге света посреди темноты, она казалась окруженной божественным сиянием. Ее черные волосы были повязаны золотой лентой, как у Гефестии, а платье, собранное в складки, подобно пеплуму, сшито из красного вышитого бархата. Она была такой же высокой, как халдей, и красивее любой женщины, когда-либо виденной мной. Все в ней напоминало о старой вере, и я догадался, что это сходство преднамеренное, призванное напомнить подданным, что подобно Гефестии, признанной царице богов, эта женщина рождена править Аттолией. Жаль, что я уже видел богиню воочию и знал, насколько царица Аттолии далека от образца.

Она заговорила, и ее прекрасный голос звучал тихо и безмятежно.

— Халдей Суниса сообщил мне, что ты вор, обладающий исключительным мастерством.

Она мягко улыбнулась.

— Это так, — честно ответил я.

— Однако, он полагает, что твоя преданность твоей собственной стране не так сильна.

Я поморщился.

— Я не испытываю особой преданности царю Суниса, Ваше Величество.

— Какое счастье. Для тебя. Не думаю, что он высоко ценит твой талант.

— Нет, Ваше Величество. Он, наверное, не ценит.

Она снова улыбнулась. Блеснули ее идеальные зубы.

— Тогда ничто не мешает тебе остаться в Аттолии и стать моим вором.

Я посмотрел на халдея. Вот какое одолжение он мне сделал: убедил царицу, что я слишком ценен, чтобы выкинуть меня на помойку.

— Э-э-э, — сказал я. — Есть одно препятствие, Ваше Величество.

Брови королевы удивленно приподнялись округлыми арками.

— Какая же?

Надо было придумать что-то очень быстро. Благоразумие помешало мне сказать, что я считаю ее исчадием ада, и что даже горные львы не загонят меня к ней на службу. В поисках чего-нибудь более безопасного я вспомнил шутку халдея на берегу Арактуса.

— У меня есть возлюбленная, — уверенно заявил я. — Ваше Величество, я обещал вернуться к ней.

Королева была удивлена. Халдей был потрясен. Он не мог понять, почему я отказался от шанса на спасение. Конечно, он ознакомился с любовными стихами в моем личном деле. Я был уверен, что в них превзошел самого себя. Впрочем, это был всего лишь еще один способ подтвердить свою профессиональную репутацию, потому что эти стихи я оставил среди

бумаг царя. Любой, кто может украсть царскую печать, сможет взломать замок на двери его кабинета.

— Ты дал обещание? — недоверчиво спросила царица.

— Да, Ваше Величество, — твердо повторил я.

— И ты не нарушишь его? — она печально покачала головой.

— Я не могу, Ваше Величество.

— Разве я не лучше нее?

— Вы красивее, Ваше Величество. — королева улыбнулась прежде, чем я закончил. —

Но она добрее.

Взгляд стал жестким, улыбка исчезла. Слышно было, как трещит в фонаре масло. Ее алебастровые щеки покраснели. Впрочем, никто не мог обвинить царицу Аттолии в избытке доброты. Она снова улыбнулась мне, но более тонкой улыбкой, и склонила голову, словно принимая мой отказ. Я довольно улыбнулся в ответ, но тут она повернулась к капитану охраны.

— Отнесите его наверх и пошлите за врачом, — приказала она. — Мы дадим ему возможность передумать. — край ее красного пеплума скользнул по моей руке, когда она повернулась, чтобы уйти, и я поморщился.

Бархат был мягким, но вышивка царапалась.

* * *

В комнате несколькими этажами выше подземелья я лежал в кровати. У меня началась лихорадка, я бредил и краем сознания понимал, что брежу. Мойра пришла, чтобы посидеть у моей постели. Она заверила меня, что я не умру. Я ответил ей, что хотел бы умереть.

Тогда из темноты вышел Евгенидес, и Мойра исчезла. Евгенидес тоже был терпелив. Он напомнил мне, что жизнь иногда может быть такой же вещью, как все остальное, и ее можно украсть. Он спросил, предпочел бы я сам оказаться мертвым? Я ответил «да», и тогда он поинтересовался, что случилось бы с моими планами прославиться и оставить свое имя высеченным в камне? И готов ли я оставить на смерть моих товарищей?

Мне не очень нравилось считать халдея своим товарищем. Но если он мне никто, зачем же я рисковал ради него своей жизнью? Я вздохнул. Кроме того, за Софоса я действительно беспокоился. Я сказал, что если бы мне повезло умереть, когда солдат вытащил из меня свой меч, мне не пришлось бы сейчас мучиться угрызениями совести.

Бог рядом со мной молчал, его молчание напомнило мне о выжженной долине на другой стороне Аттолии, и я подумал о Леонидесе, умершем у брата на руках. В молчании я считал удары сердца в груди, бессмысленный глупый стук. Наконец Евгенидес произнес словно издалека:

— Его жена умерла зимой. Его трое детей живут с тетей в Овосе.

Когда я решил протянуть к нему руку, он исчез. Я снова заснул, а когда проснулся, голова была почти ясной. Я не примирюсь со своей совестью, если брошу Софоса и халдея на верную смерть, даже если сам умру вслед за ними. От славы и богатства тоже отказываться не стоило. Я выполз из постели и начал осматривать комнату.

Замок в двери камеры шелкнул, и дверь распахнулась. Лампа перед входом не горела, и ни халдей ни Софос не могли разглядеть, кто стоит в дверном проеме.

— Это я, — прошипел я, прежде чем они успели зашуметь и привлечь внимание стражников в караулке.

Я слышал, как они идут на мой голос и попятился, чтобы не столкнуться с ними. Когда они уже были в коридоре, я спросил Софоса, на нем ли его туника.

— А что?

— Дай ее мне.

— Зачем?

— Затем, что на мне ничего, кроме бинтов, нет. Они забрали всю мою одежду.

Софос стянул рубаху через голову и протянул в мою сторону, чуть не ткнув мне в глаз.

— Хочешь взять мои сапоги? — предложил он.

— Нет, мне удобнее босиком.

— Ген, — сказал халдей. — Ты не должен делать это.

— Одеваться?

— Ты понимаешь, о чем я. — по крайней мере, ему хватило ума спорить со мной шепотом. — Спасибо, что открыл дверь, но лучшее, что ты можешь сделать сейчас, это забыть о нас. Возвращайся туда, откуда пришел, и сделай вид, что не вставал с постели.

— А как вы выберетесь отсюда? Через дверь?

— Мы справимся.

Я тихо фыркнул.

— Нет, не справитесь.

— Если нас поймают, мы будем утверждать, что подкупили охранника.

Я постучал пальцем себе по лбу, впрочем, он не мог меня видеть.

— Надо идти, — сказал я, сделав рукой приглашающий жест, чего он тоже видеть не мог.

— Ген, прошло всего два дня. Три с момента ареста. Ты не сможешь.

— Я считаю, — сухо сказал я, — Что смог сделать уже достаточно, чтобы заслужить ваше доверие.

— Ген, я не это имел в виду. — он протянул руку в темноте, чтобы коснуться моего плеча, но я отодвинулся. — Ген, мы не можем снова просить тебя рисковать собой.

— Это отступление от вашей прежней позиции, — заметил я.

— Я был неправ.

— И теперь тоже.

— Ген, царица Аттолии не причинит тебе зла.

Я вспомнил ее прощальную улыбку.

— Еще как причинит, — сказал я.

— Единственное, чего она хочет, получить от тебя обещание служить ей.

— Ну, вряд ли она его получит. — я слышал слишком много историй о том, что случилось с людьми, которые служили ей. — Мы можем хоть сейчас прекратить наши споры?

Я пошел вперед, и они последовали за мной в темноте. Без обуви я ступал очень

осторожно, тем более, что каждый шаг отдавался болью в раненом плече.

— Как ты добыл ключи? Где охрана? — Софос не переставал болтать, пока мы двигались в кромешной темноте. — И почему фонари не горят?

Я вздохнул.

— У меня нет ключей. Они унесли мою одежду и, вероятно, сожгли ее. Но они оставили мои отмычки и другие вещи из карманов на столе в моей комнате.

Я не стал брать плащ халдея и гребень Амбиадеса, но на всякий случай захватил нож. Мы подошли к углу, и я решил, что надо свернуть, затем протянул руку назад, чтобы взять Софоса за локоть.

— Молчи, — прошептал я, — И постарайся не дергать меня.

Я несколько неустойчиво держался на ногах и опасался, что он потянет меня за собой, если споткнется.

— Так что с охраной, — настаивал он. — И с фонарями?

— Охранники сидят в конце коридора, — объяснил я ему, — И охраняют колоду карт. А фонари я попросту потушил, чтобы они не смогли найти нас, — прошипел я сквозь зубы, — когда услышат, как ты чирикаешь, словно счастливый воробей в гнезде.

— А там, куда мы идем?

— Не мог бы ты заткнуться?

Моя левая рука, раненая, шарила вдоль стены, пока не наткнулась на дверную ручку. Боль заставила меня остановиться, и я резко сжал плечо Софоса, чтобы он не ткнулся в меня всем телом.

— Стойте, — прошептал я, и они стояли спокойно, пока я работал над замком в двери.

К счастью, у меня нашлась хорошо подходящая отмычка, и я мог справиться одной рукой.

— Осторожно, дверь, — сказал я и потянул ручку на себя. Дверь была тяжелая, но петли не скрипели. — Не ударьтесь головой, — предупредил я халдея.

Мы спустились в узкий, не шире дверного проема, тоннель. Стены смыкались в арочный потолок в нескольких дюймах над моей головой. В конце коридора нас ждала еще одна дверь, но она была заперта на простую перекладину со скобами на внутренней стороне. Через нее мы вышли на узкий каменный уступ, который окаймлял стены замка снаружи. В тишине слышался плеск волн о скалу в нескольких футах под нами, а в реке колебались отражения факелов, установленных на стене высоко над нашими головами.

— Что это? — спросил Софос.

— Это Сеперхи, — ответил халдей. — Помнишь, что этот оплот стоит в середине реки и защищает обе стороны моста?

— Я хотел спросить, что это? — повторил Софос и топнул ногой о камень под нами.

— Это выступ, который проходит вдоль всех стен замка, — объяснил я. — Таким образом они могут чинить фундамент и стены снаружи. Мы должны пройти по мосту в город. А теперь помалкивайте. Там есть охрана.

— А для чего эта дверь?

Я оставил за халдеем возможность ответить маленькому зануде.

— Они избавляются от трупов, бросая их в реку.

— О.

— Иногда стражники продают тело семье, если они ждут здесь в лодке, — добавил халдей.

Теперь Софос получил достаточно информации для размышления и держал рот на замке, так что мы проделали наш путь вокруг замка в полной тишине. Луны не было. Я не смог бы разглядеть даже руку перед собственным носом, поэтому держал ее на стене замка и осторожно ощупывал путь ногой, проверяя прочность опоры под нами. Халдей встал между мной и Софосом и шел достаточно осторожно, чтобы не толкнуть меня. Мы завернули за один угол, потом за другой. На мосту не горело ни одного фонаря, и если стражники и охраняли его, то они находились в башне, а не на самом мосту. Мы так же тихо перебрались на берег.

Пройти через город оказалось сложнее, чем выбраться из замка. Без луны было трудно ориентироваться, и я не сразу сообразил, в какую сторону нам надо идти. Огни в домах погасили час назад, и нигде не было видно ни одного светящегося оконца, чтобы помочь нам.

Собаки лаяли, когда мы проходили мимо, но никто не вышел проверить их. Дорога вела в сторону от реки. Мы попытались сократить путь и заблудились в лабиринте узких улочек. Дважды я чуть не врезался головой в невидимые заборы, прежде чем мы вышли к дороге, бежавшей вдоль берега к мосту.

— Мы останемся на этой стороне, — сказал я, и халдей не стал спорить.

Мы осторожно крались мимо темных домов. Пожалуй, без лунного света было даже лучше, так нам не надо было прятаться, а двигаясь медленно, мне легче было уберечь раненое плечо от толчков.

— Ген, — спросил халдей. — Как ты?

— Неплохо, — ответил я, удивленный тем, что я действительно чувствую себя хорошо.

Я был слаб, но соображал отлично. Плечо болело, но не слишком. Боль становилась резкой только когда я спотыкался, а спотыкался я не часто. Мне казалось, что я мягко плыву вниз по дороге, словно на невидимом облаке. Воздух вокруг нас был заполнен обычными ночными звуками — плеском рыбы, отдаленным воем собак, но собственных шагов мы не слышали. Казалось, нас защищает круг тишины.

Наконец появилась луна, идти стало легче, но халдей не пытался торопить меня. Они с Софосом были терпеливы, только Софос все время порывался поболтать. Я понимал, что ему страшно, и звук собственного голоса помогает ему поддерживать мужество, но мне нужно было сосредоточиться на дороге. С ним говорил халдей. Мы шли почти до рассвета.

В нескольких милях от города дорога резко свернула от реки и повела вглубь страны. Чтобы остаться на берегу, мы нашли более узкую дорогу, петляющую между прибрежных скал. Здесь мы и остановились передохнуть. Я прислонился спиной к гладкому валуну и сполз на землю, подсунул под себя подол туники Софоса, оказавшейся, к счастью, достаточно длинной, и закрыл глаза. Мои ноги замерзли. Я постарался забыть о них и провалился в короткий сон.

* * *

Когда я открыл глаза, было достаточно светло, чтобы различить краски мира. Рубаха халдея была обернута вокруг моих ног, но сам халдей исчез. Я покрутил головой, чтобы оглядеться по сторонам. Пока я спал, мое тело затекло. Софос все еще спал рядом со мной, свернувшись калачиком на земле. Халдей стоял в стороне, глядя через скалы на реку. Я

позвал его, и когда он обернулся, его лицо было мрачно. Маленькие птички начали что-то клевать у меня в животе.

— Что случилось? — спросил я его.

— Река течет не в ту сторону.

Достаточно один раз в жизни увидеть богов, и вы навсегда потеряете веру в законы природы. Маленькие птички попадали замертво. На мгновение я представил свой желудок полным мертвых птиц, и поверил, что река действительно потекла вспять. Но он хотел сказать, что ночью мы ошиблись и неверно определили направление течения. Халдей сел и положил голову на руки.

— Наверное, я неправильно сориентировался в городе, — сказал он. — Мы не пошли по течению реки в сторону перевала. Мы пошли вверх. Земля постепенно поднималась, но я ничего не замечал, пока мы не достигли этой кручи. Я понятия не имею, где мы находимся.

В эту минуту Софос рядом со мной сел, мигая как соенок, так что никто не заметил, как я вздохнул с облегчением.

— Что случилось? — спросил он, глядя на халдея, который терпеливо объяснил ему все снова.

Все, что он знал, так это то, что мы были на противоположной от Елеонского моря стороне антиутопии. Вот почему пейзаж вдоль дороги так изменился. Вверх по реке почти не было пахотных земель. Здесь не у кого было узнать, насколько далеко мы зашли, и куда приведет нас путь вверх по реке. Земля будет подниматься, и идти по скалам станет сложнее. Насколько было известно халдею, до самого подножия гор нет ни одного моста, так что мы оказались в ловушке.

— На той стороне реки есть торговый путь и несколько деревень, но я не знаю, почему нигде не был построен хоть один мост.

— А как начет этой дороги? — спросил я, хотя знал ответ.

— Она будет сужаться, — сказал халдей, — Потом превратится в тропу и закончится около следующей фермы. Я уже проверил.

— Так что же нам делать, — спросил Софос халдея.

— Мы пойдем дальше, — сказал я. — Мы не можем вернуться и попасть в руки поисковой партии. — я отдыхал, прислонившись спиной к камню. — Мы будем держаться берега, и надеюсь, здешние скалы задержат конную погоню. Скорее всего, нас будут искать в другом направлении, так что нет смысла возвращаться назад.

— Мы могли бы на некоторое время спрятаться в антиутопии, — предложил Софос. — Мы могли бы перейти ее и вернуться через Елеонское море.

Халдей покосился на меня.

— Мы не сможем переправиться через Арактус.

— Мы могли бы подождать, пока Гену не станет лучше.

— А что мы будем есть?

Странно, я совсем забыл о еде.

— По крайней мере, воды нам хватит, — оптимистично сказал я и начал вставать.

Я чувствовал себя сломанными часами, над которыми иногда работал мой брат. Халдей наклонился, чтобы подать мне руку. Софос тоже бросился помогать.

— Неужели ты думаешь, что они бросятся искать нас? Ведь если нас казнят, начнется война.

Я прикинул выгоду от казни главного советника вражеского государства против риска

тотальной войны.

— Она может позволить вам уйти, — заметил я, — Чтобы избежать войны или оттянуть ее, пока не будет готова.

— А что насчет тебя? — спросил Софос.

— Она так же может отпустить меня. Но, наверное, ей будет выгоднее поймать меня одного и дать вам обоим возможность сбежать.

Из-за меня войну никто не начнет, зато я могу оказаться полезен, если буду работать на нее. Я вздрогнул, и мой вздох превратился в стон. Нам надо держаться ближе к реке, потому что при угрозе задержания я планировал утопиться в ней.

Как только я оказался на ногах, инстинкт самосохранения погнал меня вперед. Мы шли козьей тропой через скалы над самым берегом. Камни ранили подошвы ног, но днем мы могли идти намного быстрее. Мы шли друг за другом, и Софос не прекращал говорить.

— Ген, — спросил он. — Если бы ты мог, где бы ты хотел сейчас оказаться?

Я вздохнул.

— В постели, — сказал я. — В большой кровати с резным изголовьем, в теплой комнате с большими окнами. На чистых простынях, — добавил я, сделав несколько шагов на своих израненных ногах, — Самых лучших, какие продают на Священном пути. Около камина, — добавил я, конкретизируя мечту. — И с книгами.

— С книгами? — удивленно переспросил он.

— С книгами, — твердо сказал я, не заботясь о том, что мои слова могут показаться халдею странными. — Пусть будет много книг. А где бы оказался ты?

— Под абрикосовым деревом в саду моей матери. Я бы смотрел, как играют мои маленькие сестры, и мог бы дотянуться до абрикоса, не вставая с места.

— Они сейчас еще не созрели.

— Ну, скажем, в любом месте в любое время. А где бы вы были, учитель?

Халдей молчал так долго, что я решил, он не собирается отвечать.

— В главном храме, — сказал он наконец.

— Фу, — я по старой привычке представил людскую толчею, клубы ладана и нестройное пение.

Моя новая неистовая вера в богов не сделала меня более терпимым к бормотанию жрецов, которых я ненавидел всю свою жизнь. Но халдей не закончил.

— При заключении брака Суниса и Эддиса.

Я поморщился.

— Почему вы ты заинтересованы в этом браке?

— Царю нужен наследник, и этот наследник должен стать царем Суниса и Эддиса.

— У него есть племянник, — заметил Софос.

— Извини, конечно, у него есть наследник, — сказал халдей. — Но он должен передать трон собственному сыну, чтобы обезопасить страну.

— А почему он должен стать наследником Эддиса? — спросил я.

Он решил, что я заслуживаю подробного ответа, что показывало, насколько изменилось его мнение обо мне.

— В идеале не только Эддис, но и Аттолию, — сказал он. — Вряд ли ты знаешь это, но сейчас во всех трех странах сложилась уникальная ситуация. Самые первые завоеватели захватили нашу страну, потому что желали, чтобы мы платили им дань. Их сменили купцы Империи, которые, в основном, интересовались нашей торговлей, и этих повелителей мы в

конце концов тоже прогнали. Мы смогли сделать это только потому, что Торговая Империя сосредоточилась на борьбе с другой угрозой, с мидянами. Вот уже сто лет, как мидяне стремятся расширить свою империю, чтобы охватить все Срединное море. Скоро они захотят не только наши земли, но и нас в качестве рабов. Многие годы они боролись с остатками Торговой Империи, и пока они воевали, мы оставались свободными. Но к тому времени, когда они победят, Сунис, Эддис и Аттолия должны стать едиными, чтобы бороться с победителями, или нас ждет самое жестокое в истории порабощение. Тогда не останется ни Суниса, ни Эддиса ни Аттолии. Только Мидия.

— Ты уверен, что Мидия победит?

— Уверен.

Мне было о чем подумать, когда мы плелись вперед. Берег поднимался все выше над рекой, пока не превратился в обрыв высотой в семь или восемь футов. Наша дорога превратилась в пыльную тропинку, виляющую среди камней. Слева от тропы скалы вздымались еще выше. Вверх по течению река становилась все уже и глубже. Я слышал неумолчный гул, с которым вода пробивалась сквозь камень. Мы миновали маленькую пустую деревушку на противоположном берегу всего в ста ярдах от нас. Деревьев здесь не было, и солнце пекло все жарче.

Скалы слева поднялись еще выше, скрывая от нас дорогу за ближним поворотом. Когда мы подошли к большому валуну, халдей помог Софосу подняться на вершину и велел посмотреть в сторону реки.

— Ты видишь что-нибудь? — спросили мы его дружно.

Он сказал, что нет, и приготовился спускаться вниз.

— Подожди, — сказал я. — Ты видишь пыль?

— Пыль в воздухе? Да, есть небольшое облачко.

— Это лошади на дороге, — сказал я халдею.

Тот согласился и помог Софосу спуститься. Мы пытались спешить, но хотя мне было не очень больно, но сил идти быстрее у меня уже не осталось. Когда Софос в следующий раз посмотрел назад, он заметил всадников в просвете между скалами. Мы шли дальше, пока я не споткнулся о камень и нырнул вперед. Халдей шел впереди меня. Он успел услышать мой вздох и повернулся, чтобы помочь, но я уже лежал на земле. Тогда он попытался поднять меня и ухватился за больное плечо. Я смог только помахать рукой. Дед гордился бы моей подготовкой. Вор никогда не зашумит случайно. Я закусил губу.

— Ген? Ген, тебе плохо? Мы уйдем с тропы и попытаемся спрятаться среди камней. Может быть, они проедут мимо.

— Нет, — сказал я.

Это был безнадежный план, и мы оба это знали. Если они с Софосом оставят меня, то смогут уйти, но лучшего варианта я не видел. Между двумя вдохами я сказал:

— Там мост.

Вверх по течению скалистый островок делил реку на два потока. Во время наводнения вода с гор несла мусор, и он застревал между скал. Ствол дерева течением развернуло как раз от нашего берега к скале в центре реки. Халдей оглянулся через плечо и увидел самодельный мост.

— Ты думаешь, мы сможем перебраться на ту сторону?

— Да.

К дальнему берегу тянулась спрессованная течением полоса веток. Она выглядела более

хрупкой, но должна была выдержать и мой вес и, вероятно, халдея. Мост находился в нескольких сотнях ярдов от нас, расстояние до преследователей было всего в два раза больше.

Это было соревнование между черепахой и зайцем, но черепаха имела достаточно форы, и халдей потащил меня на себе. Мы успели к переправе, оставив солдат позади. Камни на тропе грозили переломать лошадям ноги, преследователям пришлось спешиться.

— Софос, ты идешь первым, — сказал халдей. — Потом я помогу Гену.

— Нет, — сказал я.

— Я попробую пройти, — предложил Софос.

— Нет! — я настоял, чтобы он оперся на руки и колени и полз на карачках.

Один промах, и вода утянет его за собой, и мы никогда больше его не увидим. В этом узком месте река текла очень быстро, вся вода Сеперхи была стиснута между двух узких каменных берегов. На поверхности она казалась обманчиво гладкой, но могла утащить человека на дно в мгновение ока. Софос благополучно дополз до середины реки.

— Мы пойдем вместе, Ген, — сказал халдей.

— Нет.

— Ген, я тебя больше не брошу.

Он оглянулся на приближающуюся погоню и попытался перехватить мою здоровую руку. Думаю, он уже был уверен, что ему с Софосом дадут уйти.

— Идем.

— Вы должны сказать Софосу, что переправляться можно только по веткам, даже если они будут прогибаться под ним. Если он попробует идти по дну, река утащит его. — халдей повернулся к Софосу, который уже ступил на второй мост. Река сплела вместе обломанные ветви, часть которых застряла в расщелинах между камней. Весь этот клубок был довольно хрупким, часть ветвей сломалась, и мост в любой момент мог погрузиться в воду. Халдей знал закон Архимеда не хуже меня.

— Ген? — он повернулся ко мне.

— Я справлюсь, — сказал я ему. — Обещаю.

Он нехотя пошел. Он полз так же осторожно, как Софос. Когда он добрался до острова, я сполз вниз и пошел по стволу. Вода смыла кору с дерева и мои босые ноги хорошо себя чувствовали на гладкой древесине. Даже если бы ствол был в два раза уже, я перебрался бы без проблем.

Халдей улыбнулся, когда я уселся на скалу рядом с ним, и я повернулся, чтобы помочь ему оттолкнуть мост. Дерево содрогнулось под нашими ударами, и солдат, уже ступивший на него вслед за нами, проворно отскочил на безопасный берег. Журчание воды усилилось, поток понес наш мост прочь. Из-за шума течения до нас донеслись разъяренные проклятия.

Я отправил халдея по второму мосту. Он уже не спорил, затем я начал переправу. Многие из тонких ветвей уже были сломаны под тяжестью халдея, и мост повис в опасной близости к воде. Еще немного ниже, и он будет сметен потоком, но ветви, выдержавшие вес халдея, не подвели и меня. На половине пути я заметил веревку, запутавшуюся среди веток. Я пробрался через путаницу ветвей и выбрался на берег рядом с халдеем как раз вовремя: солдаты начали палить из ручной фузеи. Обстрел меня не очень беспокоил. Пороховое оружие может остановить отряд пехоты в пяти шагах, но из него нельзя достаточно точно прицелиться, чтобы поразить более отдаленную цель. Арбалеты оказались бы опаснее, но королева Аттолии находила пистолы более впечатляющими для своей личной гвардии.

Я показал халдею веревку и спросил, сможет ли он достать ее. Перекричать шум воды было нелегко.

— Они смогут найти другое дерево на своем берегу. Лучше избавиться от обоих мостов.

Халдей кивнул, оттолкнулся от скалы и шагнул к реке. Он ловко выдернул из ветвей прядь потертой веревки и потянул ее. Веревка оторвалась, и ее конец остался у него в руках. С противоположного берега снова выстрелили. Халдей медленнее продвинулся вперед, вытащил из мешанины веток три или четыре веревки и снова дернул их на себя. На этот раз они выдержали, мост дрогнул и прогнулся. Затрещали хрупкие ветки, мост сдвинулся на несколько дюймов и его дальний конец упал в воду. Вода понесла его, разрывая на куски.

Именно в эту секунду пуля ударила в скалу рядом с халдеем. Его рука соскользнула с опоры, и он упал лицом вперед, погрузившись левой рукой и плечом в реку. Ему удалось удержать голову на поверхности, несмотря на то, что Сеперхи почти стащила его вниз. Мы с Софосом вдвоем ухватили его за пояс: Софос обеими руками, я только одной, и тянули изо всех сил. Наконец халдей нащупал опору под ногами и с нашей помощью выбрался на берег. Стрелки перестали палить, когда мы скрылись от них за большими камнями.

Потом мы вскарабкались между скалами вверх на крутой берег реки. Он резко поднимался на десять футов, а потом немного опускался. Здесь мы были в безопасности от любой шальной пули и остановились ненадолго передохнуть. Только тогда я заметил кровь на воротнике рубашки и осторожно коснулся пальцем щеки.

— Должно быть, одна из пуль отбила осколок скалы, — сказал халдей. — Он сорвал лоскут кожи с твоего лица.

— Прости-прощай моя красота, — вздохнул я.

— Это можно залечить без шрама, — успокоил меня халдей, хотя и видел, что я шучу.

— Вряд ли, — ответил я, ощупывая пальцем рубец на щеке.

Я был совершенно уверен, что останется шрам в форме белого пера. Переправа через импровизированный мост была проведена удачно, и бог воров похвалил меня, хотя не все могут согласиться с такой манерой одобрения.

— Что, если они послали отряд и по этому берегу реки, а? — спросил Софос.

Халдей посмотрел на меня, а я пожал плечом.

— Поживем-увидим, — сказал я.

Антиутопия осталась на том берегу реки. На нашем берегу еще встречались пласты вспененной огнем породы, но земля быстро выровнялась под обработанные поля, разбитые полосами кустарников и деревьев. Дорога шла между полями и берегом реки. Насколько хватало глаз, здесь не было ни домов, ни других признаков жизни.

— Думаю, мы можем надеяться на лучшее, — сказал я. — Но эти люди могли проехать вниз по течению, найти мост и перебраться на нашу сторону. Мы должны продолжать идти.

— Куда идти? — спросил халдей.

Я снова пожал плечом и махнул здоровой рукой вверх по реке.

— Туда.

Подальше от солдат, которые могли преследовать нас.

Мы шли, не останавливаясь. Дорога была покрыта толстым слоем превратившейся в порошок грязи. Моим ногам стало легче, а с меньшим количеством толчков легче стало и плечу. Возвратилось умиротворяющее ощущение плавного скольжения.

Обработанные поля постепенно исчезли и сменились участками, распаханнами когда-то один раз, но заброшенными надолго. Они заросли высокой травой, даже кустами, но мы

возвышались над всем пустынным ландшафтом. Я опять почувствовал себя голым и незащищенным, но когда солнце укатилось за холмы, и наступила ночь, мне стало спокойнее.

Потом похолодало. В затылок мне дул холодный ветер, который, казалось, совсем не беспокоил халдея и Софоса. Я заставлял себя двигаться быстрее, чтобы согреться, и дышал открытым ртом, чтобы зубы не стучали. И я не мог избавиться от ощущения чужого взгляда между лопатками. Наверное, царица Аттолии очень хотела получить обратно по крайней мере одного из заключенных.

Горы поднимались вдали перед нами, и мы продолжали идти к ним в темноте. Здесь они вырастали внезапно, прямо из равнины, так же, как над Елеонским морем. Мы шли наощупь. Когда мои босые ноги касались сухой травы, я знал, что мы уклонились с пути. Даже с ветерком, толкавшим меня в спину, мы плелись очень медленно. Я устал. Мне все еще чудился рев реки в каменной бездне, и я мечтал о глотке чистой воды.

Когда я начал спотыкаться, халдей попробовал подпереть меня плечом, но он был слишком высок. Софос скользнул под мое здоровое плечо и постарался подстроиться под мои шаги. Мысли о возможной погоне не давали нам остановиться.

Через некоторое время взошла луна, и Сеперхи, вдоль которой шла дорога, стала изгибаться назад. Берег поднялся, и река бежала под нами на глубине тридцати или сорока футов. На ее дальнем берегу вздымались утесы, указывающие на близость гор. Если бы мы не перебрались на этот берег, дорога неминуемо привела бы нас к обрыву над стремниной.

Наш путь закончился около моста, и мы без обсуждений двинулись к нему. Но прежде чем мы достигли вершины его каменной арки, халдей остановился и повернулся. Если бы у него были уши, как у лошади, он насторожил бы их вперед.

— Вы что-то слышите? — спросил я.

— Стук копыт.

Мы пересекли мост и направились прямо к солдатам, ожидавшим нас на другом конце.

Глава 12

Противоположная сторона моста заканчивалась скалой. Перед ней притулилась башня, защищающая ворота в расселине скалы. Ворота были распахнуты, и перед ними у трех костров сидели солдаты, которые спали, играли в кости, ели, словом, занимались делами, разрешенными служивому человеку в свободное время.

На мосту находилось только два охранника, сидевших на каменном столбе. Они не видели нас, пока мы не оказались почти у их ног, и тут они посмотрели вниз. Потом оба ухмыльнулись и спрыгнули. Один направил копье на нас, вдруг обретя по-военному деловитый вид, а второй побежал искать капитана.

Никто не сказал ни слова, пока мы ждали. Солдаты вокруг костров даже не оторвались от своих костей. Капитан оказался таким же неразговорчивым, как его солдаты. Некоторое время он смотрел, как я опираюсь на Софоса, а халдей поддерживает нас обоих. Капитан покачал головой и сказал халдею:

— Добро пожаловать в Эддис. — затем он повернулся к лейтенанту, следовавшему за ним по пятам. — Приведи лошадей. И четыре или пять человек для сопровождения. Не нам с ними разбираться. Продолжайте охранять мост, — сказал он двум охранникам, и те побежали к вершине арки, чтобы осматривать лунную равнину оттуда. — Вы трое идите за мной, — он ткнул в нашу сторону скрюченным пальцем.

Несколько человек в лагере заметили движение на мосту, лейтенанты начали раздавать команды. Атмосфера отдыха испарилась в один миг, солдаты разом превратились в служаков, ретивых и подозрительных. К тому времени лейтенант вернулся с пятью людьми и шестью невысокими лошадками; охранники на мосту тоже слышали стук копыт и доложили капитану.

— Это аттолийские гвардейцы, — сказал халдей.

Он ожидал, что соседи потребуют нашей выдачи.

— Я разберусь с ними, — сказал капитан лейтенанту. — А ты позаботься о гостях. — он с отвращением махнул рукой в нашу сторону.

Дав команду нескольким солдатам следовать за ним, он бросился прочь. С громким звоном и стуком наша охрана взгромоздилась на лошадей, и крепкий боец потянул Софоса из-под моей руки. Ухватив мальчика за локоть и пояс штанов, он забросил его в седло. Кто-то взял меня за локоть, намереваясь сделать то же самое, но я вывернулся и упал на колени.

— Стой! Не надо! — крикнул Софос срывающимся голосом и задергался, пытаясь спрыгнуть с лошади. Мускулистый солдат удержал его и велел успокоиться.

Человек, державший меня за руку наклонился чуть ближе к моему лицу и приказал кому-то принести одеяло. Оно было теплое, наверное, лежало около огня. Меня завернули, как младенца и почти нежно передали в руки лейтенанта.

Когда лошади шли под воротами, я взглянул на поддерживающих замковый камень грифонов и подумал, что сплю. Мне снились летящие мимо каменные стены и стук копыт горных пони, поднимавшихся по мощеной булыжником мостовой к старому руслу Арактуса.

Ко времени, когда мы добрались до дворца, парадный вход был освещен фонарями, но большая часть окон темна. Было уже далеко за полночь. Все спешили, и двое солдат помогли мне спуститься на землю. Потом возникла сумятица, и никто толком не знал, что делать. Софос подошел и снова встал под мое здоровое плечо. Халдей стоял рядом с нами. Все остальные бочком отодвинулись в сторонку, словно боялись заразиться нашей бедой.

Наконец кто-то распахнул двойные двери, кто-то провел нас в холл, и мы всей толпой ввалились внутрь. Стук сапог по мраморному полу объявил о нашем прибытии тем, кто не расслышал шума во дворе. Слуги и любопытные зрители выстроились по обе стороны лестницы. В малом тронном зале еще горели огни, и мы дружно двинулись в этом направлении. Люди с лестницы присоединились к нашему шествию, вокруг нас образовался человеческий водоворот, и к моменту, когда мы миновали темный холл и остановились в дверях ярко освещенного зала, я чувствовал себя главным клоуном в цирке. Не хватало только танцующих медведей.

Сначала я видел только потолок и верхнюю часть стен, расписанных парящими ласточками. Но затем толпа передо мной расступилась, и я увидел стены, окрашенные внизу в темно-красный цвет и двух золотых грифонов, лежащих по обе стороны от трона. Кресло на возвышении было пусто.

В глубине зала около очага сидело несколько женщин, они болтали, две из них играли в шахматы. Самая некрасивая из женщин встала. У нее были черные волосы и красное бархатное платье, как у аттолийской царицы, но на этом сходство заканчивалось. У царицы Эддиса была солдатская выправка. Оборки на плечах удлиняли руки настолько, что, казалось, они достигали колен. Ее нос был сломан и сросся криво, коротко остриженные волосы вились такими крутыми кольцами, что почти скрывали серебряную корону.

Она помахала лейтенанту, который привел нас, и потребовала объяснений. Неспособный расслышать ее сквозь болтовню окружавших нас людей, он извиняющимся жестом пожал плечами. Она подняла ладонь и, приподняв бровь, обвела взглядом комнату. Зал погрузился в тишину.

Солдаты встали вокруг халдея с Софосом, а я поспешно вышел вперед. Увидев нас, царица опустила руку.

— О, — сказала она раздраженным тоном совершенного понимания. — Это ты, Евгенидес.

Я посмотрел на свои покрытые пылью ноги. Я страшно устал и чувствовал себя, словно облако, которое в любой момент может сдуть с неба. Мне даже не хватило сил почувствовать досаду на королеву и ее ярых защитников, которые устроили представление для всего двора Эддиса. И все же я никогда еще не был так счастлив услышать свое имя.

Халдей, я заметил, не был удивлен приветствием. Это немного разозлило меня, потому что я очень надеялся полюбоваться на его отвисшую челюсть. Пришлось удовлетвориться удивлением Софоса — он продемонстрировал его самым трогательным способом — и надеяться, что халдей знает не все мои секреты.

— Вниз по ступеням, — пошептал я Софосу и подтолкнул его вперед.

Пока он помогал мне, люди по обе стороны лестницы отодвинулись еще дальше, не уверенные, что раздражение царицы против меня не обратится и против них заодно.

Напрасно они беспокоились. Я исчез несколько месяцев назад без ее разрешения, но она и некоторые из министров, наверное, догадались, по какой причине, так что если она и сердилась на меня, то только потому, что волновалась.

Здоровой рукой я начал теревить узел ремешка на затылке, чтобы освободить шнурок и то, что было к нему привязано. Это был второй ремешок, более короткий, из тех двух, что дал мне Пол на берегу Арактуса. Одной рукой я не смог развязать его полностью, и несколько прядей моих волос выпали из косы, когда я вытаскивал его наружу. Я быстро оглянулся на халдея и наконец порадовался его разинутому в изумлении рту.

— Ген, — пробормотал он себе под нос. — Ты гад.

Я положил Дар Хамиадеса в протянутую ладонь королевы. Он был спрятан в моей косе с тех пор, как я заплел ее после первого боя в Елеонском море. Как только я увидел несущихся к нам всадников, я направил свою лошадь вплотную к халдею, перочинным ножиком перерезал шнурок у него на шее и украл камень во второй раз. Нападение слишком отвлекло его, и я знал, что он поверит, будто шнур был перерезан мечом, и камень упал в воду.

Камень, качавшийся в кожаной петле, выглядел как обыкновенная речная галька, но никто в зале не усомнился в его подлинности. Руны, вырезанные Гефестией, проплыли мимо моих глаз. Сапфир в камне сфокусировал свет, и голубые буквы блеснули в воздухе.

Я заготовил целую речь. Я репетировал ее, спускаясь с гор в Сунис, снова и снова повторял в царской тюрьме, но сейчас не мог вспомнить ничего, кроме того, что очень устал. Я нес Дар Хамиатеса моей царице, и только это поддерживало мои силы от самой Аттолии до подножия гор. В тот момент, когда я выпустил камень из пальцев, тьма навалилась на меня, и я упал на пол, ничего не успев сказать.

* * *

Я проспал очень долго, боги не тревожили меня, и проснулся я в своей собственной кровати. Я погладил пальцами мягкие простыни. Они были не хуже тех, что продаются в лавках Суниса вдоль Священного пути, потому что лучшее белье, продаваемое в Сунисе, ткут в Эддисе, между прочим. Спинки моей кровати были украшены резьбой, изображающей еловый лес в Священных Горах, а повернув голову, я увидел Священные Горы воочию. Они поднимались со всех сторон, защищая меня своими надежными спинами.

Я вспомнил историю о том, как Гефестия создала долины в горах для своего избранного народа, и подумал, что это правда. Увидев богов своими глазами, я все же сомневался в некоторых легендах. Я не мог сказать, были ли боги воплощением окружающих нас рек и гор, или сами черпали в них источник своего могущества.

Они обладали большей властью, чем любой смертный, эта власть была достаточно могущественна, чтобы изменить лицо земли, но я не хотел становиться свидетелем этих изменений, я лишь надеялся, что они услышат мои молитвы издалека, примут мои подношения, но не сделают меня орудием исполнения своих замыслов. Дар Хамиатеса оказался скорее тяжким бременем, чем благословением, и я был рад освободиться от него.

Некоторое время я лежал и любовался видом из окна, прежде чем наконец заметил, что в библиотеке, отделенной от моей комнаты открытой дверью, кто-то тихо разговаривает. Я повернул голову, чтобы лучше слышать. Халдей говорил с царицей. Я слышал также, как он

обращается к какому-то министру, и подумал, что, вероятно, военный министр присутствует тоже.

— Мы сознательно использовали в письме к вам самые туманные формулировки, чтобы заставить Гена прийти к выводу, будто располагаем камнем. Когда он не смог найти ни его самого, ни любого упоминания о Даре среди моих документов, я понял, что он постарается растрюбить о себе по всему Сунису, как о самом лучшем воре. Приступая к делу, он упомянул, что его мать была эддисийкой, чтобы объяснить свой акцент и темные волосы, а затем начал хвастаться своей способностью украсть что угодно, надеясь обратить на себя мое внимание. Он мог только надеяться, что я проглочу его приманку, потому что нуждаюсь в опытном и малоизвестном в Сунисе воре, на исчезновение которого никто в городе не обратит внимания. Он не мог знать, что человек перед которым он хвастался в винном погребке, на самом деле мой шпион.

Я вспомнил, как чуть не рассмеялся вслух, когда халдей хвастался своей предусмотрительностью на берегу около храма. Должно быть, это боги свели нас вместе.

— Я не знаю, как он собирался выбраться из тюрьмы, — продолжал халдей. — Кажется, весь этот отчаянный план был построен в расчете на мое вмешательство.

Я мастер отчаянных планов, подумал я. С моим богатым практическим опытом я просто считал безрассудство частью профессионального риска. Рано или поздно, моя камера с цепями понадобится бы для кого-то поважнее, для министра финансов, например, и меня перевели бы в камеру попроще. В конце концов, мне бы подвернулся шанс сбежать, если я к тому времени не умер бы от какой-нибудь болезни.

— Он не мог узнать о местонахождении камня из бумаг в моем кабинете, — рассказывал халдей. — Я был достаточно осторожен и уничтожил все записи. Но он мог последовать за нами и украсть Дар, как только он будет найден.

Военный министр фыркнул.

— Нет, если бы ему пришлось следовать за вами на коне, — сказал он.

Царица рассмеялась, а я покраснел. Я терпеть не мог лошадей. Что стало одной из причин, по которой я не пожелал служить в армии, как надеялся мой отец. Наверное, халдей услышал мои мысли:

— У него достаточно других умений, которыми можно гордиться, — возразил он.

Правильно, я, например, украл Дар Хамиатеса не раз, а дважды. Кто еще в истории сумел проделать это? Но халдей решил вспомнить о моем бое с царскими гвардейцами у подножия горы. Это мастерство я ценил не очень высоко. Если бы я был таким же неумехой с мечом, как в седле, отец не настаивал бы на военной карьере и не противился бы передаче мне должности Царского Вора.

Халдей подробно описал мой бой с солдатами, и в его изложении событий я выглядел действительно эффектно. Военный министр фыркнул. Халдей не согласился признать это высокой оценкой и сухо сказал:

— Он говорил, что отец мечтал сделать из него солдата. Я был бы счастлив сообщить его отцу, что он вправе гордиться своим сыном.

Я подавил смешок в наступившей тишине. Халдей, должно быть, еще не совсем освоился при дворе Эддиса. Он должен был знать, что военный министр был женат на дочери Вора предыдущего царя. Он разговаривал с моим отцом. Халдей мог бы узнать меня при нашей первой встрече в Сунисе, но мы с ним так и не встретились раньше. Когда он приезжал с предложением от царя, я как раз дулся на весь свет в своей комнате.

В то время, как халдей, осознав свою ошибку, пытался извиниться, отец пошел взглянуть на меня.

— Кажется, я слышал, как ты хихикаешь в рукав, — сказал он.

Одна моя рука была слишком туго перебинтована, но я выпростал из-под одеяла другую, чтобы показать, что у меня нет никакого рукава, да и самой рубашки тоже.

— Я найду позже.

Прежде, чем исчезнуть в дверях, он кивнул. Я знал, что это единственный знак благодарности за всю проделанную мной тяжелую работу. Он всегда был немногословен.

После нескольких лет, потраченных в бесплодных усилиях отговорить меня от приобретения никому не нужных навыков, однажды вечером он пришел в мою комнату, чтобы рассказать, почему царица Эддиса решила рассмотреть брачное предложение царя Суниса, и по каким причинам ее Совет, включая его самого, призывал ее согласиться. Он оставил на столе стопку золотых монет и ушел.

Мгновение спустя в дверях появился халдей с серьезным Софосом.

— Рад увидеть, что тебе лучше, — сказал он.

Я покосился на него уголком глаза.

Он улыбнулся.

— Я решил не скрежетать зубами для твоего удовольствия.

Я засмеялся, а он оглядел комнату в поисках стула.

— Вот здесь будет удобно. — я освободил руку из-под простыни, чтобы указать на кресло около кровати.

Он уселся и положил ноги на стопку книг. Мы оба вспомнили нашу первую встречу.

— Наверное, придется его сжечь, — сказал я.

— Ничего подобного, — сказал он. — У меня было несколько дней, чтобы отмыться дочиста.

— Дней? — повторил я. Софос по-прежнему топтался на месте. — Сними книги с подоконника, — сказал я ему, — И садись туда. Неужели прошло несколько дней?

— Вот именно.

— И что я пропустил?

— Не так много, — ответил халдей. — Одного посланца из Аттолии и нескольких из Суниса. Четырех, если быть точным.

— Четырех?

Халдей пожал плечом с элегантной небрежностью.

— Расскажите, — попросил я. — Или я встану и немного придушу вас. Что за известия они принесли?

— О, царица Аттолии шлет свои наилучшие пожелания и надеется, что Царский Вор находится в добром здравии. Она так же надеется, что сможет оказать тебе гостеприимство как-нибудь в будущем.

Я поморщился при этой мысли.

— Она знала, кто ты такой?

— Подозревала, должно быть. Мы виделись мельком, но ей моя репутация известна лучше, чем вам.

— Она затеет сложную интригу, — сказал халдей.

— А вы?

— Затеею ли я сложную интригу? Нет, я не в состоянии придумать ничего равного

твоему коварству.

Я снова рассмеялся.

— Я хотел сказать, вы подозревали?

Халдей вздохнул.

— Нет, по крайней мере, до переправы через Сеперхи. Тогда я начал понимать, что не случайно потерял дорогу ночью в городе. И мне показалось, что охранники на мосту узнали тебя. Кажется, им хорошо известна твоя внешность. Но я не уверился окончательно, пока капитан не поприветствовал меня в Эддисе, словно ты привел нас с Софосом к себе в гости. Тот мост из плавника, ты знал о нем?

— Деревья приносит туда течением после каждого наводнения. Мы с дедом пользовались ими, когда еще он был жив. Он любил посещать Аттолию инкогнито.

— Пол знал, — сказал Софос с подоконника.

— Да, — согласился халдей. — Когда мы смотрели, как ты бьешься мечом Софоса, он шепнул мне, что у тебя эддисийская школа. Я тогда не понял, что он пытался мне сказать.

Пол узнал еще раньше, я был уверен. Он знал с той минуты, когда я неосторожно поблагодарил его именем Богини за ягоды Оссила. Если бы он не дрался с аттолийцами, если бы не был уверен, что Дар упал в ручей, он не позволил бы мне спрятать его и обязательно обыскал бы. Но то, что он не сказал халдею о своих подозрениях, заставило меня думать, что он ожидал от меня побега в горах и позволил бы мне уйти. Он должен был присматривать за Софосом и вернуть Дар. Ему не приказывали привезти обратно Царского Вора из Эддиса, так что Пол не видел причины для излишнего служебного рвения. Думаю, я нравился ему так же, как он нравился мне.

— Амбиадес мог догадаться, — сказал я.

Мы с ним невольно обменялись сведениями на краю антиутопии. Я понял, что он работает на кого-то, кроме халдея, а он сообразил, что я такой же мошенник, как и он. Халдей покачал головой.

— Амбиадес был умен. Жаль, что он одновременно оказался таким дураком. Всегда жаждал больше денег, больше власти... больше уважения. Он стал бы хорошим халдеем, если бы не стремился остаться внуком князя.

Мы помолчали несколько минут, размышляя о наших собственных амбициях. Я думал о Поле, которого, казалось, не раздирали никакие противоречия, и надеялся, что он получил удовольствие, столкнув Амбиадеса со скалы. Хотя я хотел бы сделать это сам. Наконец халдей сказал:

— Надо же, я выпорол Царского Вора лошадиной уздечкой. Какая честь.

Я улыбнулся и должен был сказать, что возможность побить Царского Вора честь не такая уж редкая.

— Да? Я несколько сомневаюсь в этом после того, как увидел тебя с мечом.

— Да. Я не пользуюсь мечом.

Я объяснил, что не держал в руках меч почти два года, с того самого момента, когда разорвал бумаги о зачислении в гвардию Эддиса. Во время ссоры с отцом я в присутствии непрошенных свидетелей поклялся не касаться оружия, если только моя жизнь не окажется в опасности.

— Вот как, — сказал халдей, когда некоторые мотивы моих поступков стали более очевидны. — Ты устал, — сказал он через мгновение, и он был прав. — Мы пойдем.

— Подождите, — попросил я. — Вы не рассказали о посланцах Суниса.

Халдей покачал головой.

— Лучше расспроси свою царицу, — сказал он.

Я проследил за его взглядом и увидел царицу, которая подошла незаметно и неизвестно как долго стояла в дверях. Она была одета в зеленое вышитое платье, которое делало ее похожей на ворону в павлиньих перьях. Мой брат Темен сломал ей нос деревянным мечом, когда им было по одиннадцать лет, в результате эта травма придавала ей больше привлекательности, чем вся красота царицы Аттолии, но она не осознавала этого и верила, что разочаровала людей, не став красавицей. За пять лет правления она завоевала любовь и преданность своих подданных. Все считают ее красивой, говорил я царице, и в мешке из-под лука будут любить не меньше, чем в дорогом платье, которое навязывает ей хранительница гардероба. Она фыркала на меня, напоминая, что обязана выглядеть богато, если уж не смогла вырасти красивой.

Я нахмурился, потому что мой мудрый совет явно позабыли, пока я находился далеко от дома.

* * *

Халдей принес извинения за свою невнимательность, но она махнула рукой, а затем села на край постели и крепко сжала мою руку.

— Тебе надо больше отдыхать, — сказала она.

— Сначала я должен узнать, что сообщили посланники Суниса.

— Евгенидис, ты устал.

— Сейчас я встану, — пригрозил я, — И пойду искать того, кто мне все расскажет.

Она сдалась. Я знал, что она не будет долго спорить. Иначе она вообще бы не пришла.

— Сначала нам просто сообщили, что царь Суниса вывел своих солдат из леса на южном склоне горы Иркес. В довольно грубой форме.

— Он пытался провести армию через еловый лес?

— Да.

— Фу. — я презрительно помотал головой. — Идиот. Вот что значит лишиться халдея, который может дать разумный совет. Ты подожгла деревья?

Царица покачала головой.

— Нет. Это не понадобилось. Я послала записку с твоим кузеном Кродесом и предупредила, что подожгу лес, если он не выведет своих людей к закату.

Лицо халдея побелело при мысли, что вся армия его страны могла обратиться в пепел.

— Второй посланец был более вежлив, — продолжала царица, откинувшись на подушку напротив меня. — Царь Суниса просил сообщить любые сведения о местонахождении и благополучии его халдея и наследника.

— Наследника халдея? — удивился я.

— Наследника царя.

Я посмотрел на Софоса.

— Так твой отец брат царя?

— А ты не знал? — сказал он.

— Нет.

Царица рассмеялась.

— Ты преподнес мне мой престол и наследника моего врага на одном блюде. Придворные до сих пор под впечатлением. — «Лучше бы их было поменьше при моем эффектном появлении в тронном зале без штанов», подумал я. — Я считаю, — продолжала она, — Что смогу добиться некоторых уступок от Суниса прежде, чем отправлю его племянника домой.

Она улыбнулась Софосу, и он, конечно, покраснел. Ее улыбка производила неизгладимое впечатление и на более черствых людей; просто невозможно было не улыбнуться ей в ответ. Не зря халдей мечтал увидеть ее на троне своей страны.

— Мне пора идти, — сказала царица, поднимаясь с моих подушек.

Она высвободила свою руку из моей и наклонилась поцеловать меня в лоб, Дар Хамиатеса на золотой цепочке коснулся моего носа. Когда она выпрямилась, камень снова лег ей на грудь чуть ниже ключиц.

* * *

Два дня спустя, когда я немного окреп, была проведена официальная церемония поднесения царице Дара Хамиатеса ее двоюродным братом Евгенидесом. Очевидно, простота, с которой я сунул ей в руки камень на грязном ремешке, не удовлетворила церемониймейстера. Явился камердинер моего отца и помог мне облачиться в модную одежду. Я провел всю церемонию как в тумане и кое-как вытерпел последующий банкет.

Мои кузены высказали свой обычный набор завуалированных оскорблений. Мои тети смотрели на меня через губу, а мои дяди «неумышленно» нагрубили, с удивлением заметив, как мало я похож на своего отца, полностью унаследовав все качества материнской родни.

Я не смог изобрести ни одного иронического замечания в ответ и, полагаю, был весьма сдержан. Действительно, мне было все равно, просто я убедился, что при дворе ничего не изменилось. Я отправился спать.

* * *

Ночью у меня начался жар, и доктор с помощниками обосновались у моей постели на всю следующую неделю. Я помнил, что однажды вечером ко мне пришла царица и предложила Дар Хамиатеса, но я заявил ей, что предпочитаю умереть. Я уже достаточно наигрался и этим камешком и предполагаемым бессмертием, которым, по слухам, он мог наделить своего владельца. Я обнаружил, что есть нечто ужасное и пугающее в том, сколько жизней он забирает в обмен на свое покровительство.

Она молча кивнула, как будто сама давно все поняла. Хотя, может быть, это был сон.

Когда я наконец почувствовал себя лучше, то оставил в своей комнате одного врача. Я принял участие в церемонии, поборов его яростное сопротивление, и теперь он тиранил меня с правом полного морального превосходства. Он предупредил, что отрежет мне ногу, если я попытаюсь поставить ее на пол. Я сообщил, что последователи Асклепия приносят клятву не причинять вреда живому существу. Он сказал, что ради меня, конечно, сделает исключение.

Наконец, разногласия между Сунисом и Эддисом были урегулированы, новый договор составлен, некая сумма компенсации выплачена в казну Эддиса, и наследник с халдеем собрались домой. Они пробились ко мне сквозь врачебный кордон, чтобы попрощаться. Когда они вошли, я уже сидел в постели.

— Халдей, — я приветствовал его кивком. — Ваше Высочество, — я кивнул Софосу.

Софос, конечно, покраснел.

— Значит, тебя называли Евгенидесом, потому что твоя мать была Царской Воровкой?

— Отчасти. Вернее будет сказать, что Евгенидес является нашим родовым именем, и я был назван в честь моего деда. Но моя мать, знаешь ли, никогда не была Царской Воровкой. Она умерла раньше моего деда, и я унаследовал титул непосредственно от него.

— Но люди называют твою мать Царской Воровкой, — возразил озадаченный Софос. — По крайней мере, я слышал, что они так говорили.

Я улыбнулся.

— Она была любимицей двора, и ее часто называли Царицей воров. Говорили, что она крадет сердца людей одной своей улыбкой. Но, конечно, она так же крадала их драгоценности и носила их сама либо посвящала богам. Ей нравилось забирать у людей то, чем они больше всего бахвалились. Так что если они приходили покрасоваться своими новыми изумрудами, то через пару дней, скорее всего, находили их на алтаре Евгенидеса, а то, что подарено богу, не вернется к человеку никогда. Придворным приходилось быть осторожными, чтобы не обидеть ее.

Позже они узнали, что меня обижать тоже не стоит. Софос начал говорить:

— Твоя мать. Ведь она... — он остановился, когда понял, что собирается произнести.

— Выпала из окна, когда мне было десять лет? Да, но не на вилле аристократа Эрактуса. Она танцевала на крыше дворца и поскользнулась.

Софос притих на мгновение, готовясь перейти к более безопасной теме. Наконец он выпалил.

— Когда ты собираешься жениться?

— Полагаю, это прежде всего зависит от того, когда я найду ту, на ком захочу жениться, — ответил я, озадаченный.

— Ну, ты же знаешь, — он засопел.

Я в недоумении посмотрел на него. Он покраснел. Я посмотрел на халдея, чтобы понять, знает ли он, на что намекает Софос, но он только пожал плечами. Пришлось спросить:

— Софос, ты это о чем?

— Разве ты не хочешь жениться на царице? Разве она тебя не любит за то, что ты сделал ее настоящей царицей?

— Она любит меня, Софос, но в основном потому, что большая часть остальных ее двоюродных братьев полные дебилы. Я очень люблю ее по той же причине, но не рассчитывал сделать царицей, а потом потребовать ее руку в награду. Государыня не должна выходить за вора. Возможность заключить династический брак случается не часто, — я колебался, наблюдая за халдеем, — Здесь надо исходить из политических интересов.

Эддис все еще мог создать альянс с Сунисом, но наша царица выйдет за их царя только

через мой труп.

— Но, Ген... — начал Софос, но я перебил его.

— Нет, — сказал я. — Больше никакого Гена. С этого момента существует только Евгенидес. Я никогда в жизни не хочу больше слышать о Гене.

Халдей рассмеялся, когда я покачал головой.

— Я недаром провел время в царской тюрьме, — продолжал я. — И не зря пил в каждой забегаловке Суниса. Вы не можете себе представить, как мне было плохо от грязи и дешевого вина. И как противно жевать с открытым ртом и говорить с полузакрытым. Ловить вшей в волосах и беседовать с людьми, которые считают, что Архимед — это жонглер из цирка, который умеет подбрасывать носом четыре маслины зараз.

Халдей посмотрел на книги, сложенные стопками по углам.

— Я помню того Архимеда. Кажется, он манипулировал пятью маслинами, — заметил он с каменным лицом.

— Я перестал интересоваться цирком лет в двенадцать, — сказал я.

Халдей провел рукой по корешку добротного переплета второго тома Архимеда.

— Пора тебе познакомиться с более современными авторами, — заметил он. — Эддис слишком долго находился в культурной изоляции, я пришлю тебе несколько томов с новой дипломатической миссией.

Я поблагодарил его, и мы оба подумали о мидийской угрозе.

— Так на ком же женится Сунис? — спросил я.

— Уже не знаю, — признался халдей.

— Вы всегда можете посвататься к Аттолии, — предложил я.

Он закатил глаза и вздохнул, а потом ушел, забрав с собой Софоса.

* * *

Я был предоставлен сам себе, чтобы нежиться на хлопковых простынях и восстанавливать силы. Врач неохотно согласился принести мне книги из библиотеки, и я изучил описание древних храмов, чтобы сверить с тем, что я увидел на берегу Арактуса. Сходство было неоспоримым, и я пришел к выводу, что Дар Хамиатеса был спрятан в храме под рекой за сотни лет до вторжения оккупантов на наши берега и мог быть передан последующим поколениям только с согласия богов. Чтобы обезопасить нечто ценное от воров, нужно не только хорошо спрятать свое сокровище, но и присматривать за ним.

Отец заходил часто, но ненадолго. Во время одного из визитов, он поведал, что Софос уже сообщил моим наиболее наглым кузенам, что мой утомительный обет отказа от оружия с честью предан забвению. Несколько человек так же взяли на себя труд сообщить всем вокруг, как я возмужал и стал похож на отца, и не все они казались неискренними. Может быть, мои дяди и тети когда-нибудь согласятся игнорировать тот факт, что я прочел слишком много книг и не умею ездить верхом, предпочитаю музыку и вежливую беседу фехтованию, но я не очень верил в такую возможность.

Когда царица зашла навестить меня, она сказала, что все сходство с моим отцом сводится к манере ходить с постной миной, а затем отрицать, что у меня что-то болит. Я попытался настаивать, что мое плечо действительно не очень болит, но она только рассмеялась и ушла.

Еще через неделю, когда мне разрешили выбраться из постели и сидеть в кресле, она снова пришла в гости и задержалась на минуту или две. Вечернее солнце заходило за склон Гефестии, наполняя комнату оранжевым светом.

— Софос посетил ваш семейный храм Евгенидеса, — сообщила она. — Больше всего он восхищался серьгами, особенно изумрудными кабошонами княгини Алении.

Кто-то должен был рассказать мальчику, как гневалась княгиня, когда я увел те изумруды, так сказать, у нее из-под носа. Я подозревал, что это была сама царица. Я признал, что с его стороны было немного странно восхищаться подношениями богу, в которого он не верил.

— Да уж, — согласилась она.

Мы оба по очереди рассматривали Дар, снова и снова поворачивая его в руках.

— Ты будешь его носить? — спросил я.

— Мне кажется, я не смогу, — сказала она.

— Тогда где ты будешь его хранить?

Храм исчез, вернуть Дар туда было невозможно. Она довольно долго молчала.

— Я собираюсь отнести его на Священную Гору и бросить в огонь Гефестии.

— Уничтожишь его? — я был поражен.

— Да, верну Богине. Приглашу свидетелей из Суниса и Аттолии, и когда его не станет, трон Эддиса будет передаваться тем же порядком, как в других странах. — она посмотрела на меня. — Так сказала мне Мойра.

Я кивнул, вспомнив посланницу богов в ее длинном белом пеплуме.

— Это не могло продолжаться вечно, — тихо сказала она. — Дар не принадлежит нашему миру.

— Через сто лет никто уже не будет верить в его существование, — заметил я.

— Но ты будешь по-прежнему знаменит.

— Ох, не знаю, — ответил я.

В последнее время слава потеряла для меня былую привлекательность.

— Будешь, будешь. Потому что ты запишешь эту историю и поставишь книгу на полку в своей библиотеке. Но сначала все расскажешь мне, — сказала она. — Я хочу знать то, что неизвестно халдею.

Было большим облегчением рассказать ей все о тюрьме и храме, о том, как я относился к халдею в начале нашей экспедиции и в конце ее. Каково оказаться в центре внимания богов и стать их инструментом изменения мира. Неприятные ощущения, должен признаться.

Она заходила урывками в течение многих дней, находя время в перерывах между исполнением царских обязанностей и встречами с министрами, но она хотела услышать всю мою историю. Через несколько месяцев я честно записал все, что помнил. Я покажу книгу ей и спрошу, что она думает. Может быть, я пошлю копию халдею в Сунис.

* * *

— Между прочим, Софос считал, что ты хочешь жениться на мне.

— Я думал, что ты выйдешь замуж за Софоса.

— Может быть. Впрочем, посмотрим, когда он подрастет.

— А еще я думал, что твой Совет уговаривает тебя выйти за двоюродного брата царицы

Аттолии.

— Ну, только потому, что он был симпатичнее Суниса. Но сейчас мне вообще можно не выходить замуж. К счастью для всех нас. Оба они возненавидели бы Эддис, но Софос... Думаю, Софос мог бы быть счастлив здесь.

— Любой, кому посчастливится заключить с тобой брак, сможет считать себя счастливейшим из смертных.

— Лстец.

— Не за что.

— Евгенидес...

— Да? Хватит уже кусать губы, скажи это наконец.

— Спасибо, вор.

— Всегда пожалуйста, моя царица.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

1–1.2 м. Фут равен 30.5 см.

Агорой у эллинов называлась рыночная площадь, обычно открытая. Возможно, именно отсюда возникло слово «агорафобия», означающее боязнь открытых пространств. В крупных городах на агоре могли располагаться и строения, в т. ч. капитальные, для торговли и для проживания приезжих купцов.

Стекло было редкостью в античном мире, и сосуды из него, даже самые простые, стоили дорого.

Цацки (также дзадзики, тцатцики) — холодный соус-закуска из йогурта, свежего огурца и чеснока, типичное блюдо греческой кухни. Цацки подают к хлебу, овощам, мясным и рыбным блюдам. Он нередко является составной частью мезе — набора закусок или небольших блюд, подаваемого в странах Средиземноморья.

Вот классический рецепт цацки:

250 г натурального густого йогурта без добавок; 3 зубчика чеснока; 1 огурец; 2 ст. л. оливкового масла; соль — по вкусу.

Огурец моем, очищаем от кожуры и натираем на мелкой терке. Отжимаем из тертого огурца сок, кладем мякоть в салатник и солим по вкусу. Чеснок чистим, мелко рубим и смешиваем с огурцом. Добавляем йогурт, перемешиваем, вливаем оливковое масло и еще раз хорошо перемешиваем. Подавать цацки лучше охлажденным.

У нас не всегда можно достать густой греческий йогурт, а если готовить цацки из жидкого йогурта, консистенция будет не та, поэтому соус нельзя будет использовать как дип (обмакивать в него продукты). Но выход из ситуации есть: для достижения нужной консистенции можно 150 г натурального йогурта смешать с 200 г творога (жирность — 20–40 %). Творог желательно брать мелкозернистый. Еще один вариант — смесь из натурального йогурта и 10–15 % сметаны.

Песочные часы и клепсидры (водяные часы) были известны в глубокой древности, а вот плоские, т. е. механические часы изобрели ок. 1300 г. (башенные, механизм колесного типа). Предметом обихода они стали только с изобретением маятника и анкерного механизма, в XVII веке.

Первые пистолеты появились только в XV веке. Они представляли собой насаженный на деревянную колоду короткий ствол с фитильным замком. Леонардо да Винчи изобрел колесцовый замок для пистолета (заводящийся ключом) — это единственное его изобретение, получившее признание при жизни.

Каннелюры — вертикальные желобки на стволе колонны, или горизонтальные на ее основании.

Горгуля — в готической архитектуре: каменный или металлический выпуск водосточного желоба, чаще всего скульптурно оформленный в виде гротескного персонажа (иногда — многофигурного сюжета) и предназначенный для эффективного отвода дождевого стока от вертикальных поверхностей ниже свеса кровли. Сильно вынесенная перпендикулярно стене горгуляя является характернейшим элементом силуэта многих крупных построек средневекового Запада, а также одним из мотивов в готической архитектуре, где ее функция часто исключительно декоративная.